

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

ЗАПАДНАЯ И ЮЖНАЯ СИБИРЬ В ДРЕВНОСТИ

*Сборник научных трудов,
посвященный 60-летию со дня рождения
Юрия Федоровича Кирюшина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2005

ББК 63.48(253)я43

330

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук **С.П. Грушин**
кандидат исторических наук **П.К. Дашковский**
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**
кандидат исторических наук **Д.В. Папин**
кандидат исторических наук **А.Б. Шамшин**
кандидат исторических наук **Т.Г. Горбунова** (ученый секретарь)

330 **Западная и Южная Сибирь в древности** : сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 252 с.
ISBN 5-7904-0438-3

В сборнике представлены материалы докладов Всероссийской научной конференции «Западная и Южная Сибирь в древности» (Барнаул, январь 2006 г.), посвященной 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина – ректора Алтайского государственного университета, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой археологии, этнографии и источниковедения, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся проблемами изучения древних культур в области археологии и других дисциплин.

Сборник научных трудов подготовлен в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье»

ISBN 5-7904-0438-3

© Алтайский государственный университет, оформление, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

13 января 2006 г. исполняется 60 лет Юрию Федоровичу Кирюшину – ректору Алтайского государственного университета, профессору, доктору исторических наук, заведующему кафедрой археологии, этнографии и источниковедения. Этой дате посвящен данный сборник, в который вошли материалы докладов Всероссийской научной конференции, присланные друзьями, коллегами и учениками юбиляра.

Ю.Ф. Кирюшин родился г. Бердске Новосибирской области. В 1969 г. окончил Томский государственный университет (ТГУ). Обучаясь на историко-филологическом факультете, посещал археологический кружок под руководством известного в Сибири исследователя В.И. Матюшенко, ездил в экспедиции. Еще до окончания университета Юрий Федорович стал заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ. Летом 1969 г. он провел первую самостоятельную разведку по Васюгану, а осенью был направлен на стажировку в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Эта поездка сыграла важную роль на формирование молодого ученого. В Ленинграде он познакомился со многими археологами и значительно повысил свой профессиональный уровень. Особое значение имели встречи с выдающимся исследователем М.П. Грязновым.

В конце 1970 г. Ю.Ф. Кирюшина зачислили младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при ТГУ, которой руководил известный историк А.П. Бородавкин. В 1-й половине 1970-х гг. Ю.Ф. Кирюшиным были осуществлены плодотворные изыскания на севере Томской области. Результатом стала кандидатская диссертация «Бронзовый век Васюганья», написанная под руководством Л.А. Чиндиной и защищенная в феврале 1977 г. в Институте археологии АН СССР (г. Москва). Летом того же года после избрания по конкурсу Юрий Федорович был принят старшим преподавателем кафедры истории СССР Алтайского государственного университета (АГУ).

Организованная в 1978 г. внебюджетная Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая дала толчок для развития научных исследований и формирования коллектива сотрудников. Являясь заведующим этого подразделения АГУ, Ю.Ф. Кирюшин организовывал работу хозяйственных археологических экспедиций на памятниках, попадающих в зоны строительства объектов народного хозяйства. Кроме этого, осуществлялись масштабные обследования слабо изученной территории Алтайского края. Результаты этих

изысканий заложили основу для качественно нового этапа в изучении археологии крупного историко-культурного региона.

В 1979 г. вышла первая научная монография Ю.Ф. Кирюшина «Бронзовый век Васюганья», написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко. Эта книга долгое время являлась образцом эффективного использования естественно-научных методов в археологии. Плодотворное сотрудничество двух ученых, начавшееся еще в Томске, продлилось в последующие годы и зафиксировано во многих публикациях.

В марте 1980 г. решением Ученого совета Ю.Ф. Кирюшин был избран доцентом кафедры истории СССР. Активная исследовательская деятельность на Алтае позволила Ю.Ф. Кирюшину собрать значительный по объему археологический материал, потребовавший серьезного обобщения. Для подготовки докторской диссертации Юрий Федорович в начале 1983 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника. В течение двух лет им осуществлялась кропотливая работа по систематизации и введению в научный оборот имевшихся данных. В 1987 г. в Новосибирске состоялась защита диссертации на тему «Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья». Это был успех не только лично Ю.Ф. Кирюшина, но и руководимого им коллектива археологов. Получение степени доктора наук давало много возможностей уже другого уровня развития. Они и были реализованы в последующие годы.

В 1988 г. Ю.Ф. Кирюшин избирается профессором кафедры дореволюционной отечественной истории, а с открытием на историческом факультете АГУ кафедры археологии, этнографии и источниковедения возглавляет ее. В конце 1980-х гг. учебная и исследовательская работа Юрия Федоровича стала приобретать концептуальный характер. Это выразилось в создании и широкой специализации научной школы. Развитию археологии способствовали масштабные раскопки в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС, другие многочисленные хозяйственные работы на территории Алтайского края, а также проведенные в Барнауле конференции и выход научных сборников. Важным результатом стало создание Музея археологии и этнографии Алтая АГУ (1985–1986). Следует указать на постоянное сотрудничество Ю.Ф. Кирюшина с учеными ближайшего академического учреждения – Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Именно эти контакты позволили существенным образом повысить авторитет археологии АГУ, что выразилось в совместных изданиях, экспедициях, конференциях и проектах.

В 1990 г. Ю.Ф. Кирюшин получил звание профессора, а с 1991 г. начинается важный этап в его деятельности на должности проректора по научной работе АГУ. Огромная энергия, коммуникабельность и целеустремленность позволили Юрию Федоровичу существенным образом продвинуть возглавляемое им направление. В 1991 г. был открыт Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований, а Ю.Ф. Кирюшин стал его научным руководителем. На базе этого НИИ позже создана совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири. В качестве заведующего этой структуры Ю.Ф. Кирюшин много сделал полезного для развития сибирской науки. Постоянные контакты с академиками А.П. Деревянко и В.И. Молодиным способствовали укреплению необходимых связей и росту уровня археологических исследований на Алтае.

В 1994 г. на историческом факультете АГУ был открыт диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций сначала по двум, а затем по трем специальностям. Ю.Ф. Кирюшин стал его председателем. За время работы было защищено более 100 диссертаций соискателями из многих городов Сибири. Стоит отметить, что 18 кандидатских диссертаций состоялись под руководством Юрия Федоровича. Успешная работа совета позволила преобразовать его в совет по защита докторских диссертаций (2005) по археологии, отечественной истории, историографии, источниковедению и методам исторического исследования

В 1997 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран ректором Алтайского государственного университета. Положительные результаты деятельности способствовали переизбранию его еще на один срок. Занимая столь ответственную административную должность, Юрий Федорович никогда не оставлял научные исследования. Однако они приобрели несколько иной характер. Не имея возможности по долгу находиться в экспедициях и получать много нового материала, Ю.Ф. Кирюшин сосредоточился на обобщении уже полученных результатов. За эти годы опубликовано восемь монографий. Вершиной этой работы стала объемные труды (Кирюшин Ю.Ф., 2002, 2004), отражающие многолетние исследования автора. Особенно впечатляют результаты проведенных изысканий в трудных условиях болотисто-таежной равнины Среднего Приобья.

Вклад Ю.Ф. Кирюшина в археологическое изучение Западной и Южной Сибири значителен. Его научные интересы довольно широки: от палеолита до эпохи средневековья. Однако особый приоритет отдается энеолиту и бронзовому веку. Организованные в те

чение многих лет экспедиции под руководством Юрия Федоровича дали материал, позволивший по-новому и существенным образом решать имевшиеся проблемы. Список научных работ Ю.Ф. Кирюшина впечатляет и насчитывает более 300 позиций. Он автор и со-автор более 10 монографий, редактор и соредактор нескольких десятков изданий. Созданная научная школа в области археологии продолжает свой потенциальный рост. Частным примером этого может стать упоминание о том, что Юрий Федорович являлся научным консультантом трех защищенных докторских диссертаций. На посту ректора Алтайского госуниверситета ему также удалось достичь многого. Уже второй год подряд АлтГУ входит в числе 100 лучших вузов России и награждается золотой медалью «Европейское качество», а Юрий Федорович удостоен почетного знака «Ректор года» (2004, 2005).

За свою трудовую деятельность Ю.Ф. Кирюшин неоднократно отмечен благодарностями, почетными грамотами, дипломами и премиями. В 1997 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник АГУ», а в 2004 г. «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 1998 г. награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России». Ю.Ф. Кирюшин является лауреатом премии Президента Российской Федерации в области образования (2002). В 2003 г. он удостоен звания «Почетный профессор Алтайского государственного университета», а также награжден знаком «За заслуги в развитии города Барнаула». В 2004 г. совершена запись фамилии Юрия Федоровича в Книгу Почета Сибири за большой личный вклад в развитие исторической науки, что зафиксировано в свидетельстве, выданном Сибирским межрегиональным отделением Национального фонда «Общественное признание». В 2005 г. присвоено звание «Заслуженный деятель Республики Алтай» с вручением нагрудного знака.

Название сборника не случайно. Оно отражает сферы научных интересов Ю.Ф. Кирюшина. В первом разделе предлагаемого издания представлены воспоминания и размышления, в которых отражены различные стороны жизни и деятельности юбиляра. Во втором даны результаты археологических исследований на территории Западной и Южной Сибири. В третьем помещены публикации, посвященные изучению древностей Евразии. Все статьи расположены в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В конце приведен библиографический список использованных источников и научных работ. Надеемся, что этот сборник научных трудов станет хорошим подарком нашему уважаемому юбиляру.

А.А. Тишкин

Юрий Федорович Кирюшин

Васюган, 1978 г.

Экспедиция АГУ на Васюгане, 1981 г.

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ...

И.Г. Глушков
*Сургутский государственный
педагогический университет, Сургут*
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я учился тогда на втором курсе Омского университета. Как и у многих честолюбивых студентов младших курсов, только начинающих постигать азы большой науки, у меня сложились собственные, в основном радикальные, представления об археологии бронзового века Западной Сибири.

Впервые поработав с коллекцией керамики поселения Окунево-VII (раскопки А.И. Петрова в Омской области), я «понял», что до меня археология только дремала и мой «приход» в науку, естественно, придаст ей новый импульс, а множество спорных проблем с блеском будет решено. Святая простота!

Именно с таким настроением я и поехал на полевую конференцию в Томский университет (1976 г.), где и встретил Ю.Ф. Кирюшина. Кстати, это был первый выезд омичей на археологические конференции, состоялось представление научной школы, которую создавал В.И. Матющенко в Омске.

Юрий Федорович к тому времени стал сложившимся исследователем: его статьи публиковались в сборниках, он подготовил кандидатскую диссертацию, т.е. это был уже ученый, что называется «на слуху». В моем представлении, судя по статьям (в то далекое время студенты почти обожествляли ученых), Ю.Ф. Кирюшин должен был быть умудренным житейским опытом, взвешенным человеком, подмечавшим то, что не видели другие.

На студенческой конференции он выступал в обсуждениях (тогда в Томске была такая хорошая традиция – выступление на студенческих конференциях молодых археологов), и я увидел молодого, азартного, увлеченного человека, который ну никак не соответствовал тому образу, который я сам себе мысленно нарисовал. Я уже не помню, что он доказывал тогда, но делал это страстно, убежденно, демонстрируя широкую эрудицию и блестящее знание источников. Мне в целом импонировала его точка зрения и ранее, поэтому я тоже выступал в обсуждениях, и на этой почве мы сблизились.

Как ни странно для меня, он похвалил мой доклад, точнее подход, затем мы разговорились, и оказалось, что наши представления, особенно на гребенчато-ямочную керамику таежной зоны,

во многом совпадали, что еще больше способствовало возникновению взаимных симпатий (дорогой читатель, здесь я прошу не сравнивать знания уже сложившегося ученого и представления юного неофита).

Как обычно, конференция заканчивалась банкетом. Что касается меня, то, начиная со студенчества, я уважал эту традицию, аккуратно и добросовестно «общаясь» на них, даже в ущерб собственному здоровью. Юрий Федорович в большей степени являлся приверженцем идеи банкетов. В какой-то степени он стоял у истоков организации таких мероприятий на западносибирских археологических форумах. Но тот банкет 1976 г. был для нас обоих очень необычным. Около двух часов мы гуляли по коридору и очень долго говорили, в то время как все нормальные люди занимались тем, чем и положено заниматься на банкетах. Юра внимательно слушал меня, всерьез принимая мои рассуждения (я был страшно горд этим обстоятельством!), сам увлеченно рассказывал о Васюганье, о тайге, о разведках. Может быть, именно тогда я заочно и полюбил тайгу, хотя весь мой предшествующий опыт был связан преимущественно с лесостепью и степью. Незаметно мы перешли на «ты», причем он предложил это без особых церемоний, просто забыв, что перед ним юный восторженный студент. В дальнейшем у меня со многими моими коллегами устанавливались близкие дружеские отношения, но на той конференции это было впервые. Впервые было сказано «ты» человеку, который, безусловно, не являлся ровней студенту-второкурснику.

В том разговоре только в одном мы не могли найти общего языка – в вопросе о методологии археологии. Я увлекался методологией, теорией, а Юра не хотел этого понимать, считая, что я не имею на это права, так как еще не знаю практического материала. Помню, он говорил: «У меня есть Васюганье, поэтому я могу теоретизировать...» Где-то в глубине души я понимал, что это не совсем так, но объяснить тогда не сумел. Однако на тот момент это было единственное разногласие, не сильно повлиявшее на взаимную симпатию.

На следующий день Юра пригласил меня домой – он жил в общежитии – показал васюганскую керамику, и вновь мы обсуждали археологические проблемы, которые казались мне тогда важнейшими в науке. Именно с тех бесед для меня открылся новый мир – мир археологических конференций, который определял стратегию развития археологии в то время. Юра погрузил меня в этот

мир с головой настолько, что и до сих пор по прошествии стольких лет у меня остались сильные впечатления от нашей первой встречи.

Сейчас, вспоминая то время, наше первое знакомство и возникшую как-то сразу, бурно и вдруг дружбу, выдержавшую испытание временем, я задумываюсь над тем, что могло нас сблизить – студента второго курса и дипломированного археолога. Вероятно, в чем-то мы были схожи – азартные, уверенные в своих силах романтики (с моей стороны это, естественно, была самоуверенность). Я думаю, что оба мы впитали в себя романтический дух 1970-х, коллективистские ценности этой эпохи, были молоды и оптимистичны.

После 1976 г. долгое время я не встречался с Юрием Федоровичем – как-то не пересекались пути. Следующая встреча произошла, когда я уже окончил университет – на Томском совещании 1981 г.

Я только начинал работу над кандидатской диссертацией (самусьская проблематика) и все также, отдавая приоритет теории, решил теоретически (методологически) обосновать различие двух основных концепций, сложившихся к тому времени в западносибирской археологии – М.Ф. Косарева и В.И. Матющенко. Справедливо-сти ради надо сказать, что сделал я это неуклюже и очень прямолинейно. На совещание я опоздал и, к сожалению, не слышал, как выступал Ю.Ф. Кирюшин по поводу моих тезисов, кроя такой подход «в хвост и в гриву». Мне кратко пересказали его выступление, и я со свойственным юному возрасту максимализмом в кулуарах «покрыл» и выступление, и его автора непечатными фразеологизмами. Юрию Федоровичу, естественно, сообщили о такой бурной реакции, но он не обиделся на меня, даже наоборот – рассмеялся. Мы вновь, как и в первую встречу, долго беседовали, и в ходе разговора он задал вопрос, мой ответ на который до сих пор вызывает у меня чувство неловкости. Он спросил, видел ли я сам материалы памятника Самусь-IV, держал ли их в руках, чтобы иметь право таким образом, как это сделал я, решать научную проблему. Я не видел «живого» материала, я теоретизировал и вынужден был признать это. Тогда я еще не понимал всей степени некомпетентности подобного теоретизирования, не понимал, что такое для археолога источник, и, пожалуй, впервые лично меня заставил понять это Ю.Ф. Кирюшин. Он предложил мне самому или совместно посмотреть коллекцию. Теперь уже и не знаю – может быть, случайно, может быть, в ходе такой коррекции со стороны Ю.Ф. Кирюшина, но у меня сформировался

особый интерес к проблемам прежде всего археологического источниковедения, методике археологических исследований. Впрочем, Юрий Федорович также увлекался методами естественных наук – особенно в юности. Возможно, он исподволь сумел «заразить» этим и меня.

Позже я работал с самусьской коллекцией, мы работали над ней вместе с Юрием Федоровичем в Томском музее. Даже нашли одну датирующую вещь – обломок формы для наконечника копья с прорезным пером.

Так были изменены мои представления о Самусе, изменены не в жаркой дискуссии, не логикой и строгостью аргументации, а в дружеской беседе, казалось бы, простым вопросом – знаю ли я на практике то, о чем говорю.

Затем наши встречи стали случаться чаще. Когда я жил в Омске, Юра приезжал в гости. С этой поездкой связан еще один случай, раскрывающий многогранность «talантов» Юрия Федоровича.

Аспирантство – это тяжелое для нашей семьи время, когда часто не хватало денег. Когда Юра приехал в Омск – это был как раз период полного отсутствия финансов. Ю.Ф. Кирюшин был столь же ограничен в средствах, так как заехал в Омск откуда-то. И вот он уже уезжает, а я не могу его «по-людски» проводить – нет денег. Мы идем на вокзал: я переживаю, что как-то не так хотелось бы расстаться с человеком. Он также чувствует неловкость – его денег хватит только на билет. В таком извиняющем друг друга состоянии мы и приготовились к расставанию. Но... Юра – человек непоседливый, любопытный и, несмотря на свое зрение, удивительно глазастый. Он вдруг находит прямо на асфальте денежную купюру достоинством то ли в 5, то ли в 10 рублей. Эти денежные средства до того облегчили наши тяжелые проводы, что последнюю бутылку портвейна мы допивали уже в поезде (хорошо, что я никуда не уехал!).

Прошло уже много лет, наши отношения проверены временем. Это дружеские отношения партнерства и взаимной поддержки, отношения старшего и младшего товарищей, хотя с годами, к сожалению, разница в возрасте становится все менее ощутимой. Меняется мир вокруг, меняются люди: то, что еще недавно казалось неизблемым, растворилось в напоре нового общества – «общества с ограниченной ответственностью». Меняемся и мы – Юрий Федорович теперь ректор и на нем лежит тяжелый груз ответственности за судь-

бу вуза. Однако незабываемой осталась память прошлых лет, когда молодой Юра Кирюшин ходил в разведки, страстно полемизировал на конференциях, был душой компании и заводила кулуаров.

Сухой профессионал и неудержимый романтик – в этом весь Ю.Ф. Кирюшин. Противоречивый и в то же время цельный, азартный, не теряющий головы, вспыльчивый, но без «камня за пазухой», внутренне мобильный, непоседливый, но не предающий своих убеждений. В целом очень добрый человек. В наше время почти все эти ценности стали реликтовыми, но именно они всегда привлекали людей к Ю.Ф. Кирюшину. Благодаря внутреннему горению колоссальной энергии и личной неуспокоенности, он сумел сплотить вокруг себя коллектив археологов, в прямом смысле слова воспитал поколение столь же энергичных внутренне цельных и красивых людей. Я рад, что когда-то судьба свела меня с Юрием Федоровичем Кирюшиным.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРВОГО РЕКТОРА АЛТАЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В.И. НЕВЕРОВА*

Наиболее ярким представителем когорты первого «призыва» АГУ был Юрий Федорович Кирюшин. Он окончил ТГУ, работал там заведующим музеем археологии и этнографии, а потом в проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при ТГУ, которой руководил А.П. Бородавкин. После защиты диссертации в Институте археологии АН СССР в Москве прибыл к нам. Александр Павлович, рекомендуя молодого кандидата, обронил фразу: «Будем надеяться, что это – будущее алтайской археологии».

Беседую с Ю.Ф. Кирюшиным. На мой прямой вопрос: «Что вас привело в АГУ, а не в другой вуз – надежда на получение жилья?» Юрий Федорович ответил: «Жилье рано или поздно все равно дадите. Главное же в том, что Алтай – уникальный мировой полигон для археологов. Ученые многих стран мира проявляют к нему интерес, а на месте планомерных масштабных исследований пока не ведется. Этот пробел надо восполнять. Думаю, что настала пора создавать алтайскую школу археологии». – «Ничего себе, – подумал я, – а впрочем, почему бы и нет? Человек получил хорошее образование, поставил перед собой большую цель, пусть дерзает».

* Текст воспоминаний опубликован в книге В.И. Неверова «Университет – моя любовь» (Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 76–78).

– У вас есть видение реализации этой задачи?

И Кирюшин обстоятельно, убедительно изложил свои соображения. Было видно, что он решил накрепко связать свою судьбу с Алтаем.

– Ну, что ж, – сказал я ему, – дерзайте. А вашу идею о создании в АГУ мощной археологической лаборатории мы поддержим!

И Юрий Федорович, не мешкая, начал реализовывать свои планы. Уже в 1978 г. он организовал внебюджетную научно-исследовательскую лабораторию археологии и этнографии Алтая. Позднее она была преобразована в Барнаульскую лабораторию археологии и этнографии Южной Сибири под эгидой СО АН СССР и АГУ. Юрий Федорович защитил докторскую диссертацию, воспитал большое число молодых ученых, занимающихся археологией, в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН развернул широкомасштабные исследования далекого прошлого Алтая. Его имя стало известно за рубежом. В полевых научных экспедициях под руководством Юрия Федоровича принимали участие ученые Японии, Южной Кореи, США, Канады и Монголии. Сам он участвовал в экспедиционных работах на территории Японии и читал лекции по древней истории Сибири в японских университетах. Он сильно вырос и в административно-организационном плане: в 1991–1996 гг. – проректор по научной работе, а в 1997 г. был избран ректором АГУ.

Дерзкая мечта Кирюшина создать алтайскую школу археологии получила свое воплощение...

...В свое время под руководством Ю.Ф. Кирюшина был создан Музей археологии АГУ. Во время выборов в Верховный Совет СССР для встречи с избирателями прибыл кандидат в депутаты от Алтайского округа член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиевич Алиев. Мне пришлось быть его доверенным лицом.

Посетил он университет, прошел по лабораториям, нигде особенно не задерживаясь, а в Музее археологии застрял надолго. Руководители края занервничали – рушится график. А Алиев переходил от одного стенда к другому, задавал Кирюшину все новые и новые вопросы. Уже в ректорате Гейдар Алиевич сказал мне: «Я историк по образованию и разбираюсь в том, что видел. Таких музеев в вузах страны – единицы. Ваш археолог – умный и энергичный парень, ему надо помогать»...

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

В РАЗВЕДКАХ С ШЕФОМ

Впервые мне удалось поработать с Юрием Федоровичем Кирюшиным в поле 16 октября 1977 г. За день до этого, в субботу, мы с В.Б. Бородаевым обнаружили на правом берегу Оби напротив с. Гоньбы новый археологический памятник, получивший впоследствии наименование Малый Гоньбинский Кордон (МГК-1). Добирались до МГК напрямик, постоянно держа достаточно высокий остаток в поле зрения. Для этого пришлось переплыть Обь на резиновой лодке и затем пробираться через пойму по болотам и протокам. На поверхности останца была недавно установлена опора ЛЭП-500, для укрепления которой бульдозером сгребли часть поверхности. На этом месте мы и обнаружили начавшиеся разрушаться древние погребения.

Почти сразу возникла мысль пригласить на следующий день Ю.Ф. Кирюшина, совсем недавно появившегося в университете. Совершенно неожиданно для нас Юрий Федорович согласился. Только спустя годы я понял, что эта первая поездка являлась авантюрой.

Добравшись до берега Оби и глядя на свинцовую октябрьскую воду и старенькую двухместную резиновую лодку, мы тогда, не задумываясь о нешуточной опасности, планировали переправу. Четыре человека с вещами, включая лопаты и мелкий шанцевый инструмент, никак в эту лодку поместиться не могли. Решение переправиться в два приема через беспокойную реку километровой ширины, да еще лавируя между проходящих катеров и теплоходов, сейчас кажется настоящим сумасшествием. Тем не менее переправа прошла удачно, хотя до сих пор вспоминается неприятное ощущение полной зависимости от лодки, которая потихоньку стравливала воздух через многочисленные микроскопические дырки, так что приходилось ее постоянно подкачивать ручным насосом. После преодоления Оби дальнейший маршрут казался просто приятной прогулкой с двумя переправами через поперечные протоки, преграждавшие путь к нашей цели. Стоит ли говорить, что этот однодневный разведочный поход был очень удачным. Но сейчас кажется, что самым большим успехом была переправа через Обь. Тогда же три раскопанные аварийные могилы раннего железного века с сосудом, бронзовым ножом, пряслицами и бронзовыми булавами

представлялись замечательным завершением полевого сезона 1977 г. Пока мы занимались расчисткой обнаруженных погребений, Юрий Федорович пробежался по кромке останца, осматривая пашню и разрушения, связанные со строительством ЛЭП и вернулся к месту работ, сияя как начищенный пятак. В полукилометре севернее могильника (следует заметить, что останец был достаточно крупным, длиной около километра и шириной до 500 м) оказалось поселение переходного от бронзы к железу времени (МГК-1, поселение 3). Сообщив нам эту новость, Ю.Ф. Кирюшин продемонстрировал достаточно представительную коллекцию орнаментированной керамики и включился в расчистку оконтуренных погребений.

Две примечательные поездки по территории Алтайского края с Ю.Ф. Кирюшиным и небольшой группой сотрудников Лаборатории археологии АГУ состоялись в начале лета 1981 г. Одна – в устьевую зону р. Большой Речки, на знаменитые Ближние Елбаны, расположенные около с. Чаузово (бывшее с. Большая Речка). Другая – по маршруту Барнаул–Горно-Алтайск–Чоя–Телецкое озеро–Бийск–Иткуль–Барнаул. Основная задача этих разведок состояла в обследовании зон дорожного строительства и осмотре известных археологических памятников, их состояния и перспективности дальнейших исследований.

Поездка на БЕ нами планировалась давно, но постоянные срочные дела, аварийные работы, учебный процесс и т.п. мешали ее осуществлению. Практически после работ М.П. Грязнова археологи на этом уникальном археологическом комплексе Обского правобережья не появлялись. Возможность поездки представилась только в конце весны 1981 г. После достаточно долгого и утомительного пути (был выбран неверный маршрут, оказавшийся втрое длиннее прямой дороги через Рассказиху и Петровку) по весенним лесным дорогам поздно вечером мы оказались перед руслом Большой Речки. Эта небольшая, но своенравная река недавно сменила свое русло, и археологические памятники, находившиеся на ее левом берегу, оказались на правом. Стоит ли говорить о том, с каким нетерпением вся наша группа, включая Юрия Федоровича, ожидала утра, чтобы переправиться на заманчиво белеющие на противоположном берегу елбаны с песчаными раздувами. Периодически возникающие у шефа порывы все бросить и рвануть через речку на памятник с трудом удавалось нейтрализовать не слишком убедительными доводами о том, что темно, вода еще холодная, неизвестна глубина и т.п.

Рано утром, поеживаясь от весенней прохлады, вся группа вышла на берег, чтобы убедиться в том, что никакого брода и обхода через реку нет. Юрий Федорович, бросив клич: «Все на БЕ!», первым ринулся в воду, показывая остальным пример и демонстрируя глубину брода, доходящую до пояса.

В чашах раздувов мы увидели картину, которая не оставила бы равнодушным любого археолога – опытного и маститого, как Ю.Ф. Кирюшин, и начинающего, как большинство в нашей компании. В первом песчаном выдуве из кромки торчали разрушающиеся могилы с большим количеством бересты, а по поверхности были рассыпаны обломки железа, кости, десятки бусин и бисерин из стеклянной пасты. Чуть дальше, прямо в песке стояли андроновские горшки, а из осыпи виднелись глазницы человеческих черепов. Ниже по реке, на поселении БЕ-1, песка и вовсе не было видно из-за россыпи большереченской керамики и костей животных. Могилы в бересте оказались монгольского времени и содержали захоронения воинов с амуницией, оружием и другими изделиями из железа, кости и бронзы. До самого вечера мы исследовали аварийные объекты и производили сборы керамики. Даже водитель, которого трудно было заподозрить в любви к древностям, попал под влияние этого уникального места и несколько часов ползал по поверхности раздува, собирая бусы и бисер монгольского времени, обломки бронзовых предметов и развалившиеся под воздействием воздуха и воды железные наконечники стрел.

Утром наша группа покинула БЕ с твердым намерением сюда вернуться, которое впоследствии реализовалось неоднократно, благодаря поддержке шефа, наверняка хранящего приятные воспоминания об этом «археологическом рае». По короткой дороге мы достаточно быстро добрались до следующего пункта обследования, находящегося около с. Бобровки и именующегося «Обские Плесы». Удача буквально прилипла к нам в ходе этой поездки. Как только народ вылез из «ГАЗ-66», тут же под ногами стали попадаться древние предметы. Кромка берега сильно разрушалась раздувами (хотя слабее, чем на БЕ), вдоль нее проходила грунтовая дорога, в колеях которой валялась разновременная керамика, кальцинированные кости и обломки мелких бронзовых изделий. На месте известного Бобровского грунтового могильника, частично исследованного Э.М. Медниковой в 1970-х гг., из осыпи дорожной колеи, расширенной колесами машины, которая буксовала там совсем недавно, торчали кости человека. Небольшая прирезка позволила нам исследо-

вать погребение переходного времени от бронзы к железу с бронзовым ножом и каменным оселком. Это была большая удача, так как большереческие погребения чрезвычайно редко балуют археологов подобными находками. Обычно они вообще безынвентарные. По своей неизменной традиции побегать по окрестностям и посмотреть разрушения и просто рельеф местности шеф, оставив нас разбираться с аварийной могилой, удалился и буквально через полчаса вернулся с обломком шлифованного каменного топора. И в описываемый период и позднее я неоднократно и подробнейшим образом проверял этот отрезок берега, однако никаких находок до сих пор там нет. Откуда взялся обломок топора, попавшийся на глаза Юрию Федоровичу в противопожарной траншее?

Вторая поездка 1981 г. состоялась в начале июня и продолжалась четыре дня. Первой остановкой стала место, где расположена известная пещера Иульчак, в которой Ю.Ф. Кирюшин ранее зафиксировал в небольшом раскопе несколько культурных слоев разного времени, включая поздний палеолит. Подъем к пещере от подножья горы был достаточно труден, но в те годы у шефа запас сил был велик. Пока мы отдыхали около входа, жадно хватая воздух, Юрий Федорович умудрился забраться выше, чтобы осмотреть какую-то нишу, оббежать вокруг скального выхода и вернуться к моменту, когда сотрудники только-только пришли в себя. Посмеиваясь и рассказывая истории из своей «разведочной» жизни, шеф провел нас в пещеру и рассказал об истории ее открытия и обследования.

На следующий день мы отправились на Телецкое озеро, по пути осматривая участки дорожного строительства в Чойском районе. К сожалению, никаких археологических памятников там обнаружено не было. В ходе поездки мы посетили отдельные участки озера и р. Бии, устьевую зону р. Лебедь, впадающей в Бию около с. Турочак, окрестности сел Дмитриевки, Новиково, устье р. Чебашихи. Впоследствии знание этих районов очень помогло мне в исследованиях, связанных с договорными работами по участкам дорожного строительства – были открыты поселения около Дмитриевки (на перевале Ажи), комплекс памятников на Чебашихинской горе и в устье р. Неня.

Занимательный случай, еще раз свидетельствующий о везении Ю.Ф. Кирюшина, произошел во время последней ночевки на берегу оз. Иткуль. Теплым вечером в начале лета наша компания решила искупаться. В процессе этого увлекательного занятия шеф в 5–7 м от берега нащупал ногой и достал со дна шлифованный ка-

менный топор, поразив этим присутствующих. Все остальные попытки найти хоть что-нибудь в озерном песке и на берегу успехом не увенчались.

Кроме перечисленных разведок, мне больше не доводилось работать в этом направлении с Ю.Ф. Кирюшиным. Все остальное – полевые стационарные исследования в с. Елунино (Елунинский курганный и грунтовый могильники), на р. Катунь (устье р. Тыткескень). Это прежде всего объясняется тем, что Юрий Федорович, убедившись в подготовленности своих учеников, доверял им проводить самостоятельные археологические исследования. Почти все нынешние сотрудники кафедры археологии, этнографии и источниковедения, музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, НИИ гуманитарных исследований и других структур достаточно много работали по договорам со строительными и проектировочными организациями, проводили обследования и аварийные археологические («новостроечные») раскопки на десятках объектах. Никаких сложностей в получении Открытых листов, организации и проведении работ не существовало, так как шеф поддерживал все наши начинания, давал рекомендации, привлекал молодых сотрудников к проведению научных конференций, изданию сборников и т.д. Подобная организационная и научная работа помогла в достаточно короткие сроки создать динамичный и работоспособный коллектив археологов АлтГУ, признанный сейчас научной школой.

А.М. Малолетко

Томский государственный университет, Томск

В ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С Ю.Ф. КИРЮШИНЫМ

Помнится, в начале 1973 г. на кафедру географии пришел антрополог В.А. Дремов с предложением принять участие в работе методологического семинара при Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ. Семинар был посвящен реконструкции палеогеографической ситуации Западной Сибири в эпоху бронзы. В частности, решалась проблема смещения природных зон в это время. Ботаник Ю.А. Львов и я выступили по теме семинара, изложив свои осторожные реконструкции. Я посетовал, что археологи для решения проблемы смещения природных зон используют только свой материал (утрировано: горшки круглодонные – это степи, горшки с плос-

ким дном – это не степи). Не лучше было бы выяснить, какие растительные остатки сохранились в культурном слое, какой тип почв был в то время, мясо каких зверей древние люди употребляли в пищу – сусликов или лосей? Все эти вопросы можно было бы снять, используя рабочие методы естественных наук – спорово-пыльцевые и палеокарпологические анализы, ксилотомические (древесина) и почвенно-химические определения.

После семинара ко мне подошел молодой человек с предложением поработать с ним на раскопках поселения на берегу оз. Тух-Эмтор, добавив, что там хорошая рыбалка. Он быстро получил мое согласие. Я уже забыл об этом разговоре, как в приемной комиссии мне вручили конверт с командировочным удостоверением и описанием маршрута.

Самолетом Ан-2 я добрался до Среднего Васюгана, откуда пожарники лесной авиаохраны вертолетом доставили меня на берег озера, где и высадили рядом с раскопом. Молодой человек, которого звали Юрий Кирюшин, не обманул моих ожиданий: рыбалка была знатной. Местный хант Петр Милимов, сын последнего васюганского шамана Михаила Афанасьевича Милимова, был великим мастером этого занятия.

В свободное от рыбалки время я заглядывал в раскоп, в котором были видны только спины трудолюбивых студентов.

Археологические исследования на Тух-Эмторе продолжались в течение нескольких лет и были очень плодотворными. Была изучена материальная культура древних насельников Васюганья. Большой неожиданностью стало выявление там следов пришедшей культуры скотоводов, прекрасных литейщиков и гончаров. Скотоводческий характер хозяйства пришельцев был столь неожиданным для Васюганья, этого крупнейшего на планете болота, что некоторые археологи выразили сомнение в правильности интерпретации артефактов. Но методами естественных наук была реконструирована совершенно иная природная обстановка этого региона. На месте современных болот были обширные луговые пространства с еловыми рощами. Именно эти луга и привлекли скотоводов с Иртыша. И лишь ухудшение природных условий (похолодание и связанное с ним заболачивание), наступившее примерно 3000 лет назад, привело к упадку скотоводства. Часть населения мигрировала в более южные районы, оставшееся перешло на занятия аборигенов – охоту и рыболовство.

Работы Ю.Ф. Кирюшина на Васюгане опередили время. Такое фронтальное использование методов естественных наук в ар-

хеологии в то время не практиковалось. Гораздо позже и постепенно возрастал интерес археологов к этим методам. Отрадно видеть, как ныне ни одна археологическая экспедиция не обходится без привлечения географов, геологов, почвоведов, палеоботаников, зоологов и специалистов других профилей, даже не очень близких к археологии (металловеды, химики, генетики, геофизики).

В 1979 г. вышла в свет наша монография «Бронзовый век Васюганья», которая на долгое время стала образцом комплексных археолого-палеогеографических исследований. Единению археологии с естественно-географическими науками Ю. Ф. Кирюшин остался верен до сих пор. Ярко это проявилось и при изучении уникального поселения эпохи бронзы Березовая Лука у с. Безголосово на Алее.

Нельзя не отметить эффективность организаторской роли Ю. Ф. Кирюшина в развитии археологических исследований в Алтайском крае. Археологи с давних пор уделяли внимание Алтаю. Но на Алтае не было крупного археологического центра, хотя исследования успешно осуществлялись местными краеведами (А. П. Уманский, Б. Х. Кадиков и др.).

Новый этап в развитии археологии в Алтайском госуниверситете по праву связан с именем Ю. Ф. Кирюшина. И поспособствовали этому... кемеровские археологи. В Алтайский крайисполком в 1978 г. пришло письмо ведущих археологов Кемерово, предлагавших свои услуги по предварительному исследованию строительных площадок на предмет возможного обнаружения археологических памятников, что соответствовало законодательству СССР. Крайисполком переслал письмо ректору госуниверситета. Не стоило большого труда получить постановление крайисполкома о передаче прерогатив археологического исследования проектных строительных площадок Алтайскому госуниверситету.

Хоздоговорные работы со строительными организациями позволили трудоустроить немало археологов. Из числа выпускников университета была организована Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая. Археологические исследования широким фронтом развернулись в различных районах края. Сформировалась научная тематика молодых археологов. Регулярно проводились научные конференции. Окрепший творческий коллектив был признан ведущими археологами страны. Способствовала этому защита докторской диссертации Ю. Ф. Кирюшиным, а также кандидатских диссертаций молодыми сотрудниками образованной кафед-

ры археологии, этнографии и источниковедения. Вышли в свет первые монографии, написанные по материалам оригинальных исследований. Творческая зрелость археологов Алтайского университета была признана и академической наукой. При Алтайском госуниверситете была создана Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, в состав которой вошли выпускники университета.

В должности проректора по научной работе Ю.Ф. Кирюшин, конечно, закрепил позиции лаборатории и кафедры. Полевые исследования расширились, сам Юрий Федорович буквально пропадал на раскопках, был в курсе всех их результатов. Кажется, ничто не предвещало спада творческой активности молодого работоспособного ученого. Но неожиданно Ю.Ф. Кирюшин устремился расширить круг своей административной компетенции. Его участие в конкурсе на должность ректора университета, скорее даже стремление непременно стать ректором, мне были непонятны. Ю.Ф. Кирюшин, как мне казалось, имеет излишне эмоциональный характер. К тому же новая административная должность явно отвлекла бы активного участия в полевых работах, от постоянного и тесного контакта с археологической «братией». Но тщетно... Ю.Ф. Кирюшин получил поддержку коллектива и с азартом взвалил на себя новую ответственность. По-видимому, каждый человек обладает от природы запасом административного рва и старается в полной мере его растратить. Мне, например, этого рва хватило на 20 лет, после чего без сожаления расстался с этим административным «ресурсом». Я рад, что в предъюбилейные годы Юрий Федорович сумел довести до логического конца свои давние и не очень давние исследования и выпустить несколько интересных монографий.

Я даже не предполагал тогда в 1970-х гг., какую роль сыграет в моей жизни контакт с археологами, насколько изменятся мои творческие направления. И первым импульсом в этой смене творческих интересов послужили исследования, проведенные в 1973 г. и позже совместно с Юрием Кирюшиным. Топонимы, оставленные древними племенами Сибири, были «материализованы».

Я не стал археологом. Но археологический материал позволил мне тогда и позже понять пути перемещения древних популяций людей. Анализ топонимического и лингвистического материала, достижений палеоантропологии и этногенетики, палеогеографические построения позволили воссоздать этническую картину Северной Евразии на разных хронологических срезах.

Я стал понимать «язык» археологических памятников. Первые реконструкции этнической (языковой) принадлежности носителей культур эпохи бронзы были встречены молчаливым недоверием археологов и полной поддержкой лингвистов и этногенетиков. Сумбурно накопленный огромный археологический материал выстраивался в строгую парадигму динамичного развития раннего населения Сибири и связи его с Востоком и Западом. Почти все археологические культуры Сибири «заговорили». Я благодарен Юрию Федоровичу Кирюшину за подключение меня, палеогеографа, к палеоистории человека, компонента древнего реального мира.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ВРЕМЕНА МИНУВШИЕ...

С Юрием Федоровичем Кирюшиным я, как и все студенты первого курса исторического факультета начала 1980-х гг., стал встречаться на лекциях по археологии. Не скажу, что эти занятия пробудили у меня интерес к науке (это произошло позднее), но они отличались от традиционной сухой передачи написанного текста обилием иллюстраций (таблицы, фотографии, слайды) и рассказами из собственной полевой и жизненной практики. Хотя были «классические» учебники А.В. Арциховского и Д.А. Авдусина, все же значительный объем новой информации давался Ю.Ф. Кирюшиным на лекциях. Кроме этого, настойчиво рекомендовалось читать научно-популярные книги по археологии и знакомиться с содержанием некоторых базовых монографий. Такой подход реализовывался и на семинарах, что способствовало включению студентов в небольшую исследовательскую деятельность. Помню, как всем курсом конспектировали толстые книги о результатах раскопок памятников верхнего палеолита Восточной Европы и, в частности, знаменитого комплекса Костенки. Несмотря на всестороннюю подготовку, экзамен был довольно сложным, так как требовалось знать большое количество археологических культур и их конкретное содержание. Для этого мы делали огромную таблицу со многими характеристиками, извлеченными из учебников и лекций. Но механического заучивания ее не хватило бы для успешной сдачи экзамена. Юрий Федорович требовал еще понимания исторических процессов и современного для тех лет уровня знаний с множеством подробностей,

Участники конференции «250 лет Барнаулу», 1980 г.

Г.А. Алиев в Музее археологии и этнографии Алтая, 1985 г.

Сотрудники музея и лаборатории археологии,
этнографии и истории Алтая, 1988 г.

Участники международной экспедиции, 1986 г.

Ю.Ф. Кирюшин,
начало 1980-х гг.

Экспедиция АГУ на Цыганковой Сопке, 1986 г.

изложенных на лекциях. Чего стоило, например, только описание процедуры изготовления железных предметов в скифскую эпоху. Поэтому было приятно получить «отлично», рассказав о мезолите и раннем железном веке, а также ответив на все дополнительные вопросы, которые Юрий Федорович любил задавать.

После окончания первого курса мне необходимо было отслужить в армии (льготы на призыв из вузов тогда были отменены), и только через два года появилась возможность приступить к занятиям в университете. Тогда встал вопрос о том, чем заниматься и в какой области исторических знаний специализироваться. После археологической практики, которую я прошел летом 1983 г. в Горном Алтае под руководством Ю.Т. Мамадакова и при участии В.Б. Бородаева, полевая археология привлекла своим разнообразием. Понравилась природа и жизнь в ней, оказались интересными раскопки и разведки, состоялись встречи с разными людьми, успешными были открытия, удалось обнаружить замечательные находки, устраивало сочетание физического труда с умственным и многое другое. Поэтому хотелось заниматься археологией для того, чтобы в основном иметь возможность ездить в экспедиции. Но в 1985 г. на факультете еще не было такой специализации, а система распределения студентов для учебно-исследовательской работы студентов была другой, чем сейчас. В результате в первом семестре мне досталась тема «Развитие гуманистических идей в поэзии французского Возрождения». В ходе подготовки доклада удалось в определенной мере научиться анализировать письменные источники и расширить свои представления о средневековой западноевропейской культуре. Параллельно пришлось овладевать археологическими знаниями. Сначала это заключалось в «начитывании» научной литературы. Я знакомился с различными публикациями, иногда совершенно не понимая сложный по специфике текст. Регулярно общался с археологами университета и прежде всего с Ю.Т. Мамадаковым, который снабжал меня некоторыми книгами и статьями, давал советы. В этот период определенное влияние оказал С.В. Неверов, который смог увлечь не только археологическими находками, но и кропотливой работой с ними. В ходе таких встреч удалось познакомиться с классификацией в археологии и с типологическим методом. Проявив инициативу, я попытался перенести этот подход на изучение погребального обряда. В результате созрела идея выделить типы захоронений человека с лошадей и проследить их изменения от скифского времени и до средневековья. Данная перс-

пектива была частично реализована и легла в основу написания курсовой работы. На втором курсе также был написан доклад и послана заявка на участие в очередной Всесоюзной археологической студенческой конференции (ВАСК), которая традиционно проходила в Московском университете, но тогда не состоялась из-за очередного партийного съезда.

Большее значение для меня имело участие в экспедиции под руководством Ю.Ф. Кирюшина, которая проводила исследования на памятнике Цыганкова Сопка-2 в пойме Оби на границе Петропавловского и Быстроистокского районов Алтайского края. Весной 1986 г. в составе группы освобожденных от занятий студентов и школьников мы вместе с сотрудниками Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая выехали на место раскопок. Основной задачей являлась тщательная подготовка археологического объекта к приезду зарубежной делегации. Состоявшаяся экспедиция на Цыганкову Сопку – это еще не описанная эпопея с приключениями и разными веселыми историями. За короткое время была выполнена значительная по объему работа на грунтовом могильнике и частично на поселении. В этот период времени начался чемпионат мира по футболу. Самые стойкие любители этого вида спорта не спали по ночам, слушали репортажи по радиоприемнику. Ю.Ф. Кирюшин тоже оказался заядлым болельщиком. В отечественном футболе он неизменно переживает за московское «Динамо». Бурные обсуждения результатов игр на чемпионате мира 1986 г. тогда на Цыганковой Сопке соперничали с другими спорами, но не мешали плодотворной научной работе и проведению раскопок, результатами которых остались довольны все.

Снова я побывал на Цыганковой Сопке осенью 1990 г. Вместе с Ю.Ф. Кирюшиным мы добирались на катере из Барнаула до Быстрого Истока, а затем на машине до места работ. Погода в тот год была дождливая, постоянно сбивался график раскопок. В течение этих, порой длительных, перерывов приходилось каким-то образом заполнять свободное время. Наиболее популярной стала карточная игра «в шубу» двое на двое. Мы играли в паре с В. Удодовым, а Юрий Федорович со своим сыном Кириллом. Баталии были нешуточные. Кирюшины азартно и темпераментно переживали ход игры. Эмоции иногда достигали предельного накала. Проигрывать никто не хотел.

В этой экспедиции в основном занимались исследованием поселения эпохи поздней бронзы. Однако Ю.Ф. Кирюшин попросил нас с В. Семибратовым заложить траншею возле старого раскопа,

указав ее направление, которое не соответствовало сторонам света. При этом он сказал, что мы должны обязательно обнаружить погребение. Действительно так и получилось. Мы удивились такому проявлению «интуиции». Но Юрий Федорович, выдержав паузу, объяснил, что он предложил копать траншею в продолжение ряда погребений эпохи ранней бронзы, которые были раскопаны раньше на этом памятнике. И подчеркнул, что только опыт и наблюдения закладывают основы профессиональной интуиции. При этом мы прослушали рассказ об академике А.П. Окладникове, который обладал «даром предвидения», благодаря тому, что очень много работал.

Я же при написании данного очерка вспомнил о случае, который произошел совсем недавно. Мы с Ю.Ф. Кирюшиным и А.Б. Шамшиным ездили на разведку в Калманский и Топчихинский районы Алтайского края. Остановившись в совсем бесперспективном месте, Юрий Федорович предложил пройти по склону косогора в поисках артефактов. Мы с Александром Борисовичем побродили по распаханному полю, но, естественно, ничего не нашли. Каково было наше удивление, когда Юрий Федорович показал нам каменный «утюжок», поднятый им неподалеку от машины. Это было наглядным примером проявления интуиции.

Когда я учился на третьем курсе, Юрий Федорович уже подготовил докторскую диссертацию и полностью вернулся в учебный процесс с новыми идеями, которые он стал внедрять в практику. В основном это касалось специализации по археологии и заключалось в том, чтобы студенты не замыкались на своих узких темах, а имели широкие знания материалов по многим эпохам и территориям. Кроме того, делался упор на овладение теоретическими основами и на использование естественно-научных методов. Данный подход, на мой взгляд, был связан с тем, что многие специализировавшиеся у него студенты в основном хотели заниматься эпохой бронзы. Однако для всестороннего изучения Алтая требовались универсальные специалисты, ведь надо было уметь копать и интерпретировать все виды памятников, так как научные исследования базировались в основном на аварийных хозяйственных работах.

Занятия на спецсеминаре проходили интересно и бурно. Мне, например, было поручено сделать обширный доклад о понятии «археологическая культура» и использовании данной категории в науке. Погружение в данную тему стало чрезвычайно важным этапом в процессе обучения. Кроме этого доклада состоялись и другие. Мы много спорили об археологии, ее целях и задачах, методах и

результатах исследований. Подобные проблемы привлекали своей актуальностью. После прочтения книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии» (Киев, 1983) и работ других ученых-теоретиков, которые рекомендовал Ю.Ф. Кирюшин, мне стало совершенно ясно, что без знаний философии вообще невозможно заниматься наукой и археологией в частности. Данное «открытие» подтолкнуло к освоению важного пласта гуманитарных знаний, а затем подкрепилось при штудировании монографии В.Д. Викторовой «Научный поиск в археологии» (Свердловск, 1989). Теоретические проблемы археологии интересовали и самого Ю.Ф. Кирюшина, что нашло отражение в его публикациях и в работах ученика – В.Т. Плахина, защитившего кандидатскую диссертацию в 1988 г.

Юрий Федорович настойчиво предлагал студентам познакомиться с одной из монографий по предлагаемой теме спецсеминара. Пользу такой рекомендации я оценил позже и взял ее на вооружение в своей преподавательской деятельности. Это оказалось хорошей практикой. Ведь в монографиях отражена целостность, очень необходимая в качестве опоры для начинающих исследователей.

Во втором семестре третьего курса Юрий Федорович очень мощно прочитал нам спецкурс «Энеолит и бронзовый век Западной Сибири». Материал был подан очень увлеченным специалистом. Эти лекции до сих пор сохранились у меня и у моей супруги. Они мне пригодились после окончания университета. Например, я их использовал при подготовке к сдаче кандидатского экзамена по специальности и во время проведения занятий на археологическом кружке со школьниками.

С открытием кафедры археологии, этнографии и источниковедения возможности студентов и преподавателей значительно расширились. Несмотря на то, что Ю.Ф. Кирюшин стал доктором исторических наук, заведующим кафедрой, общаться с ним мне, студенту было, довольно просто по нескольким причинам. Во-первых, он постоянно находился на работе и, во-вторых, всегда с интересом относился к делам специализировавшихся у него студентов, помогая буквально во всем. Увлеченный и азартный, Юрий Федорович в это время сделал шахматы главной настольной игрой на кафедре, вовлекая в эти интеллектуальные упражнения сотрудников лаборатории и музея. По пятницам же в лаборатории регулярно проводилась планерка, на которой решались текущие проблемы, рассматривались результаты выполнения хозяйственных работ, происходили обсуждения научных результатов и принимались важные ре-

шения. Именно на одной из таких планерок стоял вопрос о заявке на выдачу Открытого листа мне студенту-четверокурснику. Благодаря поддержке большей части коллектива удалось осуществить разведочные работы в Петропавловском районе Алтайского края. Традиция регулярного проведения планерок и других заседаний, поддерживаемая Ю.Ф. Кирюшиным, на мой взгляд, являлась важной стороной формирования научной школы и планируемых перспектив. Участвуя в них уже после окончания университета, я обнаружил характерную черту, наверное, необходимую каждому руководителю. Юрий Федорович всегда давал возможность высказаться всем членам коллектива, но окончательное решение принимал сам или иногда подводил под него мнение участников обсуждения. Причем эти решения были порой противоположны общему настроению. Помню, как мы обсуждали приглашение Юрия Федоровича на пост проректора по научной работе университета. Многие говорили о том, что административная должность помешает его активной научной деятельности, негативно скажется на коллективе и т.д. Но, выслушав всех, Юрий Федорович принял решение стать проректором. И это оказалось очень важным моментом для развития не только археологии, но и других направлений научной деятельности университетского и краевого масштаба.

Очень интересно и весело проходили «заседания» всей лаборатории в неформальной обстановке. Помню замечательный праздник, устроенный накануне Нового года в конце 1980-х гг. На него пригласили и нас студентов-старшекурсников с условием оформления красочной стенгазеты. В подготовке предновогоднего мероприятия участвовали практически все члены коллектива. «Гвоздем» программы стал большой конкурсный кроссворд, составленный Ю.Ф. Кирюшиным на археологические темы. Тому, кто даст большее количество правильных ответов, причитался приз-сюрприз. Археологи, народ закаленный постоянным соревновательным ритмом, горячо вступили в борьбу. Однако задания, сформулированные Юрием Федоровичем, оказались разнообразными и довольно сложными. Уже на первых этапах определилась группа лидеров, а оставшаяся часть разделилась на болельщиков по интересам. В заключительной стадии одинаковое количество победных очков набрали я и А.Б. Шамшин. Решающим оказалось последнее угаданное мною слово «ремесло». Подарком за этот интеллектуальный марафон досталась совковая лопата, украшенная ярким бантом, который мастерски был завязан Т.А. Кирюшиной.

Юрий Федорович всегда поддерживал стремления студентов поехать на конференции, понимая, что там происходит чрезвычайно важное для исследователей – их становление в общении с единомышленниками. Очень хорошо помню свое участие в Региональной археологической студенческой конференции (РАСК) 1987 г., которая проходила в Новосибирске на базе пединститута. Я поехал туда один и с докладом проблемного характера, который вызвал большой интерес, но был разбит в «пух и прах» учениками Т.Н. Троицкой. Причем, когда я готовил это сообщение, Юрий Федорович предполагал подобную ситуацию, но не навязывал свою точку зрения, а наоборот, старался помочь сделать выводы более аргументированными. Именно он обратил внимание на тезисы В.Н. Чернецова (1969), которые подкрепляли полученные мною результаты. Когда я, слегка разочарованный своими «успехами», приехал с конференции, то Юрий Федорович поинтересовался результатом. После «разбора полета» он остался очень довольным, что я получил важное «боевое крещение» именно на раннем этапе, и посоветовал дальше заниматься той же темой, учитывая сделанные замечания и осваивая фактический материал, от которого, по мнению Юрия Федоровича, и надо было «плясать». Такой подход действительно дал результаты. Уже через месяц на Всесоюзной конференции «Студент и научно-технический прогресс» в Новосибирском университете моему новому докладу присудили призовое место.

В 1988 г. РАСК проходил в Чите. Для того чтобы опубликовать тезисы, нужно было иметь подписанный проректором по научной работе «Акт экспертизы материалов, подготовленных к открытой публикации». Благодаря Юрию Федоровичу все вопросы финансирования поездки и получения разрешения «цензуры» были решены. На конференцию и обратно мы летали на самолете почти делегацией. Все прошло хорошо: были опубликованы тезисы, доклад признан одним из лучших, появилось много друзей. Однако Юрий Федорович посоветовал не радоваться успехам, сказав, что более объективной оценкой нужно считать ту, которая дается при обсуждении в своем коллективе, а в Чите наши материалы и проблемы знают плохо. Данное обстоятельство нашло подтверждение во время проведения очередной студенческой конференции в стенах родного университета.

Весной 1988 г. я досрочно сдал летнюю сессию и по поручению Юрия Федоровича поехал в экспедицию в Горный Алтай на

Тыткескень. Задача заключалась в том, чтобы помочь в раскопках и находиться в лагере во время смены отрядов. Сначала мы с Н.Ф. Степановой копали на памятнике Тыткескень-I, а после ее отъезда с небольшой группой школьников приступили к исследованию комплекса Тыткескень-VI. Первый выбранный мною курган оказался неграбленным погребением тюркского времени. Дальнейшие раскопки дали материалы пазырыкской культуры. Участие в экспедициях на Тыткескене являлось проверкой моих возможностей работать в полевых условиях. Такой своеобразный экзамен, устроенный мне Юрием Федоровичем, я выдержал.

Написание дипломной работы «Ранний железный век предгорий Алтая» было сопряжено с целым рядом трудностей. В библиотеке отсутствовала необходимая литература. Поэтому Юрий Федорович приносил книги в университет или я ездил к нему домой, заодно обсуждая там подготовленные параграфы. Основная часть археологических коллекций по моей теме находилась в Государственном Эрмитаже. Во время преддипломной практики я отправился в Ленинград. Юрий Федорович снабдил меня разными рекомендациями. При этом был дан важный, как сейчас мне кажется, совет: по всем вопросам обращаться к Л.С. Марсадолову. «Леонид Сергеевич – сибиряк, ученик М.П. Грязнова, я ему много помогал, поэтому отказать не должен», – сказал мне Юрий Федорович. И действительно, Л.С. Марсадолов до сих пор является тем специалистом, с которым мы сотрудничаем уже многие годы. Хотя в Эрмитаже в тот год мне в основном пришлось работать с замечательным человеком – Марией Павловной Завитухиной. Она очень любила Алтай и всячески способствовала овладению мною значительного массива знакомого ей материала. Единственная проблема, которая возникла в ходе подготовки моей дипломной работы, это отъезд Ю.Ф. Кирюшина в Японию в составе представительной делегации. Окончательный вариант он увидел уже в ходе самой защиты, прилетев буквально накануне. Полученные тогда результаты имели хорошую перспективу для дальнейшего развития, но продолжить разработку темы не удалось.

После окончания университета в 1989 г. я по ходатайству Ю.Ф. Кирюшина распределился в Лабораторию археологии, этнографии и истории Алтая для проведения хозяйственных работ в зоне затопления Катунской ГЭС. Уже в августе того же года Юрий Федорович доверил мне возглавить археологический отряд и провести

самостоятельные раскопки на памятнике Бийке. Благодаря работе в лаборатории я прошел хорошую школу организации и реализации хоздоговорных работ. В этом, наверное, есть какой-то небольшой секрет успешного развития барнаульской археологии в последние годы. Дело в том, что переход на грантовую систему поддержки науки был сроден системе получения хоздоговоров. И нам легче было перестроиться на новую форму «добычи» средств на исследования, в то время как многие ждали продолжения государственного финансирования. Отработав более трех лет по хоздоговорам, я поступил в очную аспирантуру. Обсуждая тему диссертации многие сотрудники высказались о бесперспективности ее разработки, но Ю.Ф. Кирюшин в качестве научного руководителя поддержал мою инициативу. Большим плюсом для этого было наличие материалов моих собственных раскопок, чему Юрий Федорович придавал важное значение. К сожалению, работать над диссертацией в трудные времена середины 1990-х гг. было проблематично. Однако я не мог подвести своего научного руководителя, который всегда старался поддерживать своих учеников. В результате удалось сделать работу и во время защититься. На этом наше сотрудничество не закончилось, а вышло на несколько иной уровень. Результаты отражены в четырех совместных монографиях, во множестве публикаций и в выполненных грантах. Но это уже тема для другого рассказа. Ведь 60-летний юбилей Ю.Ф. Кирюшина – это лишь очередной этап в его жизни и в научной деятельности, а впереди еще много важных дел и событий.

А.Б. Шамшин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИТКУЛЬСКОЙ ЭПОПЕЕ

Время неумолимо идет вперед. В чередѣ быстротекущих событий вспыхивают ярким светом отдельные даты, случаи, эпизоды, которые почему-то сохранила память. Одни из них – это воспоминания, касающиеся личных отношений с разными людьми, интересных встреч, особо запомнившихся, знаковых событий. Другие – память о вещах, казалось бы, обыденных, повседневных, а для археолога – это экспедиции, конференции, постоянные дороги. Но при этом почему-то отдельные сюжеты из них навсегда врезаются в па-

мать. И по прошествии многих лет не тускнеют, а, наоборот, становятся ярче и значимее.

Одним из таких воспоминаний для меня являются иткульские экспедиции нашего университета, которые сыграли огромную роль в становлении археологических исследований в АГУ (ныне – АлтГУ). Они пришлись на рубеж 70–80-х гг. прошлого века (1978–1981 гг.) и неразрывно связаны с именем нынешнего юбиляра – Юрия Федоровича Кирюшина.

Именно организация комплексных исследований на оз. Иткуль стала первым крупным археологическим проектом Ю.Ф. Кирюшина, который он блестяще реализовал в стенах Алтайского государственного университета. Да, в те годы велись и другие интересные исследования. Достаточно вспомнить работы у с. Ело Онгудайского района, проводимые В.А. Посредниковым и В.Д. Славниным или раскопки того же Ю.Ф. Кирюшина у с. Елунино, где был открыт и исследован ряд интересных памятников. Но все же все эти работы, на мой взгляд, не сравнятся с иткульскими экспедициями ни по размаху, ни по полученным за четыре года научным результатам.

Фактически был впервые, после знаковых для алтайской археологии раскопок М.П. Грязнова в конце 1940-х гг. на Ближних Елбанах, исследован крупный археологический микрорайон в лесостепном Алтае, материалы которого не только сразу активно вводились в научный оборот, но и в ряде случаев привели к новому осмыслению древней истории Алтая, прежде всего конечно для периодов энеолита и бронзы. Достаточно сказать, что три археологические культуры этих эпох – большемысская, елунинская и корчажкинская были в значительной степени выделены по материалам, полученным на Иткуле, а первая и последняя даже названы по раскопанным памятникам.

Итак, почему все же именно Иткуль?

Конечно же, не только потому, что это одно из красивейших озер в Лесостепном Алтае (оно находится в 42 км от Бийска в Зональном и Троицком районах), и даже не только потому, что там уже были проведены предварительные археологические разведки Б.Х. Кадиковым. Внимание Ю.Ф. Кирюшина привлек имеющийся на оз. Иткуль археологический микрорайон, а также сама топографическая и стратиграфическая ситуации ряда памятников, сулившие большие исследовательские перспективы.

Безусловно, в первую очередь сыграли свою роль и научные пристрастия юбиляра к эпохам неолита и бронзы, хорошо пред-

ставленным на оз. Иткуль, но самое главное, как мне кажется, это умение Ю.Ф. Кирюшина увидеть перспективу работ, возможности, которые могут дать имеющиеся на оз. Иткуль памятники для развития алтайской археологии. Эта черта, увидеть перспективу и бить на конечный результат, потом неоднократно еще проявится как в научной, так и в организационной деятельности Юрия Федоровича. Тогда же, в далеком теперь уже 1978 г., он располагал лишь информацией о проведенных до этого на оз. Иткуль работах Б.Х. Кадикова – директора Бийского краеведческого музея, который является первооткрывателем многих памятников иткульского микрорайона (Кадиков Б.Х., 1959), а также о раскопках на Большом мысе оз. Иткуль В.И. Молодина.

Для принятия окончательного решения о дальнейших работах на озере Ю.Ф. Кирюшину необходимо было ознакомиться с ситуацией на месте. И тогда вначале была проведена рекогносцировочная поездка (фактически археологическая разведка) на оз. Иткуль, в которой, кроме Юрия Федоровича, принимали участие Б.Х. Кадиков, автор настоящей статьи и В.Б. Бородаев. Не буду описывать разные перипетии этой поездки. Достаточно сказать, например, что на Иткуль мы попали лишь со второго захода, так как во время первой попытки вылетевшим из-под колеса встречного автомобиля камнем было вдребезги разбито ветровое стекло машины и нам пришлось возвращаться в Бийский музей. Однако это ни в коей мере не остановило Юрия Федоровича, и Б.Х. Кадиков нашел другой автомобиль. Как бы то ни было, разведка состоялась и именно в ходе ее Ю.Ф. Кирюшин окончательно определился с последующими археологическими работами на оз. Иткуль.

Далее в полной мере раскрылся организаторский талант Юрия Федоровича. Уже в июле того же 1978 г. была организована первая большая экспедиция на оз. Иткуль. Были привлечены крупные финансовые, материальные и человеческие ресурсы. Задействованы средства обоих имевшихся тогда в незадолго до этого образованной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая хоздоговоров: с управлением культуры крайисполкома (№ 14/78 на паспортизацию археологических и историко-революционных памятников) и с институтом «Алтайгипроводхоз» (№ 15/78 на проведение археологического обследования будущихстроек мелиорации в Алтайском крае), так как на Иткуле планировались работы по подъему уровня воды в озере для организации рыбного хозяйства, что неизбежно привело бы к подтоплению ряда памятни-

ков (так оно и получилось в дальнейшем, но важнейшие аварийные объекты, например, поселение Костенкова Избушка и ряд других, к тому времени были уже полностью или частично раскопаны).

Для проведения исследований на средства хоздоговоров было закуплено новое экспедиционное оборудование (палатки, спальники и т.д.). Тесное сотрудничество Ю.Ф. Кирюшин налажил с Бийским краеведческим музеем. Так, Б.Х. Кадиков перебросил на Иткуль для обеспечения работ грузовую машину и моторную лодку. В иткульской экспедиции ежегодно принимала участие часть студенческой археологической практики исторического факультета, школьники, студенты-старшекурсники. Часть последних стали в дальнейшем заниматься археологией или сотрудничать с археологами. Можно назвать имена В.Б. Бородаева, С.Ю. Лузина, А.В. Гальченко, Г.В. Масленниковой (Скопинцевой), П.И. Навротского и др.

Закончив в том же 1978 г. Алтайский госуниверситет, я принял участие в раскопках на Иткуле в качестве младшего научного сотрудника Лаборатории археологии. В течение трех лет (с 1978 по 1980 г., так как в 1981 г., когда состоялась последняя большая экспедиция на Иткуль, я уже служил в рядах Советской Армии) мне посчастливилось работать на Иткуле под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Это была не просто первая крупная комплексная экспедиция, в которой мне довелось участвовать, но и настоящая школа, как научная, так и организационная, за что я искренне благодарен Юрию Федоровичу. Опыт иткульских экспедиций впоследствии пригодился мне для организации собственных полевых исследований.

Как я уже отмечал выше, экспедиция действительно была комплексная, так как к работе в ней привлекались специалисты естественно-научного направления. Одним из наиболее слабых мест в алтайской археологии того времени было крайне недостаточное исследование поселений, в том числе эпохи бронзы. Именно на ликвидацию этого пробела, тормозящего изучение социально-экономических процессов, протекавших в древних обществах, существовавших на территории Лесостепного Алтая, и была направлена иткульская экспедиция АГУ (она называлась тогда Алтайская археологическая экспедиция).

К работе в ней, в частности, был привлечен д.г.н., профессор А.М. Малолетко, тогда проректор по научной работе АГУ, обеспечивший естественно-научную составляющую. Опыт таких совместных плодотворных работ с Алексеем Михайловичем у Юрия Федоровича сложился еще в ходе их сотрудничества в Томской области, на Васюгане, прекрасным подтверждением чему стала их совмест-

ная монография «Бронзовый век Васюганья», которая в 1979 г., когда она была опубликована, выглядела совершенно новаторской, а опыт комплексных археологических экспедиций с участием историков и географов стал активно перениматься другими исследователями (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Именно опыт и знания А.М. Малолетко, прежде всего как геолога и палеогеографа, позволили при работах на Иткуле многократно расширить источниковую базу исследований. Кроме того, его возможности как проректора по науке создавали условия для проведения полноценной координации со специалистами других естественно-научных направлений, работавшими в АГУ.

В связи с раскопками на Иткуле большого числа поселений, был получен огромный археозоологический материал, т.е. кости диких и домашних животных – ценнейший источник по изучению экономики древних обществ. Но необходимого специалиста для решения такой задачи у нас в университете тогда не было. При активном участии Ю.Ф. Кирюшина и помощи администрации АГУ к нам был приглашен молодой археозоолог Т.В. Калашникова, которая и выполняла значительный объем работ в этом направлении, а затем подготовила себе достойную смену в лице выпускника биологического факультета АГУ А.В. Гальченко. Свою «научную стажировку» он проходил именно на Иткуле. Костным материалам с памятников оз. Иткуль посвящены как его первые статьи, так и его руководителя Т.В. Калашниковой.

Первые научные итоги исследованиям на оз. Иткуль были подведены на крупной конференции, проходившей в Алтайском университете летом 1980 г. «Барнаулу 250 лет», где была и секция археологии (Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1980; Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б., 1980). Хорошо помню заседание нашей секции в аудитории №303 в корпусе АГУ на ул. Димитрова. Тогда в работе конференции принял участие один из крупнейших археологов нашей страны, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР академик Алексей Павлович Окладников. Именно на этой конференции памятники оз. Иткуль впервые прозвучали столь широко. Я также был докладчиком на секции археологии с материалами поселения Костенкова Избушка, на котором работал в качестве бригадира три полевых сезона.

За годы работы на оз. Иткуль было исследовано много памятников, в том числе открыт ряд новых. Наиболее крупным раскопкам подверглись поселения Костенкова Избушка, где было вскрыто более 2300 кв.м (практически оно исследовано полностью), Коровья Пристань-III, Озерки Восточные, Дергач и целый ряд других. На

многих памятниках были проведены разведочные работы. В ходе этих исследований была получена огромная коллекция находок разных эпох: от позднего неолита до средневековья, хранящаяся ныне в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, в том числе многие вещи в экспозиции, и в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки. Материалы многих памятников, исследованных в те годы, за прошедшее время в разной степени опубликованы, хотя итоговая обобщающая работа по археологии оз. Иткуль, к сожалению, так и не была написана (Кирюшин Ю.Ф., 1990; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 2000; Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 2003; Абдулганеев М.Т., 2004; и др.).

Результаты раскопок на оз. Иткуль нашли отражение в ряде обобщающих трудов по археологии Алтая, прежде всего в монографиях самого Ю.Ф. Кирюшина (Кирюшин Ю.Ф., 2002; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000), а также других исследователей (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997). Они представлены также в учебной литературе по древней истории Алтая (История Алтая, 1995, с. 34–58) и краеведческих изданиях (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992). Работы на оз. Иткуль продолжил позднее ученик Ю.Ф. Кирюшина М.Т. Абдулганеев, который исследовал там как памятники эпохи ранней бронзы (Абдулганеев М.Т., 1987), так и раннего железного века (Абдулганеев М.Т., 1993).

Сегодня без материалов иткульских экспедиций не обходится ни одна обобщающая работа по эпохам энеолита, бронзы и раннего железа Лесостепного Алтая. По результатам работ на оз. Иткуль выделены новые археологические культуры, а один из этапов корчажкинской культуры эпохи поздней бронзы мною был назван иткульским. Выделен Иткульский археологический микрорайон эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье (Шамшин А.Б., 2004, с. 101).

Прошло почти четверть века после завершения основных экспедиций на оз. Иткуль, но воспоминания об этих замечательных днях я с теплотой храню в своей памяти. Многие события далекой уже сейчас иткульской эпопеи для меня по-прежнему значимы и дороги. Я благодарен Юрию Федоровичу Кирюшину за то, что тогда, 27 лет назад, он пригласил меня участвовать в этих работах, за тот опыт и знания, которыми он щедро делился и делится сейчас со своими учениками. Хорошо, если бы у каждого из нас в жизни был свой Иткуль.

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

М.Т. Абдулганеев

НПЦ «Наследие», Барнаул

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА СУРТАЙКА-1

Могильник Суртайка-1 известен археологам по ярким материалам периода поздней бронзы – раннескифского времени, опубликованным первоначально Н.Л. Членовой (1973) и вызвавших продолжительные споры (подробнее см.: Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, с. 7, 11–12). Однако с этого памятника имеются и не менее любопытные объекты более поздних эпох, до сих пор не введенные в научный оборот. Могильник Суртайка-1 находится на западной окраине с. Старосуртайки и территории, занятой самим селом. Он расположен на пологой 20–25-метровой террасе правого берега р. Катунь. При первоначальной фиксации в 1932 г. было отмечено около 70 курганных насыпей, группировавшихся в цепочки Ю–С вдоль берега Катунь или небольшие скопления по два-четыре объекта (рис. 1.-1). В течение 1932, 1934 и 1969 гг. на могильнике было исследовано 30 разновременных курганов. Настоящая работа посвящена публикации курганов, более или менее достоверно относящихся к периоду VI–II вв. до н.э. Все они раскапывались в 1932 и 1934 гг. С.М. Сергеевым и А.Т. Марковым, располагались в центральной части террасы и древнего некрополя и исследовались колодцами от 2×2 м до 2,5×2,5 м. Ниже приводится описание объектов по дневнику и отчету С.М. Сергеева, хранящимся в БКМ (ДО. Ф. 2. Д. 6, 18). Оттуда же взяты рисунки утерянных к настоящему времени находок.

Раскопки 1932 г. (Сергеев С.М., 1932).

Курган №26. Диаметр 8 м, высота 0,5 м. На глубине 0,95 м прослежена могила (длинная ось ЮВ–СЗ), в заполнении которой встречались булыжники и кости человека. На дне обнаружены лежавшие в анатомическом порядке берцовые кости и ступни ног, позволяющие говорить о положении погребенного на спине вытянуто, головой на северо-запад. В центре могилы найдены биметаллическая заколка и бронзовая игла (шпилька) (рис. 1.-4, 8).

Курган №27. Диаметр 7 м, высота 0,18 м. На глубине 0,6 м зафиксирована могила размерами 0,8×2,15 м (длинная ось ЮВ–СЗ), а ниже (глубина 0,8 м) – слой каменной «обкладки». Среди камней найдены кости человека, причем в анатомическом порядке – только

правые берцовые. Их расположение позволяет предположить положение погребенного на спине вытянуто, головой на северо-запад. Из вещей обнаружены кусочек железа и бронзовый «крючок» (рис. 1.-5).

Раскопки 1934 г. (Сергеев С.М., 1934).

Курган №1/9. Диаметр 8 м, высота 0,5 м. На глубине 0,8 м зафиксирована могила размерами 0,85×1,8 м (длинная ось З–В). На дне (глубина 1,1 см) найдены разбросанные кости женщины, в том числе череп, а также золотая серьга «в форме колечка с петелькой». Их расположение позволяет предположить ориентацию погребенной головой на восток.

Курган №4/12. Диаметр 8 м, высота 0,4 м. На глубине 1,1 м зафиксирована могила размерами 1,2×1,7 м (длинная ось Ю–С). В ее заполнении на глубине 1,25 м найдены кости ребенка, а на дне (глубина 1,9 м) – кости мужчины. Возможно, в данном случае следует говорить о подхоронении или нарушении одного погребения другим. Ориентация могилы у дна изменилась на широтную (З–В). У восточной стенки стоял небольшой сосуд (рис. 1.-2). Вероятно, погребенный лежал головой на восток.

Курган №5/13. Диаметр 5 м, высота 0,2 м. На глубине 1,0 м зафиксирована могила размерами 1,0×1,8 м (длинная ось З–В). На ее дне (глубина 1,1 м) лежали скелеты мужчины и женщины на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами, черепами на запад. Кости мужчины были «слегка нарушены». При нем найден каменный оселок с отверстием, а у правой височной доли женщины – бронзовая серьга (рис. 1.-3, 6).

Курган №6/14. Земляная насыпь диаметром около 6 м почти полностью снесена при строительстве Чуйского тракта и сохранилась только кладка из булыжника. На глубине 0,7 м зафиксирована могила размерами 0,8×2,2 м (длинная ось З–В). В ее заполнении встречены отдельные кости человека, а на дне (глубина 1,5 м) – лежавшие в анатомическом порядке кости ног и таза. Судя по ним, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на восток-северо-восток. Около бедра найдена бронзовая бляшка (?) с изображениями, а среди разбросанных костей – каменная курильница (рис. 1.-7).

Кроме вышеописанных, к скифскому времени могли относиться курганы №2/10 и 7/15, где зафиксированы соответственно каменный ящик и деревянная обкладка стенок могилы, а также ориентация погребенных черепами на запад. Кроме того, в насыпи кургана №30 (раскопки 1969 г.) был найден сосуд раннего железного века (Членова Н.Л., 1973, рис. 44).

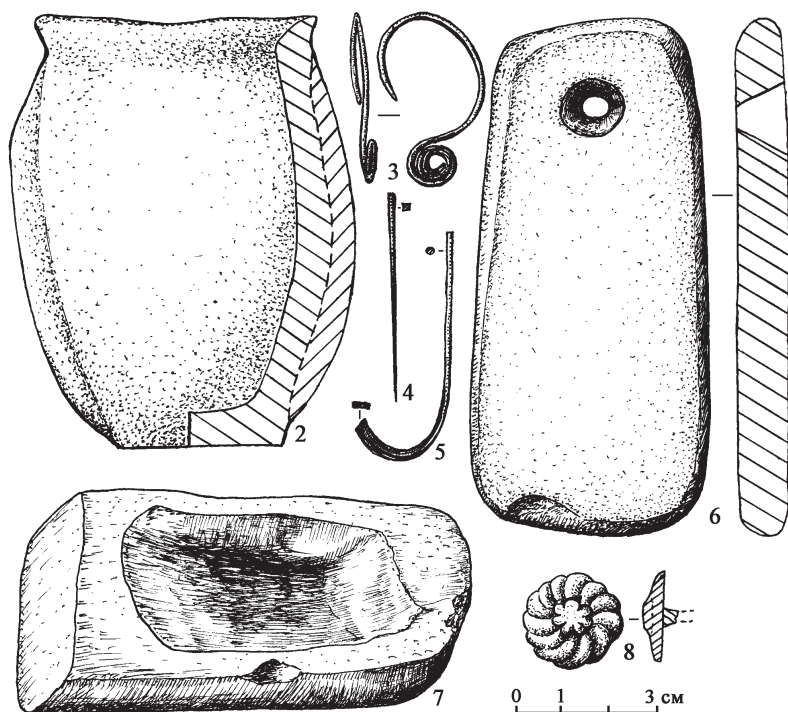
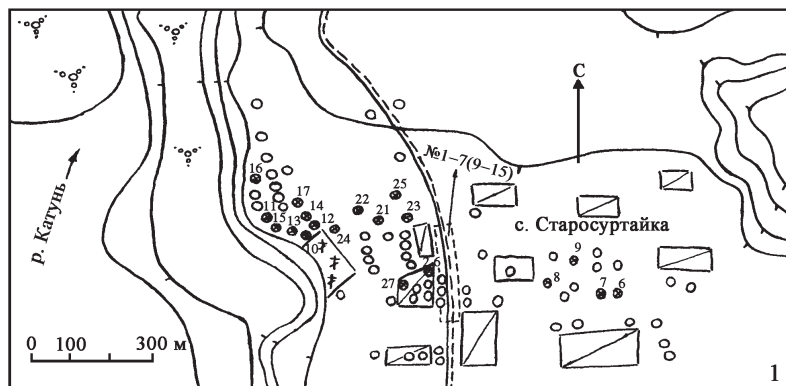

Рис. 1. План могильника Суртайка-1 (1).
Находки из курганов №4/12 (2), 5/13 (3,6), 6/14 (7), 26 (4,8),
27 (5): 2 – керамика; 3–5 – бронза; 6, 7 – камень; 8 – бронза,
железо (1, 4, 5, 7, 8 – по рисункам 1934 г.)

Из-за ограбленности большей части курганов инвентарь немногочисленен. Керамика представлена единственным баночным сосудом с тремя вертикальными налепными валиками (рис. 1.-2). Подобный декор обычен для быстринской и пазырыкской керамики (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 37, 57–58), но форма не характерна для этих культур. Немногочисленные аналогии сосуда из Суртайки-1 происходят из расположенных ниже по Катунь могильников Быстринка-1 и Верх-Талица (Краюшкино) (Абдулганеев М.Т., 1996, рис. 2; Завитухина М.П., 1966, рис. 6).

Остальные находки представлены личными украшениями и предметами туалета (серьги, заколки, шпилька, «крючок»), орудиями труда (оселок), предметами культового назначения (курильница). Некоторые из них датируются достаточно широко и встречаются в том числе в памятниках скифской эпохи (шпилька, «крючок», оселок). Широкое распространение, особенно в Горном Алтае, имеют и серьги с петлевидным окончанием (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 28, 29, 35, 40, 42; Могильников В.А., 1997, рис. 47, 52).

Каменная курильница имеет подпрямоугольную форму (рис. 1.-7). Отсутствие ножек позволяет отнести ее к курильницам «сакского» или казахстанского типа, распространенным в восточной части скифо-сибирского мира и являющимися наиболее ранними среди подобного рода изделий (Могильников В.А., 1997, с. 88; Мошкова М.Г., 2000, с. 204; Хабдулина М.К., 1994, с. 60). Имеются курильницы казахстанского типа и в горно-предгорной зоне Алтая, причем большая их часть найдена на Нижней и Средней Катунь (Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., 1991, рис. 1; Завитухина М.П., 1966, рис. 7; Киреев С.М., 1994, с. 42; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 85, 88, 92; Кунгуров А.Л., 1995, рис. 1; Могильников В.А., 1997, рис. 60). Достаточно редкой находкой является и бронзовая серьга со спиралевидным окончанием (рис. 1.-3). Автору данной статьи известны только три подобных изделия из Верхнего Приобья, найденные на могильниках Новотроицк-1, Обские Плесы-2, Тузовские Бугры-1 (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 13; Могильников В.А., 1997, рис. 55а).

Интерес представляет находка биметаллической заколки, имевшей грибовидную в разрезе шляпку и обломанное железное острие (рис. 1.-8). Находки подобных изделий также единичны. Большая их часть происходит из Горного Алтая и его предгорий (Боровский А.П. 2001, рис. 26; 2004, с. 149; Кирюшин Ю.Ф., Степанова

ва Н.Ф., 2004, рис. 39) и только один экземпляр – из Приобья (Дашковский П.К., 1998, рис. 1). Шляпка заколки из Суртайки-1 украшена «вихревой» розеткой, а в центре – семилепестковым цветком. Сходный орнамент встречен на ряде изделий из курганов №1 и 3 Пазырыка (Руденко С.И., 1952, рис. 67), а «вихревая» розетка является достаточно распространенным мотивом в украшении скифо-сибирских древностей (Грач А.Д., 1980, рис. 109; Смирнов Н.Ю., 2004, с. 290–292; Степная полоса..., 1992, рис. 32, 54). Вероятно, на вершином заколки была и бронзовая бляшка из кургана №6/14 с «рельефным изображением трех стилизованных головок барана». К сожалению, как и некоторые другие находки из Суртайки-1, она оказалась утеряна и сохранилась только фотография плохого качества. Видимо, бляшка была аналогична триквестрам скифского времени, происходящим с территории Горного Алтая и Тувы (Бородавский А.П., 2001, рис. 26; 2004, с. 149; Грач А.Д., 1980, рис. 68; Киреев С.М., 1994, с. 42).

Находки из Суртайки-1 не позволяют датировать раскопанные курганы достаточно узко, но не оставляют сомнений в отнесении их к скифской эпохе. Сложнее обстоит дело с определением культурной принадлежности. Погребальный обряд исследованных на Суртайке-1 курганов имеет ряд общих черт: 1) небольшая (до 8 м) земляная или земляная с каменной обкладкой насыпь; 2) небольших размеров неглубокая могильная яма, только в одном случае достигающая 1,9 м; 3) преимущественно одиночные захоронения; 4) разнообразие внутримогильных конструкций или их полное отсутствие; 5) положение погребенных на спине вытянуто и только в одном случае – со слегка согнутыми ногами; 6) нестабильная ориентация (СЗ, З, В, ВСВ); 7) отсутствие сопроводительных захоронений коня; 8) отсутствие в погребениях керамической посуды. Только в одном кургане найден сосуд; в заполнении ограбленных могил не найдено ни одного фрагмента керамики.

По размерам и глубине могил, инвентарю, разнообразию ориентации погребенных и внутримогильных сооружений Суртайка-1 наиболее близка земляным курганам Быстрянки-1. Эти же признаки сближают ее с памятниками северного варианта пазырыкской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 135–136). Отличие состоит в отсутствии захоронений на боку и преобладание ориентации в западный сектор, что наряду с некоторыми другими признаками находит аналогии в погребальном обряде быстрянской культуры (Абдулганеев М.Т., 2001, с. 286–287). Ограбленность

курганов и их небольшое количество не позволяют сделать однозначный вывод, но вариантов может быть два: 1) на Суртайке-1 захоронены носители пазырыкской культуры, смешавшиеся с «быстрянцами» и воспринявшие отдельные черты их культуры; 2) на Суртайке-1 в границах одного некрополя захоронены представители различных культурных групп. Эти варианты не взаимоисключают друг друга, учитывая достаточно компактное расположение исследованных курганов (рис. 1.-1), а также расположение самого могильника Суртайка-1 в зоне контакта пазырыкской и быстрянской культур.

О.Б. Беликова

Томский государственный университет, Томск

**КЕРАМИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ
ИЗ ТАЕЖНОГО ПРИЧУЛЫМЬЯ
(юг Западной Сибири)**

С конца 1960-х гг. с именем Юрия Федоровича Кирюшина связаны широкомасштабные и целенаправленные исследования древних культур Среднего Приобья. В 1969 г. выпускник историко-филологического факультета Томского государственного университета стал работать в нем сначала заведующим Музеем археологии и этнографии Сибири (1969 г.), а затем – младшим научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (1970–1977 гг.). Самостоятельные полевые разыскания инициативного исследователя в 1969–1979 гг. были развернуты в Привасюганье на археологических комплексах Тух-Эмтор, Тух-Сигат и других памятниках, содержащих материалы неолита, энеолита, эпохи бронзы, а также раннего железа и средневековья. Результаты этих экспедиций в итоге стали для Ю.Ф. Кирюшина фактологической основой при разработке основных проблем древних эпох для территории Приобья, в том числе отраженных в диссертациях, многочисленных статьях, монографиях (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979; и др.).

Скромную лепту в базу источников для исследования Среднего Приобья эпохи бронзы позднее внес Средне-Чулымский археологический отряд ТГУ, дислоцировавшийся с 1977 г. в таежной зоне побережий р. Чулыма, правого притока Оби. В составе этого отряда мои разведочные и стационарные работы изначально были ори-

ентированы на исследование проблем средневековья, однако при этом попутно накапливались материалы неолита, эпохи бронзы, переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа. Частично они уже введены в научный оборот (Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А., 1993; Беликова О.Б., 1996). Настоящая публикация представляет материалы четырех причулымских памятников эпохи бронзы. Их коллекции, исключая сосуд с местонахождения «Река Чулым», хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ.

Окунеевское-2 городище (рис. 1). Памятник многослойный, содержит комплексы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе

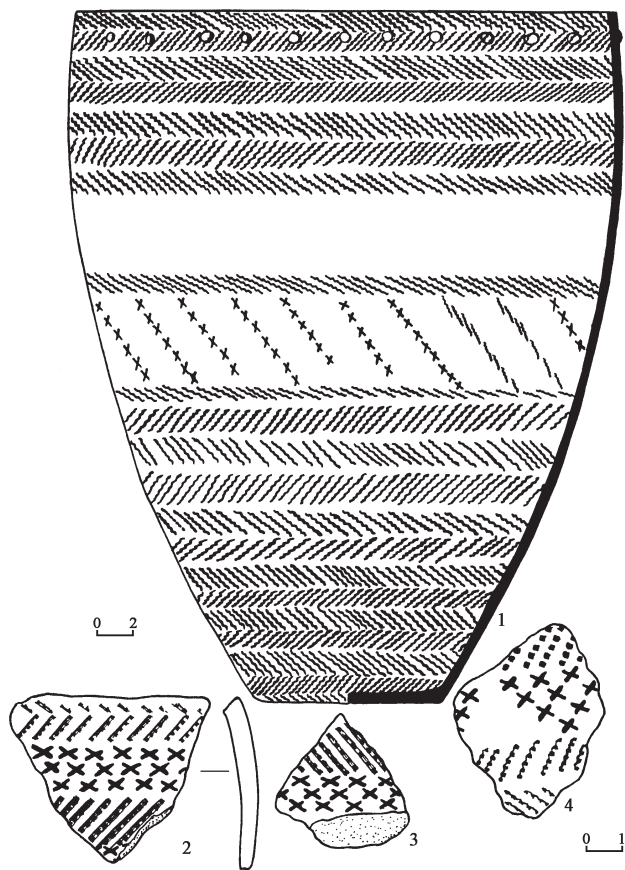

Рис. 1. Окунеевское-2 городище. Керамика из разрушенного культурного слоя (грабительская яма 4)

железа, а также средневековые материалы, – возможно, конца I тыс. н.э. (коллекция №7667 – 120 ед. хранения). Не исключено, что именно этот объект упоминался В.М. Флоринским (1889, с. XX), а на основе его информации А.П. Дульзоном (1956, с. 140) включен в археологическую карту. В 1990 г. после сообщения местных жителей памятник обследован мною (Беликова О.Б., 1991, с. 33–38).

Городище расположено в 300–400 м на юг от школы д. Окунеево Зырянского района Томской области, на правом побережье Кии, левого притока Чулыма. Находится в смешанном лесу, на гриве, представляющей останец кийской террасы. Длина гривы 295 м, ширина 25–65 м, высота склонов 5–6 м, ориентирована она в направлении с северо-северо-востока на юг-юго-запад. Она окружена водоемами поймы Кии, но в половодье не затопляется. Прослежены две оборонительных системы, состоящие каждая из рва и вала, а также три западины с нечеткими границами. Скорее всего, часть объектов не выявлена по причине залесенности. На гриве деревенскими детьми в 1989 г. были выкопаны пять ям, нарушивших культурный слой памятника. За пределами городища они копали ямы 1, 2 и 3, а на его площади – ямы 4 и 5. В ямах 3 и 4 дети обнаружили разновременную керамику и железные наконечники стрел. Часть артефактов передана археологам.

Культурный слой в виде супеси серого цвета мощностью до 0,5 м зафиксирован по стенке ямы 4 (размеры: 3,5×1,2–1,3 м, глубина 0,6 м), в которой детьми была найдена керамика переходного времени от бронзы к железу. Она представлена фрагментами приблизительно пяти сосудов (см. рис. 1.-1–4). Один из них баночной формы, диаметром по венчику около 32 см (рис. 1.-1). В орнаментации присутствуют оттиски крестовым штампом, гладким ромбическим штампом, струйчатой гребенки, жемчужник. Аналогичная керамика относится к молчановской культуре IX–VII вв. до н.э. (Эпоха бронзы..., 1987, с. 300–302; Васильев Е.А., 2001). Этим же временем датируется, возможно, немногочисленный каменный инвентарь – сколы, отщеп со следами вторичной обработки, точила.

Местонахождение Березовый Перекат. Стенка сосуда (коллекция №7705; рис. 2.-1). Датируется эпохой поздней бронзы, относится к еловской культуре. Скопление керамики, найденное в августе 1978 г. рабочими «земснаряда» на Березовом перекате Чулыма, поступило в МАЭС ТГУ в 1994 г. Нахождение этого переката по чулымской лощи сегодня не выяснено, возможно, имеется в виду место в районе д. Березово Первомайского района Томской области.

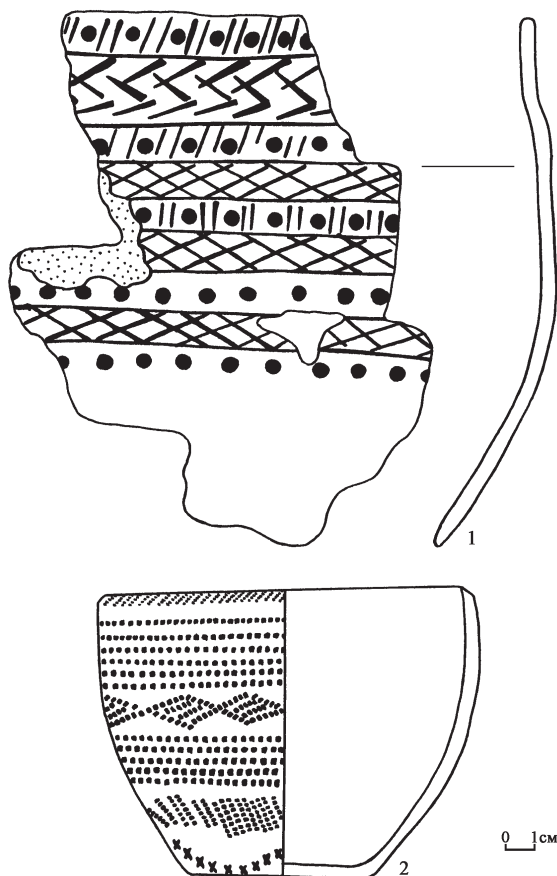

Рис. 2. Керамика: 1 – местонахождение Березовый Перекат;
2 – местонахождение «Река Чулым»

Стенка принадлежала слабопрофилированному горшку хорошего обжига, желто-серого цвета с диаметром устья в 24 см. Срез венчика округлый, форма дна не восстановлена. Орнамент располагался по шейке, плечикам и тулову. Композиция состоит из девяти орнаментальных поясов, окаймленных горизонтальными резными линиями. Чередуются пояса, включающие глубокие оттиски круглой палочкой и короткие резные линии, и пояса из резных элементов (косая сетка, вертикальный зигзаг).

Похожий по форме и орнаментации сосуд происходит из Десятовского поселения еловской культуры Томско-Чулымского При-

обья (Косарев М.Ф., 1991, рис. 44.-10). Аналогичные орнаментальные мотивы есть на керамике Еловского поселения и Еловского-1 могильника этой же культуры (Косарев М.Ф., 1981, рис. 55.-2, 4, 6; рис. 58.-16). Прослеживается сходство в украшении венчика мотивом «елочка» из коротких резных линий с керамикой ирменской культуры могильника Преображенка-3 Барабы (Молодин В.И., 1985, рис. 59.-18).

Местонахождение «Река Чулым» (рис. 2.-2). Керамический сосуд поздней бронзы или переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа. Хранится в фондах районного музея р.ц. Первомайское Первомайского района Томской области, сотрудниками которого в 1994 г. был предоставлен мне в виде скопления керамики для ознакомления и реставрации. Оно было обнаружено на Чулыме местными жителями и в 1970–1980-х гг. передано в музей. Точное местонахождение артефакта не выяснено.

Сосуд изготовлен из теста желто-серого цвета, баночной формы, плоскодонный, срез венчика – наружу. Размеры его такие: высота 10,2 см, внешний диаметр по венчику 13,8 см, по дну – 7,0 см. Общая форма – асимметрична. Орнаментирован с внешней стороны полностью, исключая дно. Композиция включает шесть орнаментальных поясов. Срез венчика украшен рядом наклонных оттисков шестизубого гребенчатого штампа. По стенкам сосуда нанесены: два пояса из рядов горизонтальных оттисков гребенки; сетка из ромбов, выполненных также гребенчатым штампом; ряд оттисков наклонной гребенки. Придонная часть орнаментирована мотивом волна из оттисков штампом в виде косо́го креста.

Сосуд сходной формы встречен в Еловском-2 могильнике еловской культуры и в Новокусове переходного времени от эпохи бронзы к железу (Косарев М.Ф., 1981, рис. 57.-14; 1991, рис. 57.-15). Орнаментация косым крестом в Томско-Чулымском Приобье встречена на керамике молчановской культуры. На сопредельных территориях, в Сургутском и северотаежном Приобье, она присутствует и на керамике эпохи поздней бронзы (Эпоха бронзы..., 1987, рис. 115.-3, 5–7). Хорошая сохранность артефакта (практически условно целого сосуда), отсутствие нагара на внешней и внутренней сторонах предполагают его более вероятное происхождение из могильника, нежели из поселенческого комплекса.

Тарбеевское-3 поселение. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа (коллекция №7629 – 5 ед. хранения). Памятник открыл в 1987 г. студент 3 курса исторического факультета ТГУ

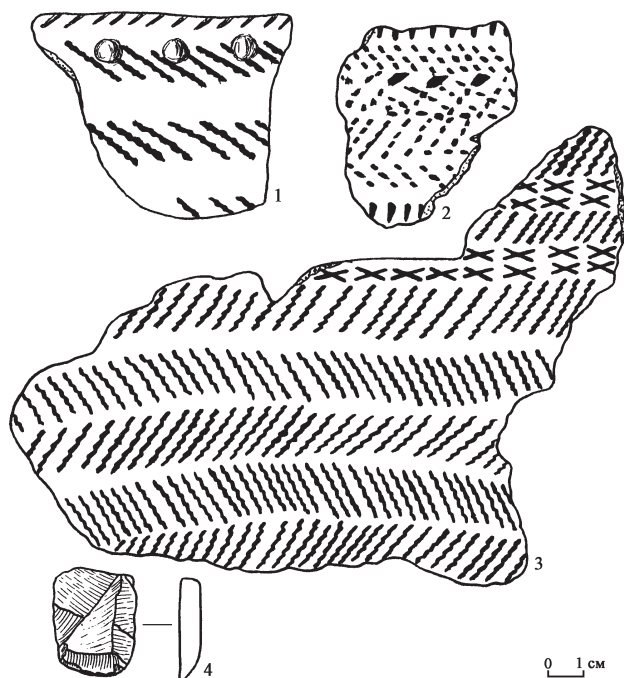

Рис. 3. Тарбеевское-3 поселение. Сборы из грабительской ямы:
1–3 – керамика; 4 – камень (материалы разведки А.В. Рейно)

А.В. Рейно (1988, с. 7–8). Объект зафиксирован вблизи с. Тарбеево Первомайского района Томской области: на мысе правой надпойменной террасы Чулыма высотой 13 м, в 400 м на юго-восток от восточной окраины села; занимает площадь около 250 м². Обнаружено 12 жилищных западин размерами 2×2 м до 5×3 м и глубиной до 0,7 м, овальной и подпрямоугольной формы; одна западина – с выходом. В северо-восточной части памятника находилась грабительская яма размерами 2×4 м и глубиной до 0,7 м с частично невыбранным грунтом, в котором найдены скопление керамики от трех сосудов и скребков (рис. 3). Стенка одного из сосудов украшена чередованием полос из наклонной струйчатой гребенки, образующих елочку, и рядов из оттисков косым крестовым штампом (рис. 3.-3). Подобная орнаментальная композиция присутствует на сосуде из Тургайских материковых ям молчановской культуры (Косарев М.Ф., 1991, рис. 57.-14).

Публикуемые материалы в очередной раз подтверждают необходимость продолжения активных, широкомасштабных исследований эпохи бронзы на территории Среднего Приобья, подобных проведенным ранее Ю.Ф. Кирюшиным. К сожалению, кризисная ситуация, в которой с 1990-х гг. оказалось археологическое направление Томского государственного университета, сегодня этому не благоприятствует.

В.В. Бобров

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово

**ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ШКОЛЬНЫЙ
(Кузнецкая котловина)**

Почти столетие памятники с сейминско-турбинским металлом находятся в центре внимания как отечественной, так и зарубежной археологической науки. Это объясняется широкой географией распространения бронзовых однотипных изделий (кельтов, наконечников копий и ножей) и вместе с тем небольшим количеством памятников типа Сеймы или Турбино, отсутствием в данных комплексах диагностирующих культуру материалов, что вызывает сложность их археологической и исторической интерпретации. Соответственно, новые находки, связанные с этой эпохой и особенно с сейминско-турбинской металлургией, представляют несомненный научный интерес. Исчерпывающий анализ проблематики сейминского металла и собственная концепция, объясняющая это явление в древней истории, даны в работе Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых (1989).

В музее археологии, этнографии и экологии Южной Сибири при Кемеровском государственном университете хранятся четыре литейных формы, которые поступили в 1991 г. вместе с архивными материалами М.Г. Елькина после его кончины. Будучи учителем средней школы № 1 он активно исследовал археологические памятники на территории Кузбасса в конце 1950-х – 1-й половине 1960-х гг. Его инициативе принадлежит организация в г. Прокопьевске краеведческого музея, директором которого он был в течение многих лет. М.Г. Елькин по Открытому листу раскопал ряд могильников раннего средневековья по берегам р. Ур, андроновский могильник в этом же районе и др. Последними его полевыми исследованиями были раскопки поселения в Прокопьевском районе на водоразделе

рек Уската и Кара-Чумыш, в истоках р. Карагайла. К сожалению, отчет о его раскопках на этом памятнике отсутствует. В архиве, который требует детального и критического изучения, сохранились лишь отдельные сведения о проведенных работах.

Археологические материалы поселения Школьный в настоящее время хранятся в Прокопьевском краеведческом музее. Коллекция представляет собой значительный комплекс отходов производства каменных орудий из кремня и кварца (большое количество первичных сколов) и фрагментов керамики. Керамическая посуда в основном относится к двум археологическим культурам – самусьской и андроновской. Самусьский керамический комплекс содержит плоскодонную посуду, преимущественно орнаментированную по венчику горизонтальным рядом оттисков гладкого штампа, а по тулову прямыми или волнистыми рядами оттисков движущейся гребенки (Бобров В.В., 1992, с. 11). Реже в орнаментации присутствует ромбический штамп (рис. 1.-3, 5). Как минимум три сосуда можно отнести к ритуальной посуде. Один из них украшен чередующимся вертикальным двойным зигзагом, разделенным также двумя линиями. Верхняя часть этого сосуда орнаментирована горизонтально размещенными антропоморфными фигурами (рис. 1.-1). Андроновская керамика менее представительна количественно и типична для поселенческих комплексов.

Других памятников с содержанием материалов самусьской и андроновской культуры, кроме поселения Школьный, М.Г. Елькин не исследовал. Поэтому, несмотря на отсутствие паспортных данных, литейные формы можно связывать только с культурным слоем этого памятника.

Литейные формы хронологически относятся к самусьскому керамическому комплексу. Три из них сделаны из мелкозернистого песчаника, а одна – керамическая. В них отливали кельт, два наконечника копья и предмет, назначение которого остается неизвестным. От каменной литейной формы для изготовления кельта сохранилась верхняя часть (рис. 2.-1). Ее размеры: длина 6 см, ширина 4,5 см, толщина 2,2 см. К месту заливки металла форма сужается. Судя по матрице, втулка кельта имела овальную форму приблизительно 5×3 см. Кельт был с боковыми петельками-ушками, хотя глубина их на форме незначительная. Не берусь утверждать, но, возможно, он относится к типу ложноушковых кельтов. Более углублены три горизонтальных желобка, которые на изделии формировали рельефные валики. Кельты с овальной втулкой валиковой орнамен-

тацией известны в предандроновскую эпоху. Об этом свидетельствуют литейные формы. Особенно широко они представлены среди материалов поселения Самусь-IV (Матющенко В.И., 1973, рис. 6–8), но только на двух из них была боковая петелька-ушко.

От каменной литейной формы для отливки наконечника копья сохранилась значительная часть, свидетельствующая о характере втулки. Длина ее до начала пера наконечника копья составляла

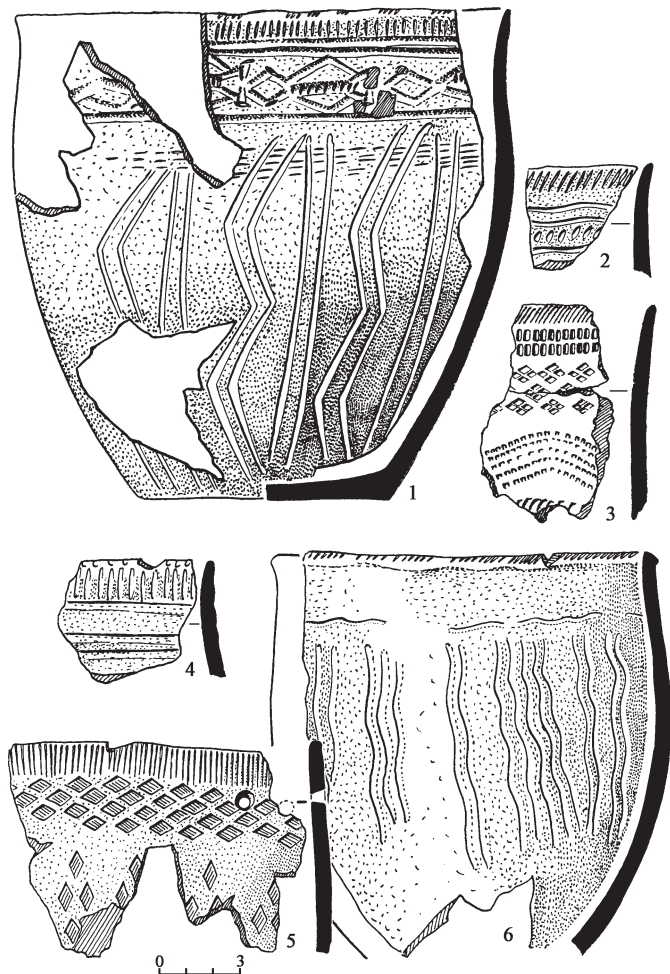

Рис. 1. Керамика самусьской культуры поселения Школьный

почти 11 см, а диаметр в основании – 3,5 см. В 2 см от основания втулки у наконечника копья была боковая петелька и четыре рельефных валика (рис. 2.-3). Судя по сохранившейся части на форме, перо было листовидной формы.

От второй каменной формы для отливки наконечника копья сохранилась средняя часть. Ее длина 10,5 см, ширина 5 см, толщи-

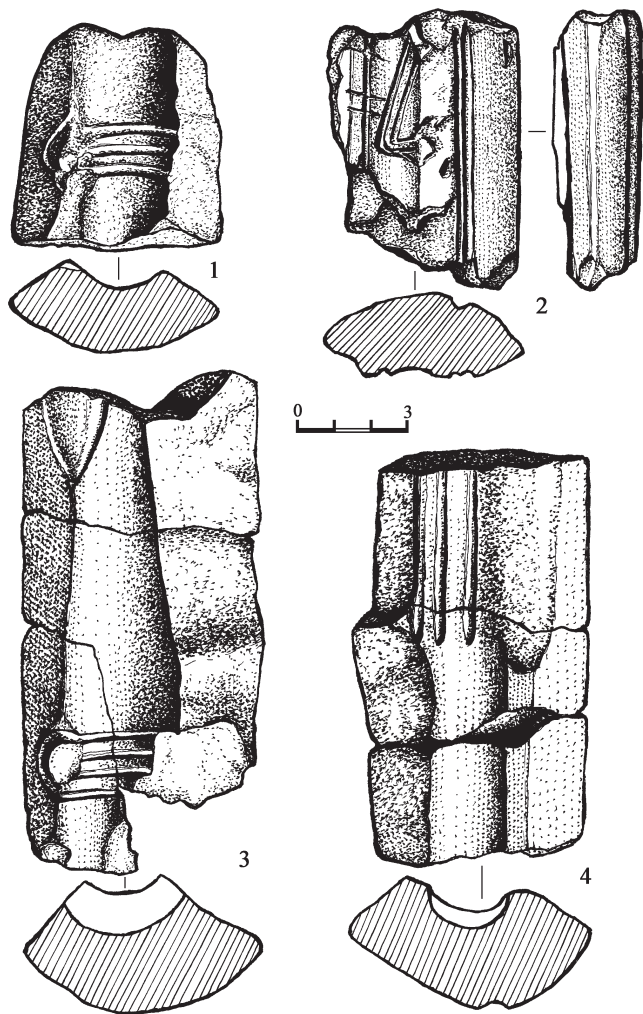

Рис. 2. Литейные формы поселения Школьный

на 3 см. В отличие от описанных выше литейных форм, которые овальные в разрезе, она имеет уплощение и с внешней стороны продольный желобок. Длина сохранившейся части втулки 5 см, диаметр ее приблизительно 2,5 см. На той части втулки, которая переходит на перо копья, вырезаны три достаточно длинных желобка (левый до 4 см.). Несомненно, отлитое в этой литейной форме оружие относится к типу вильчатых наконечников копий (рис. 2.-4). Они широко представлены в ареале сейминско-турбинских бронз на территории Евразии. Если рассматривать только Западную Сибирь, то бронзовые вильчатые наконечники в одном экземпляре происходит из Кузнецкой котловины (Бобров В.В., 2000, с. 77), значительно больше их известно из случайных сборов на территории Лесостепного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 151.-2, 152-153), Новосибирского Приобья и могильника Ростовка (Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988). Следует отметить, что именно в Западно-Сибирском регионе найдены литейные формы для отливки наконечников этого типа. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989, с. 73) указывают на четыре такие находки: Калантырь-II, Черноозерье-VI. Литейная форма с поселения Школьный дополняет их количество.

Последняя литейная форма изготовлена из очень хорошего качества керамической массы. Длина фрагмента 7 см, ширина 4 см, толщина 2 см, к сожалению, очень трудно определить какой предмет отливали. Это могла быть дугообразная пластина шириной приблизительно 6 см или овальный в сечении предмет (6×2 см). По краю предмета были два рельефных валика, но первый немного шире и выше, второго. От них на ширину 1 см, была, видимо, относительно ровная поверхность. Остальная часть (в пределах 3 см) была выпуклой. На ней вырезаны параллельно длинной оси две линии (одна едва читается), под углом перечеркнутые тремя короткими. В какой-то степени это напоминает манеру изображения туловища у антропоморфных фигур на самусьских сосудах. Рядом помещены параллельные линии, которые от двух продольных поворачивают под почти прямым углом. Не исключено, что на бронзовом предмете, отлитом в данной форме, было рельефное антропоморфное изображение, стилистически близкое изображениям на сосудах. На обратной стороне формы сделан глубокий продольный желобок (рис. 2.-2).

Нет сомнения в принадлежности к самусьской культуре бронзолитейного комплекса поселения Школьный, который существенно пополняет фонд источников для изучения цветной металлургии

эпохи доандроновской бронзы. Возможно, мысль не нова, но между находками на самусьских поселениях ритуальной посуды и предметов бронзолитейного производства есть какая-то взаимосвязь. Это имеет значение не только для интерпретации источников, но и в практике полевых исследований.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

УПРЯЖЬ И РАСКРОЙ РОГА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (по материалам археологии и этнографии)

Косторезное производство, являясь частью традиционной культуры, активно вовлекает свои сырьевые ресурсы (кость, рог, бивень) в процесс отражения исторического своеобразия времени (Бородовский А.П., 1992, с. 120–123; Бородовский А.П., 1997а, с. 15–18). В каждую из исторических эпох (бронзы, раннего железа, средневековья, этнографического времени) разделка цельного рога воспроизводит основные изменения и культурно-хозяйственные приоритеты. В полной мере эта черта проявляется в изготовлении предметов, связанных с наиболее важной деятельностью определенного времени. Формирование основ кочевого скотоводства и увеличение подвижности населения на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа привело к тому, что разделка рога наиболее полно стала воспроизводиться в изготовлении конского снаряжения. Этот комплекс представляет собой один из наиболее ярких культурных маркеров, который достаточно динамично отражает эпохальные изменения и внешние связи.

Типичной особенностью для косторезного производства эпохи поздней бронзы является отсечение закраин из участка седловины рога (Осинцевский зольник). Рассечение естественно вогнутой длинной закраины на несколько частей позволяло получить заготовки для трехдырчатых роговых псалий (Бородовский А.П., 1997б, с. 88). Они широко распространены не только на юге Западной Сибири (ирменская культура), но и в лесостепной зоне европейской части нашей страны (позднесрубное городище Деревинка) (Усачук А.Н., 1998, с. 78). Наиболее последовательно процесс обработки этих заготовок для получения псалий представлен в материалах Томбарского поселения у отрогов Кузнецкого Алатау, а также в виде отдельных этапов изготовления псалий на ирменских

памятниках Барабы и Новосибирского Приобья (Чича-1, Омь-1, Большой Оеш-5). Среди материалов ирменского поселения Быстровка-4 известно дисковидное изделие из рога лося с солярным изображением в круге. Вполне возможно, форма этого изделия и его орнамент имитируют скифские и ассирийские бронзовые уздечные бляхи (Бородовский А.П., 2002, с. 76). Они закреплялись на участке узды, связывающем ремни оголовья с псалиями и удилами. Такие параллели, несомненно, свидетельствуют не только о культурных связях, но и о времени существования этих предметов.

В искусстве скифского времени особое внимание уделялось передним надглазничным отросткам оленьего рога. Это может быть объяснено целым комплексом причин. Во-первых, именно этот признак является наиболее яркой видовой и отличительной особенностью строения оленьего рога. Во-вторых, это один из самых больших и рельефно изогнутых роговых отростков. В-третьих, из такой заготовки выполнено большинство конских роговых псалиев эпохи раннего железа. Следует подчеркнуть, что для снаряжения лошади «скифской» эпохи присуща высокая степень отражения идеологических представлений, а рог для изготовления деталей конской узды является не случайным материалом.

Рассматривая идеологию как определенный комплекс знаний об окружающем мире и основных свойствах его природы, очевидно, что именно в предметах конской упряжи I тыс. до н.э. наиболее полно отражается технология раскроя рогового сырья (рис. 1, 2). В целом эпоха древних кочевников становится периодом максимального расцвета косторезного искусства Евразии. Следует подчеркнуть, что главную роль в этом художественном промысле играл цельный рог (Бородовский А.П., 1999, с. 23–26).

В эпоху средневековья наследие косторезного искусства древних кочевых культур продолжает сохраняться. По мнению В.В. Флеровой, рубеж I–II тыс. н.э. является «золотым веком» рогообработки на территории Европы. Значительное влияние на этот регион оказала традиция использования рога в воинском и охотничьем быту тюркских народов (Флерова В.В., 2001, с. 10). В косторезном искусстве древних тюрков Саяно-Алтая (Овчинникова Б.Б., 2002, с. 267–270) детали узды (псалии, накладки) и седел наиболее полно воспроизводят последовательность раскроя ветвистого рога на пластины различной величины (рис. 3). Одним из наиболее ярких образцов являются роговые накладки седла с зооморфными гравировками из могильника Кудыргэ. На рубеже I–II тыс. н.э. раскрой рога воспроизводится в изготовлении стремян.

Рис. 1. Раскрой рога марала для изготовления деталей узды скифского времени

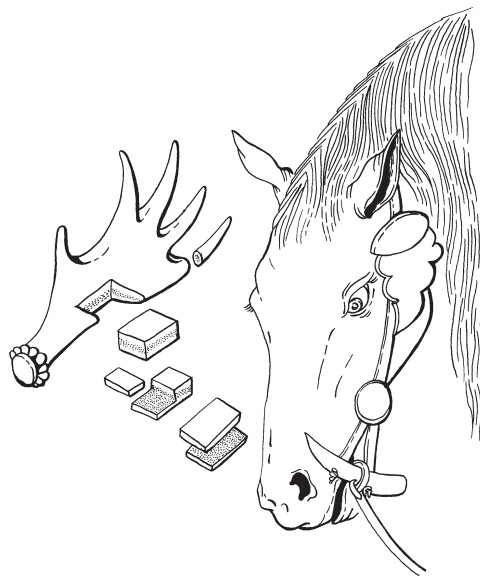

Рис. 2. Раскрой рога лося для изготовления деталей узды скифского времени

Рис. 3. Раскрой рога марала для изготовления деталей узды тюркского времени

Традиционная оленья упряжь сибирских народов этнографического времени, так же как и в скифскую и средневековую эпохи, достаточно полно отражает раскрой рога. Практически во всех ее деталях сохраняется последовательность членения этого материала на отдельные части (ветвь, разветвления) и заготовки (пластины). В оленьей узде, в отличие от «скифской» и средневековой конской узды, не используются роговые отростки. Такую особенность можно объяснить двумя причинами. Во-первых, различными принципами действия конской и оленьей узды, для которой не требовалось изготавливать стержневых псалий, так как металлические удила отсутствовали. Во-вторых, существенным различием качества и размеров роговых отростков у марала и северного оленя. Последняя разновидность рогового материала, распространенного на севере Западной Сибири, отличается незначительной толщиной и, как правило, не используется при изготовлении деталей оленьей упряжи. В изготовлении оленьих седел этнографического времени, как и

в скифскую и древнетюркскую эпохи, наиболее полно отражается раскрой рога. Отличие предметов этнографического периода от предшествующих эпох заключается в том, что роговое разветвление используется не только для декора или придания жесткости седлу, а составляет его конструктивную основу. Разветвления оленьего рога являются жесткими луками (передней и задней) седла, прикрепленными к деревянным полкам ленчика.

Приведенные параллели археологических и этнографических предметов обоснованы не только объективными возможностями историко-сравнительного метода (Ковальченко И.Д., 2003, с. 186), но и традиционностью косторезного промысла Сибири на протяжении длительного времени. Детали роговой упряжи, так же как и другие изделия (Бородовский А.П., 2001, с. 22–24), имеют существенное сходство как в функциональной, так и в структурно-технологической сфере. Система раскрой цельного рога и ряд косторезных заготовок (отростки рога, закраины, двойные и одинарные пластины), возникнув к периоду сложения основ производящей экономики на рубеже II–I тыс. до н.э., продолжает сохраняться вплоть до этнографического времени. В свою очередь длительность развития косторезного дела открывает особые возможности для историко-генетического метода (Ковальченко И.Д., 2003, с. 184) при изучении древних и традиционных изделий из рога. На примере технологии древнего косторезного производства прослеживаются причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в определенных категориях предметов материальной культуры, таких как землеройные орудия, детали узды и упряжи (седла, стремяна), поясной гарнитуры, вооружения (панцири, ножны, позднее – пороховницы).

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин, С.С. Тур

Алтайский государственный университет, Барнаул

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПАМЯТНИКЕ ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ*

Начиная с 2001 г. Краснощековская археологическая экспедиция АлтГУ проводит целенаправленное изучение разновременных памятников в пределах Чинетинского археологического микро-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

района. За время работ были обнаружены объекты верхнего палеолита, раннего железного века и средневековья (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2002, 2003б; Дашковский П.К., 2004; Дашковский П.К., Кунгуров А.Л., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004). Особый интерес представляют исследованные в 2005 г. вторичные погребения людей, обнаруженные в курганах пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол. Памятник находится на второй надпойменной террасе левого берега Ини в 1,2 км к юго-юго-востоку от с. Чинеты Краснощековского района Алтайского края. Он представляет собой две параллельные цепочки курганов, расположенных примерно по линии Ю–С. Вторичные захоронения (курганы №4–6, 8) выявлены в восточной группе объектов. Поскольку настоящая публикация посвящена исключительно им, то в этой связи ниже приводятся описания только самих погребений, без учета конструктивных и других особенностей исследованных комплексов. Следует указать, что раскопанные курганы не были ограблены и не имели следов каких-либо проникновений после сооружения насыпи.

Курган №4. В могиле обнаружены костные останки женщины в возрасте 35–50 лет с частично нарушенным анатомическим порядком. Скелет оказался почти полным, хотя при этом череп не сочленялся с костями туловища. Анатомическая целостность позвоночного столба в поясничной части была нарушена, крестец отсутствовал. Не зафиксированы сочленения в тазобедренных и плечевых суставах. Многие кости, в том числе череп, имеют обширные резаные повреждения, расположение которых свидетельствует в пользу того, что нарушение анатомических связей между отдельными элементами скелета в какой-то мере было связано с препарацией покойника. Несмотря на отсутствие связок и суставов, скреплявших туловище и конечности, взаимное расположение этих частей тела, а также головы, судя по положению костей, было близко к естественному. По-видимому, существовала какая-то искусственная оболочка (одежда или специальное покрытие), которая не позволяла разрозненным частям скелета полностью развалиться и утратить «форму человека». Судя по костным останкам, погребенная была ориентирована в могиле головой на восток. Возле черепа обнаружено большое скопление сажки, скорее всего, это остатки парика. Там же найдено множество различных фрагментов золотой фольги, которые встречались и в области грудной клетки. Около колена лежало бронзовое зеркало.

Курган №5. В могиле были похоронены костные останки двух человек – ребенка 5–7 лет и подростка 14–17 лет. От первого остался только череп без нижней челюсти и диафизы бедренных костей. К скелету подростка относились: свод черепа, длинные кости конечностей (за исключением голеней), кости таза, несколько ребер и грудных позвонков. Все они имели очень плохую сохранность и были представлены фрагментами.

Расположение черепов показывало, что покойники, которым они принадлежали, должны были лежать рядом, головой на восток. Череп подростка располагался ближе к южной стенке, к западу от него находилось беспорядочное скопление костей посткраниального скелета, имевшее вытянутую в продольном направлении форму. Среди них был обнаружен бронзовый кинжал, а сбоку, на том месте, которое было предназначено для ребенка, лежали сильно обгоревшие деревянные плашки. Не исключено, что они заменяли недостающий посткраниальный скелет ребенка. Около обоих черепов, а также под костями, расположенными поблизости, и на деревянных плашках обнаружено множество мелких фрагментов золотой фольги. По-видимому, там находилась одежда покойников.

На нижнем эпифизе плечевой кости подростка отмечается искусственное повреждение резаного происхождения.

Курган №6. В могиле обнаружены костные останки женщины в возрасте 40–55 лет. Скелет был представлен черепом и длинными костями конечностей (плечевыми, бедренными, большеберцовыми и малоберцовыми), расположение которых в целом более или менее соответствовало анатомическому порядку. Череп лежал на месте головы, основанием к костям посткраниального скелета, плечевые кости – в районе рук, бедренные и берцовые – на месте ног. Все остальные кости, за исключением фрагмента первого шейного позвонка и одной из пяточных костей, отсутствовали. На том месте, где могло бы находиться туловище, найдена деревянная плаха (40×15 см). Покойник лежал традиционно головой на восток. На костях отмечаются резаные повреждения. Около черепа обнаружено большое скопление сажки, по-видимому, оставшееся от парика, и золотые серьги. В пространстве между черепом и плечевыми костями – фрагменты золотой фольги. Характерное расположение костей, а также наличие парика и украшений позволяют предполагать, что в могиле была захоронена «кукла-манекен», конструктивными элементами которой служили костные останки умершей женщины. Не исключено, что и деревянная плашка, оказавшаяся на

месте туловища, также являлась одним из составных элементов этой антропоморфной конструкции.

Курган №8. В могиле выявлены костные останки женщины старческого возраста (старше 55 лет), в расположении которых отсутствовал анатомический порядок. Достаточно очевидно, что к моменту захоронения практически все связки, сухожилия и суставы, соединявшие кости, были разрушены, за исключением, может быть, голеней и предплечий. Несмотря на это, взаимное расположение отдельных частей скелета, а именно: головы, туловища и верхних сегментов конечностей, не являлось произвольным. Ребра, позвонки и ключицы были перемешаны, однако образовали компактное скопление, к которому примыкали кости таза. С костями таза сближались головки бедренных костей. Рядом с костями грудной клетки располагались также кости рук. Судя по всему, посткраниальный скелет был заключен в какую-то искусственную оболочку, которая до определенной степени ограничивала возможности взаимного смещения костей после того, как анатомические сочленения между ними были разрушены. В качестве такой оболочки могла служить как одежда покойника, так и специальная «упаковка». Изолированный череп при захоронении был уложен в анатомически более или менее правильное положение относительно костей туловища. Совершенно неестественно располагались только голени и предплечья. Берцовые кости лежали рядом с бедренными так, что их одноименные концы (проксимальные, дистальные) были направлены в одну сторону. Кости плеча и предплечья располагались аналогично. Некоторые части скелета (шейные позвонки, большая часть костей кисти и стопы) отсутствовали. При захоронении покойника ориентировали таким образом, чтобы голова была направлена на восток. Вокруг костей, а также под ними сохранился слой тлена от дерева. В пространстве между черепом и скоплением костей грудной клетки обнаружен толстый слой саж, около черепа – маленький кусочек золотой фольги, а рядом с костями грудной клетки – бронзовое зеркало.

Все кости плохой сохранности, поверхность их сильно эрозирована, а большинство эпифизов длинных костей конечностей обломаны, вследствие чего проследить наличие или отсутствие искусственных повреждений на скелете не представляется возможным.

Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что все захоронения были совершены через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника час-

тично или почти полностью разложилось. Наличие на костях искусственных повреждений, нанесенных острым инструментом, свидетельствует в пользу того, что тела умерших людей в той или иной мере препарировали. Вместе с тем предпринимались меры, чтобы костные останки покойника, полностью или частично утратившие анатомические сочленения вследствие естественного разложения мягких тканей или их препарации, не развалились и сохраняли антропоморфные очертания. В качестве искусственной оболочки, позволяющей сохранить «форму тела», могла использоваться одежда погребенного или специальное покрытие. Логическим завершением этой тенденции представляется изготовление «куклы-манекена» на основе черепа и длинных костей конечностей покойника. Такая практика обращения с телом покойника находит определенные аналогии в погребальных памятниках Минусинской котловины (Murphy E.M., 2004, с. 122–132).

Надо отметить, что наличие компактных скоплений костей, лежавших в приблизительном анатомическом порядке, отмечалось во многих погребениях могильника Аймырлыг скифского времени. По мнению А.М. Мандельштама (1983, с. 27; 1992, с. 181), это были захоронения полуразложившихся трупов или очищенных костей. Интересные материалы были получены при изучении костных останков 607 индивидов из могильника Аймырлыг, значительная часть которых относится к III–II вв. до н.э. У 29 индивидов на костях были обнаружены резаные повреждения, нанесенные предположительно острым ножом. Судя по локализации, эти повреждения были связаны с расчленением тела покойников на отдельные сегменты. Наиболее часто практиковалось отделение верхних и нижних конечностей от туловища (в плечевом и тазобедренном суставах) или же отделение голеней и предплечий (в коленном и локтевом суставах). В ряде случаев фиксировались следы поперечного расчленения туловища на уровне поясничных позвонков. В 12 случаях из 29 расчленение тела на отдельные сегменты сопровождалось очищением костей от мышечных тканей. Согласно полевой документации шесть из 29 индивидов с резаными повреждениями на костях были похоронены в расчлененном состоянии, еще пять представляли обычную ингумацию. Относительно захоронений остальных 18 по полевым данным восстановить не удалось. В некоторых захоронениях вместе со скоплениями костей, лежавших в приблизительном анатомическом порядке, были обнаружены остатки кожаных чехлов или одежды, служившей, по-видимому, для них мешком (Мандельштам А.М., 1983, с. 27; 1992, с. 181).

По мнению Э.М. Мерфи (Murphy E.M., 2004, с. 122–132), практика вторичных погребений в скифское время на территории Евразии, вероятнее всего, связывается с сезонными миграциями и необходимостью хоронить покойников на родовых кладбищах.

В качестве других аналогий можно привести результаты исследования погребений в курганной группе Барангол-2 (последняя треть I тыс. до н.э.), где наряду с обычными захоронениями зафиксирован целый ряд вторичных – курганы №1–4 (Бородовский А.П., 2000, С. 197–198, рис. 1.-3, 7, 11, 12). По мнению А.П. Бородовского, на позднем этапе существования особой этнотерриториальной группы, оставившей барангольский некрополь, скотоводческое хозяйство стало более подвижным, а расстояния перекочевков существенно увеличились. Вследствие этого возникла необходимость хранить останки умерших определенное время до совершения погребения на родовом кладбище. Так могли появиться коллективные вторичные погребения среди курганов с обычными одиночными захоронениями (Бородовский А.П., 2000, с. 198). Ориентация останков погребенных во вторичных коллективных захоронениях осуществлялась головой на восток, юго-восток и юго-запад. Последнее направление соответствовало преобладающей традиции на Барангольском некрополе (Барангол-1, 2) и имеет архаичный характер. Степень разложения останков в таких захоронениях была различной, что свидетельствовало о достаточно длительных сроках перед совершением обряда. Размеры могильных ям для вторичных погребений отличались близким стандартом и наибольшей глубиной для всего некрополя. Количество сосудов и кусков жертвенной пищи всегда соответствовало числу погребенных. Разделочный нож всегда был один (Бородовский А.П., 2000, с. 200). Ближайшие аналогии зафиксированной погребальной обрядности при исследовании памятника Барангол-2 имеются среди объектов курганной группы Верх-Еланда-II на Катунь (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 12–13, рис. 7.-II, рис. 10.-II).

Таким образом, зафиксированные вторичные погребения пазырыкской культуры на могильнике Ханакаринский дол еще раз свидетельствуют, во-первых, о существовании традиции среди кочевников хоронить в пределах родовых (клановых) некрополях. Во-вторых, у кочевников широко была распространена практика погребать умерших в определенное время года – обычно ранней весной или осенью. Подобное обстоятельство объясняется как палеодемографическими процессами, так и определенными мировоззренче-

скими представлениями, что уже отмечено исследователями (Руденко С.И., 1953, 1960; Полосьмак Н.В., 2001, с. 238–255; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 136–144, 253–254). Остается выяснить механизм совершенных препарирований и создания «манекенов».

М.А. Демин, С.М. Ситников

*Барнаульский государственный
педагогический университет, Барнаул*

**К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХ
«ОГРАБЛЕНИЯ» АНДРОНОВСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ
(по материалам грунтового могильника
Чекановский Лог-10)**

В настоящее время благодаря работам различных научно-исследовательских центров на территории лесостепного и степного Алтая изучен целый ряд андроновских погребальных и поселенческих комплексов. В немаловажной степени этому способствовали раскопки М.П. Грязнова, А.П. Уманского, Ю.Ф. Кирюшина, А.Б. Шамшина и ряда других исследователей. Накопление археологического материала позволило на более качественном уровне осветить многие вопросы хозяйственной деятельности и хронологии андроновского населения Алтая. Однако многие аспекты, связанные с религиозной, поминальной и обрядовой практикой «андроновцев», до настоящего времени остаются слабо разработанными. В этой связи хотелось бы обратиться к так называемым ограбленным погребениям могильника Чекановский Лог-10.

Могильник Чекановский Лог-10 расположен на правом берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5–1,7 км к юго-востоку от с. Корболиха. Памятник открыт в ходе обследования береговой зоны водохранилища, проводившегося летом 1998 г. М.А. Деминым и С.М. Ситниковым. Раскопками вскрыто 60 андроновских погребений, часть из которых имеют признаки ограбления. Остановимся на наиболее интересных из них.

Могила №7 подпрямоугольной формы с округлыми краями, размерами 215×145 см обнаружена на глубине 116 см*. Погребение ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ. В могиле, в скорченном по-

* Здесь и далее все глубины даются от уровня современной дневной поверхности.

ложении на левом боку, головой на запад, расчищен скелет мужчины 30–40 лет*. Погребение, вероятно, было ограблено еще в древности: многие кости смещены, черепа нет. В районе левого уха погребенного обнаружена бронзовая привеска, обернутая золотой фольгой (рис. 1.-3). Обломок еще одной привески найден в северной части могилы (рис. 1.-4). В районе пояса погребенного со спины были найдены около 30 металлических бусинок (серебро?) очень плохой сохранности. В западной части погребения обнаружен фрагмент сосуда без орнамента. Дно погребения зачищено на глубине 132 см. Заполнение могилы представлено желтым материковым суглинком с изредка встречающимися угольками.

Могила №24 подпрямоугольной формы с округлыми краями, длиной 300 см и шириной 175 см обнаружена на глубине 50 см. Погребение ориентировано по линии ЮЗ–СВ. В могильной яме в скорченном положении на левом боку находились костные останки взрослого мужчины (рис. 1.-1). Могила ограблена еще в древности: череп и кости верхней части плечевого пояса погребенного отсутствовали. В верхней части погребения на глубине 75–114 см встречены останки черепа, тазовая и большая берцовая кость другого человека. Погребение по периметру имело деревянную обкладку, в настоящее время сохранившуюся лишь частично. Дно могилы расчищено на глубине 135 см. Заполнение погребения представлено желтым материковым суглинком с изредка встречающимися угольками.

Из инвентаря в погребении встречены цельнолитая золотая серьга с раструбом на глубине 103 см (рис. 1.-2) и на дне развалы двух сосудов. Сосуд №1 имеет горшковидную форму и орнаментирован елочными узорами, выполненными мелкозубчатым гребенчатым штампом. Сосуд №2 слабопрофилированной формы, украшен по венчику пояском из оттисков гребенчатого штампа, по шейке – зигзагом, в придонной части – равносторонними заштрихованными треугольниками. Зональность в орнаментации подчеркивалась при помощи узких каннелюр. В юго-западном углу погребения обнаружены ребра животного, а в северо-восточном, на глубине 75–93 см, – два черепа и конечности коровы (молодая и зрелая особи).

В целом большинство взрослых захоронений могильника Чекановский Лог-10 потревожено. В данных погребениях фиксируются перемещенные кости человека, многие из которых отсутствуют, разбитые или сдвинутые сосуды, а также украшения (рис. 1.-5).

* Половозрастные определения выполнены К.В. Солодовниковым.

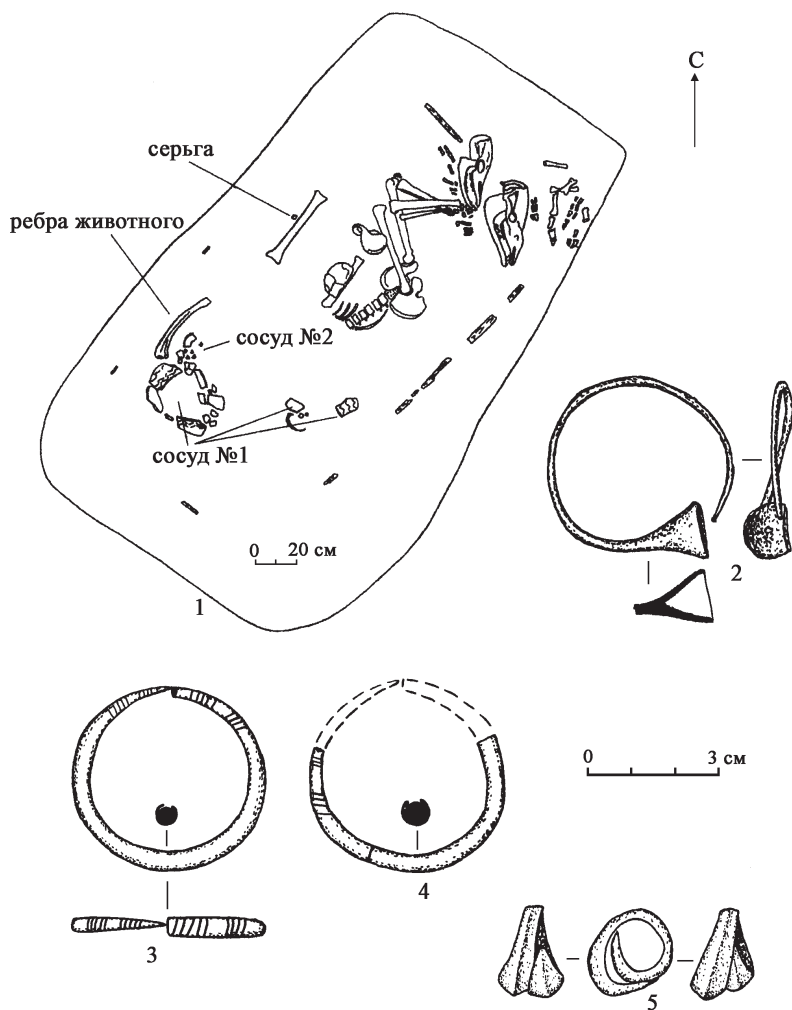

Рис. 1. Чекановский Лог-10: 1 – план могилы №24;
 2 – золотая серьга из могилы №24; 3, 4 – инвентарь могилы №5
 (бронза, золото); 5 – подвеска из могилы №2,
 погребения 2 (бронза, золото)

В этой связи возникает вопрос о причинах и времени так называемого ограбления.

Возможно, проникновение в могилу происходило из-за находящихся в погребениях бронзовых орудий и золотых украшений. Однако возникает вопрос, почему же в данном случае в ограбленной могиле №7 могильника Чекановский Лог-10 одна кольцевая привеска (с правой стороны черепа) оказалась сдвинутой в сторону, а вторая (с левой стороны) лежала на месте. В могиле №29 этого же памятника цельнолитая золотая серьга с раструбом (весом около 10–12 г) была просто отодвинута в сторону, а кости находящегося там взрослого мужчины были перемещены. Аналогичная картина наблюдается и в ряде других погребений. Трудно предположить, что люди, потревожившие могилы, не заметили данные изделия или же посчитали их незначительной добычей.

Грабители довольно четко выходили на контур могильной ямы. Как правило, перемещались костные останки верхней части скелета, кости ног и таза сдвигались редко. Зачастую перемещенные кости находились в ногах погребенного. Череп либо вообще отсутствует, либо находится во фрагментарном состоянии в различных частях погребения и на разных уровнях. В настоящее время могильники Чекановский Лог-2 (исключение составляет лишь захоронение №40, вокруг которого была сооружена округлая каменная выкладка) и Чекановский Лог-10 являются грунтовыми и никаких внешних признаков на уровне современной поверхности не имеют. Конечно, можно предполагать, что над исследованными погребениями ранее имелись какие-то хорошо заметные внешние сооружения типа земляных выкладок, однако, по нашему мнению, вряд ли они смогли просуществовать более пятидесяти лет. После этого природные процессы должны были их сnivelировать. Следовательно, ограбление имело место в тот период, когда на поверхности оставались какие-то видимые признаки погребения. В этом случае вырисовываются два варианта.

Первый – ограбление происходило после смены одной группы населения другой с целью осквернения. Однако этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в андроновское время была довольно стабильной, что маркируется малочисленными находками предметов вооружения на поселениях и могильниках и отсутствием в погребениях костных останков людей с признаками насильственной смерти.

Второй – мы имеем дело с каким-то особым ритуалом, связанным с религиозными представлениями андроновского общества о загробном мире и душе. В данном случае, который представляется нам наиболее вероятным, так называемое ограбление» – это обряд, который совершался родственниками или сородичами умершего с какими-либо религиозно-магическими целями. Весьма любопытно, что данная традиция существовала и в более позднее время. Например, материалы ирменского могильника Журавлево-4 свидетельствуют об обрядовых действиях, связанных с головой умершего, которым подвергались только взрослые люди, преимущественно мужчины (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 82).

Г.Е. Иванов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ДВА БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТЕПНОГО АЛТАЯ

До VIII в. до н.э. в степном Алтае существовал комплекс вооружения, развивавшийся в русле западных, срубно-андроновских традиций и состоявший из лука и стрел, коротких копий или дротиков, топоров и четырех типов кинжалов: без выделенного перекрестья (пластинчатые), с ромбовидным, кольцевидным («киммерийского» типа) или в виде «уступа с выкружками» утолщением на месте перекрестья (Иванов Г.Е., 2005а–б). В IX–VIII до н.э. в евразийских степях формируется новый оружейный набор, в состав которого входили как типы, продолжавшие линию развития позднего бронзового века (лук и стрелы, наконечники копий и дротиков), так и новые виды (секиры, чеканы, бронзовые шлемы) и типы. Принципиальные изменения претерпевает клинковое оружие ближнего и рукопашного боя – появляются длинные всаднические мечи и кинжалы с хорошо выраженным длинным перекрестьем, не превышающим по толщине гладкую, сплошную, подпрямоугольную в сечении рукоять с грибовидным (в основном) навершием и длинным клинком с параллельными лезвиями и широким утолщением по центру. В западной части степи они биметаллические или железные, с прямым или как бы состоящим из двух прямоугольных треугольников с опущенными вниз острыми углами (кабардино-пятигорского типа) перекрестьями, а на востоке – еще бронзовые, с перекрестьями,

«сломанными под углом» (Тереножкин А.И., 1973, с. 121–125; 1975, с. 3–34; Членова Н.Л., 1976; Шрамко Б.А., 1984, с. 22–33; Грязнов М.П., 1993, с. 5; Ковалев А.А., 2000, с. 138–175; Чжун-Сук-Бэ, 2000, с. 110–137; и др.).

Несомненно, все три типа развивались в условиях теснейших контактов и обмена идеями и вещами, что привело к появлению множества вариантов и переходных форм и, в конечном счете, к очень быстрому созданию практически универсального для всей степи скифского акинака, в появление которого очень существенный вклад внесло население алтайских и казахстанских степей. Хотя попытки восстановить этот процесс в деталях вряд ли перспективны (Иванов Г.Е., 1995а, с. 17–18), каждая новая находка такого оружия представляет существенный интерес, особенно для степного Алтая, где период со 2-й половины VIII до 1-й половины VI в. до н.э. изучен крайне слабо и представлен в основном случайными находками или малочисленными комплексами (Фролов Я.В., Папин Д.В., 2004, с. 31–42).

Цель данной работы – введение в научный оборот двух бронзовых кинжалов, случайно найденных в степном Алтае.

Первый из них происходит из Завьяловского района и хранится в районном краеведческом музее (ОФ №132) (рис. 1.-1). Общая длина его – 29,8 см, длина рукояти без перекрестья и навершия 8 см, ширина ее 3 см, толщина 0,8 см, длина клинка вытянуто-треугольной формы, шестигранного в сечении – 18 см, максимальная ширина (у перекрестья) – 5 см, ширина перекрестья – 6,6 см, высота – 2,5 см. Уникальной особенностью кинжала является навершие – подовальное (в форме двояковыпуклой линзы) при виде сверху и рожковидное в профиле (поперек плоскости рукояти). Аналогий ему нам не известно. Очень отдаленно оно напоминает серповидные навершия древнейших скифских, савроматских и алтайских мечей конца VI – начала V вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 17; Мелюкова А.И., 1964, с. 54; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995, с. 99–100) и может рассматриваться как их древнейший вариант. Нами уже высказывалось предположение о том, что степи Алтая входили в ареал, где происходило формирование серповидных наверший мечей и кинжалов (Иванов Г.Е., 1995б, с. 162–164; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995, с. 100–101). Возможно, завьяловская находка является одним из исходных прототипов серповидных наверший, нашедшим иное конструктивное решение на железном оружии конца VI в. до н.э.

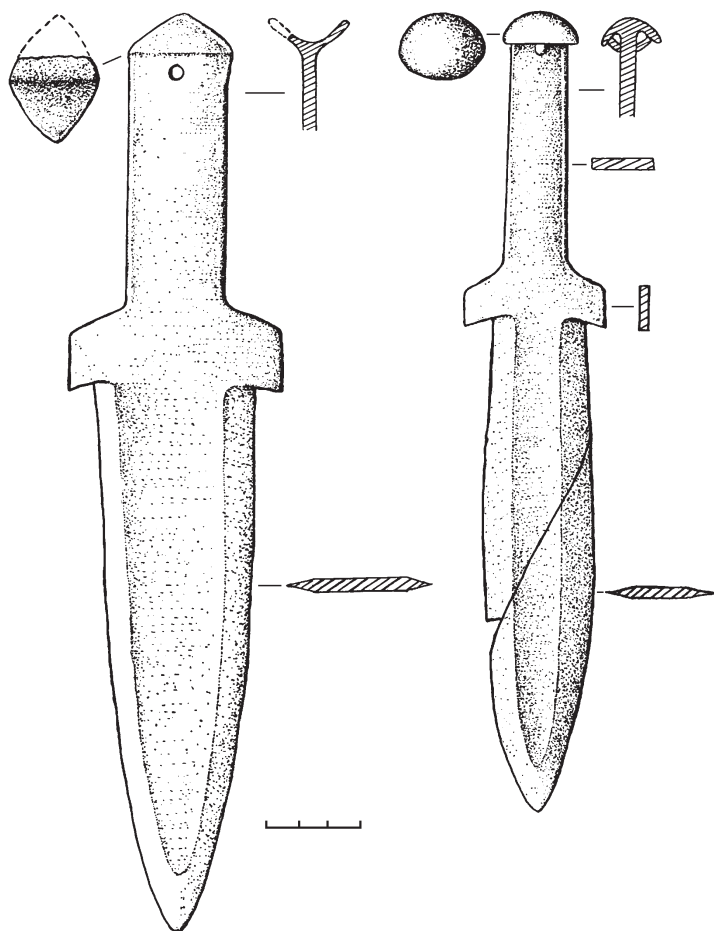

Рис. 1. Бронзовые кинжалы

Еще одна черта, сближающая кинжал из Завьялово с древнейшими железными мечами – наличие под навершием аккуратного круглого отверстия для темпьяка – очень специфической детали, не встречающейся на железном оружии позднее VI в. до н.э., но, видимо, популярной в VI в. до н.э. (Белозор В.П., Скорый С.А., 1985, с. 255–256, рис. 1.-2; Смирнов К.Ф., 1961, с. 11, 28, рис. 20.-7; Тереножкин А.И., 1975, с. 101, рис. 1.-4; Черненко Е.В., 1979, с. 12–13, рис. 4, 5; Шкурко А.И., 1962, с. 97, рис. 1.-2; Иванов Г.Е.,

Медникова Э.М., 1982, рис. 1.-14; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б., 1995, с. 100). С другой стороны, его наличие, форма и сечение клинка указывают на существенное влияние на возникновение кинжалов этого типа ранних форм карасукских кинжалов (Членова Н.Л., 1976, табл. 1).

Второй кинжал (рис. 1.-2) был выпахан на поле недалеко от с. Петухи Ключевского района в 1981 г. Клинок поврежден плугом. Хранился в школе пос. Целинный Ключевского района, где в 1983 г. был зарисован В.Б. Бородаевым*.

От предыдущего кинжала его отличают более стройные, вытянутые пропорции, характерные для алтайских мечей и кинжалов данного типа, вытянуто-листовидный клинок с наибольшим расширением в середине и чуть заметными выемками у перекрестья. Две последних детали сближают клинок с местными позднебронзовыми формами, развивавшимися на основе андроновского оружия. Рукоять увенчана небольшим грибовидным навершием, прикрепленным к ней посредством двух шпеньков (возможно, именно отливка подобных шпеньков и породила идею создания навершия на предыдущем кинжале). Общая длина изделия 25,7 см, длина клинка 16,2 см, ширина 3,2 см, толщина 0,4 см, длина рукояти без перекрестья и навершия 7,3 см, ширина 1,9 см, ширина перекрестья 4,4 см, высота 1,4 см. Ширина навершия 2,4 см, высота 1,1 см.

Кинжал пополняет серию подобного оружия, происходящего из равнин и предгорий Алтая и близко прилегающих к ним районов Новосибирской области и Казахстана (Членова Н.Л., 1976, табл. 6.-5, 9-11, табл. 7.-6, табл. 8.-10; Членова Н.Л., 1982, с. 36-37, рис. 2.-1; Кадырбаев М.К., 1968, рис. 1.-8; Демин М.А., 1989, рис. на с. 47). К ним примыкают мечи из Лагерного сада в Томске и со дна Андреевского озера (Членова Н.Л., 1976, табл. 7.-1, 2) и клинок с перекрестьем с городища Инберень-VI (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1983, с. 117-118, рис. 10.-9).

Н.Л. Членова (1976, с. 40-41; 1982, с. 36-37), называя эти кинжалы и мечи «типично карасукскими» или «переходными карасукско-майэмирскими», тем не менее не может привести им аналогии из Минусинской котловины, справедливо, на наш взгляд, указывая, что они наиболее близки европейским бронзово-железным мечам. Видимо, правильнее будет выделить данный тип, возникший в степях и предгорьях Алтая на местной позднебронзовой

* Приношу В.Б. Бородаеву искреннюю благодарность за ознакомление с рисунком находки.

основе и при сильном воздействии восточного импульса, назвав его алтайским.

Влияние карасукского оружия выразилось в появлении грибовидных наверший и шестиугольного сечения клинка. Вовсе не очевидно, что столь развитая форма перекрестия стала результатом развития карасукских «шипов». Гораздо ближе к ним по форме насадные перекрестья андроновских кинжалов с выемками, сохранившиеся только в немногочисленных вариантах исполнения в металле (Акишев К.А., 1973, с. 45–46; Арсланова Ф.Х., 1973, с. 167, рис. 5; Хабдуллина М.К., Рубе А.А., 1984, с. 229–230, рис. 1). Можно предположить, что гораздо чаще они делались из дерева и кости (Хабдуллина М.К., Рубе А.А., 1984, с. 229–230). В плане генезиса скифского акинака очень важно, что у андроновских кинжалов, в отличие от карасукских, перекрестье превышает по толщине клинок и рукоять.

Находит свое объяснение и еще одна особенность алтайского оружия – значительный процент длинных мечей. Как показал анализ комплекса вооружения населения степного Алтая в эпоху поздней бронзы, уже в это время складывается тактика степного конного боя и соответствующий ей набор эффективного рубящего оружия для конного воина, не предусматривающий уже необходимости спешиваться в ближнем бою (Иванов Г.Е., 2005б). Отвечающий этим задачам тип оружия окончательно сформировался в рассматриваемое время и включил в себя наряду с короткими копьями, секирами и чеканами объединяющий их рубящие и колющие функции длинный меч.

В датировках рассматриваемого оружия существует очень значительный разноречивый. А.И. Тереножкин (1973, с. 125; 1975, с. 24, 26) склонен был относить их к X–IX вв. до н.э., К.А. Акишев и Б.А. Шрамко датируют их VIII–VII вв. до н.э. (Акишев К.А., 1973, табл. 1; Шрамко Б.А., 1984, с. 25), Н.Л. Членова и М.К. Кадырбаев предлагают дату VII–VI вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1976, с. 39–41; Кадырбаев М.К., 1968, рис. 1.–8). Представляется, что для степного Алтая наиболее приемлемой датой будет 2-я половина VIII–VII вв. до н.э. В VI в. до н.э. они сменяются производным от рассматриваемых североказахстанским (или нурманбетским) и очень близким к ним типом, представленном бронзовым кинжалом из Барнаульского округа (Иванов Г.Е., 1987, с. 15, рис. 5.–2). Во 2-й половине VI в. до н.э. бронзовые мечи и кинжалы полностью вытесняются железными.

А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный
технический университет, Кемерово*

ИРМЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАСЬМЫ

В настоящее время памятники ирменской культуры в долине р. Касьмы изучены достаточно полно. Усилиями Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) сформирован репрезентативный фонд археологических источников, позволяющий выйти на уровень отдельных реконструкций исторических процессов. Настоящая работа является попыткой анализа демографической ситуации на территории Касьминского археологического микрорайона (АМР) в начале I тыс. до н.э.

Ирменские памятники группируются двумя кустами – в нижнем и среднем течении Касьмы. В нижнем течении известны два ирменских памятника – поселение Красная Горка-1 и курганный могильник Сапогово-1. По нашему мнению, поселение и расположенный ниже по течению реки могильник можно рассматривать как синхронные комплексы, оставленные одной группой населения. Поселение Красная Горка-1 находится на левобережье Касьмы, в 1,2 км к северу-востоку от одноименного села на возвышенном естественном мысу (Илюшин А.М., 1994, с. 20–21; 1995, с. 62–63). В древности мыс омывался водами Касьмы, но в настоящее время река отступила к югу. К северо-западу от древнего поселения в Касьму впадает ручей, пересыхающий в летнее время. На поселении исследовано одно крупное жилище, являвшееся по конструкции полуземлянкой подчетырёх-угольной формы 16,25×14,5 м, и межжилищное пространство (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110–112). По характеру жилища и насыщенности культурного слоя можно утверждать, что поселение носило долговременный характер. Анализ форм и орнамента керамики говорит о смешанности населения. Преобладает ирменская посуда, но встречена также андроновская, корчажкинская и синкретичная ирменско-корчажкинская керамика. Такое разнообразие позволяет предполагать, что до прихода на эту территорию «ирменцев» здесь находилось небольшое поселение андроновской, а позднее корчажкинской культуры. «Ирменцы» заняли территорию этого поселения и ассимилировали местное корчажкинское население. Хотя не исключены и этнокультурные контакты местных «ирменцев» с населением андроновской и корчажкинской культур, проживавших на других территориях.

В 1,5–2 км на северо-восток от поселения Красная Горка-1 на второй надпойменной террасе левого берега Касьмы, в 2 км на юго-запад от села Сапогово расположен могильник Сапогово-1 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996). Это один из самых крупных ирменских могильников в данном археологическом микрорайоне. Из 19 раскопанных курганов этого могильника к ирменской культуре относятся 14 курганов, в которых было зафиксировано 65 могил, где насчитывалось 69 погребенных. Керамика и отдельные вещи из погребений Сапогово-1 имеют аналогии в материалах поселения Красная Горка-1. Кроме того, при исследовании насыпей двух «длинных» курганов №8 и 19 были зафиксированы фрагменты поселенческой андроновской и ирменской посуды, имеющие полные аналогии на поселении Красная Горка-1. Здесь мы имеем дело с пока не ясной для нас традицией, известной и в других ирменских некрополях Кузнецкой котловины, согласно которой «ирменцы» использовали для возведения надмогильных сооружений культурный слой из своего поселения. Часть сапоговской ирменской керамики, как и на поселении, свидетельствует о пережиточном влиянии корчажкинского компонента. Однако на погребальной ирменской керамике инокультурное влияние проявляется слабее, чем на поселенческой керамике, что можно объяснить традиционной консервативностью погребального обряда.

В среднем течении Касьмы ККАЭЭ были раскопаны комплекс поселений Торопово-4 и курганные могильники Шабаново-1 и Шабаново-4. Комплекс поселений Торопово-4 расположен в 0,7 км к северо-западу от с. Торопово. Объект находится на левом, более высоком берегу Касьмы, на естественной возвышенности нижней террасы, рядом с устьем сухого ручья. Исследования показали, что данная площадка была обитаема в различные исторические эпохи (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001, с. 199–201). К ирменской культуре относятся разрушенные жилища за №2, 3, 4 и ямы за №1 и 7, а также значительное количество артефактов в раскопе №1, исследованном в 2001–2002 гг. (Илюшин А.М., 2002, 2003). Несмотря на обилие ирменской керамики, ирменские жилища были небольшими по площади и лишь незначительно углублялись в материк, что может говорить об их сезонном характере. Анализ ирменского керамического комплекса Торопово-4, проведенный нами в специальной работе, показал его относительную культурную однородность (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2004, с. 44–48). Наличие корчажкинского компонента (за единичным ис-

ключением) в ирменской керамике не прослеживается. Не зафиксировано на памятнике и собственно корчажкинской керамики.

К северо-востоку от поселения ниже по течению реки на возвышенной террасе левобережья Касьмы расположен курганный могильник Торопово, насчитывающий десять округлых сильно задернованных земляных насыпей. Этот памятник не раскапывался, однако по морфологическим признакам его предварительно датировали эпохой поздней бронзы (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А., 1995, с. 10). Вероятно, он связан с близлежащим ирменским поселением Торопово-4.

Выше по течению Касьмы близ с. Шабаново находятся еще два ирменских могильника – Шабаново-1 и Шабаново-4. К сожалению, ирменских поселенческих комплексов, с которыми можно было бы связать данные могильники, пока обнаружить не удалось, хотя исследования береговых террас в районе с. Шабаново ведутся сотрудниками ККАЭЭ с 1988 г. Курганный могильник Шабаново-1 расположен на второй надпойменной террасе правого берега Касьмы, в 350 м на юго-восток от одноименного села, рядом с перекрестком двух дорог (Илюшин А.М., Ковтун И.В., 1992, с. 11). В могильнике было исследовано десять ирменских курганов. В них зафиксировано десять могил, в которых насчитывалось 12 погребенных. На левобережье Касьмы в 3,5 км на северо-запад от с. Шабаново, на высокой террасе, образованной выходами горных пород, расположен курганный могильник Шабаново-4 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 15–53). На этом памятнике было раскопано 11 курганов. В них было зафиксировано 19 могил, в которых насчитывалось 23 погребенных. Несмотря на значительное количество раскопанных курганов, погребенных здесь было зафиксировано совсем немного. Как правило, под одной насыпью здесь находились одна, реже две могилы, что отличает шабановские курганы от сапоговских, для которых более характерна «многомогильность». Вместе с тем трудозатраты на сооружение курганных насыпей были велики во всех исследованных могильниках. Немногочисленные материалы этих погребально-поминальных комплексов позволяют говорить о наличии здесь, как и в сапоговских памятниках, корчажкинского компонента. Так, в кургане №11 могильника Шабаново-4 керамика имеет смешанный ирменско-корчажкинский облик (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, рис. 22.-1, 2; 23.-5, 6).

Сейчас специалистами общепризнано, что в начале I тыс. до н.э. территория Кузнецкой котловины была освоена населением ирменской культуры. С учетом того, что более ранние, по сравнению с изучаемыми нами, ирменские древности известны на терри-

тории Новосибирского Приобья, можно предполагать, что расселение «ирменцев» главным образом шло по долине Ини. Двигаясь снизу вверх по течению, различные ирменские коллективы, практиковавшие пастушеско-придомную форму скотоводства, осваивали долины притоков Ини (Ура, Касьмы, Тарсьмы и др.), ассимилируя немногочисленное местное постандроновское население. Для своих поселков «ирменцы» выбирали уже освоенные в предшествующие эпохи естественные возвышенности левобережья Касьмы, рядом с небольшими ручьями, служившими источниками чистой воды. Погребально-поминальные комплексы «ирменцы» сооружали обычно на возвышенности, ниже по течению реки, в 1–2 км от своих поселков. Это делалось, вероятно, как в ритуальных, так и в санитарно-гигиенических целях.

Имеющиеся материалы позволяют думать, что «ирменцы» Касьминского АМР устроили свою «ставку» в нижнем течении Касьмы, богатом заливными лугами и пастбищами для скота. Место было удобным потому, что находилось недалеко от впадения Касьмы в Иню, на перекрестке миграционных потоков. Это, с одной стороны, позволяло контролировать передвижения ирменского населения в долинах Касьмы и Ини, а с другой – осуществлять экономические и социально-политические контакты с другими этническими группами. Расположенный неподалеку ирменский некрополь Сапогово-1 можно отнести, по терминологии Ю.И. Михайлова (2001, с. 195), к категории «престижных». Там, как и в могильнике Журавлево-4, были погребены представители всех возрастных групп, а также социальные лидеры, возглавлявшие территориальные объединения. Памятники, расположенные в среднем течении Касьмы, видимо, были оставлены рядовыми ирменскими общинниками и к категории престижных не относятся.

А.А. Кильдюшева

*Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН, Омск*

СОЦИОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ ЖЕНЩИН ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ЕАК)

Еловский археологический комплекс эпохи поздней бронзы, состоящий из Еловского I курганного могильника (ЕК-I), Еловского поселения (ЕП) и Еловского II могильника (ЕК-II), был открыт в 1959 г.

В.И. Матющенко и Л.В. Александровой, а затем был исследован В.И. Матющенко в 1960–1980-е гг. Материалы раскопок опубликованы (Матющенко В.И., 1973, 1974а–б, 2001, 2004).

Для анализа были взяты данные по 120 женским костякам: 1) ЕК-II андроновский – 63 костяка (24,7%, всего 255 костяков), 2) ЕК-I еловский – 15 (25,9%, всего 58 костяков), 3) ЕК-II еловский – 42 (37,5%, всего 112 костяков). Изучение погребального обряда женщин, характера инвентаря и его локализации (зоны головы, рук, груди, тазового отдела и ног) дало возможность выделить пять социовозрастных групп, в которых социальная градация оказалась тесно связанной с возрастной: I. 10–15 лет – девушки; II. 15–20 лет – девушки-«невесты»; III. 20–30 лет – молодые замужние женщины; IV. 30–45 лет – замужние женщины; V. 45–65 лет – пожилые женщины, вышедшие из репродуктивного возраста. Каждая из этих групп имела свой набор признаков, выраженных в таких показателях, как: 1) характер захоронения (индивидуальное, парное или коллективное); 2) особенности могильной ямы (размеры, глубина, форма, ориентация, дополнительные сооружения – обкладка и/или перекрытие); 3) особенности положения костяка в могиле; 4) особенности сопроводительного инвентаря (стандартный набор – украшения, орудия труда, керамика, кости животных; единичные находки, локализация на теле).

Рассмотрим один из главных маркеров социовозрастных групп – украшения, расположенные на теле женщины так, как их носили или использовали при жизни. Замена этого маркера в ритуалах и обрядах жизненного цикла (инициация, свадьба, рождение ребенка, окончание репродуктивного периода) символизировала смену социального статуса женщины: девушка – невеста – молодая замужняя женщина – замужняя женщина – пожилая женщина. Причем именно определенный набор украшений позволял соотносить женщин с разными социовозрастными группами. Таблица 1 содержит сведения о распределении украшений по группам (знак «+» означает наличие этих украшений в группе; «1–2» – количественное выражение (шт.) наличия украшений в группе).

Как видно из таблицы 1, по мере взросления и перехода женщины из одной социовозрастной группы в другую изменялся качественно и увеличивался количественно набор украшений, которые ей можно было носить. Если в I-й группе часто вообще не было украшений, то во II-й группе стабильным становится набор из бронзовых бус и бронзовых височных колец. Самый высокий статус жен-

щина приобретала в период зрелости (замужества и рождения детей) – III-я и IV-я группы; тогда она носила самые различные украшения в большом количестве. Причем женщины 20–30 лет имели в своем наборе до 4–8 бронзовых колец разных форм, а 30–45-летние женщины, кроме этого, и всевозможные серьги. В V-й группе заметно уменьшается количество носимых женщиной украшений. Таким образом, каждая группа маркировалась качественно различными украшениями, а социальный статус женщины в группе определялся в зависимости от количественного набора ее украшений. Интересно то, что головной убор женщин разных социовозрастных групп был практически всегда украшен 1–2 медными или бронзовыми выпукло-вогнутыми бляшками-нашивками, которые обычно располагались на лбу, на затылке или в области шеи. Это свидетельствует о том, что данное украшение не являлось показателем возрастного или социального статуса женщин могильников ЕК-I и ЕК-II.

Кроме того, социовозрастные группы различались между собой по наличию орудий труда (бронзовые иглы, шилья, ножи, костяные проколки и игольники и т.д.) и соотношению их с украшениями. Так, в I-й группе орудий труда не встречено; во II-й – равномерное распределение украшений и небольшого числа орудий труда на костях; в III-й группе – преобладают украшения над орудиями труда; в IV-й – преобладают орудия труда над украшениями; в V-й группе – орудия труда встречены редко. Судя по такому распределению орудий труда, можно сказать, что наиболее активными в хозяйственной сфере были женщины 20–45 лет.

Также в захоронениях женщин III-й и IV-й групп широко распространенной находкой были фаланги, бабки и другие кости различных животных (бобра, овцы, козы, лошади и др.). Что касается уникальных находок, обнаруженных в женских захоронениях могильников, то они преобладают в IV-й группе (например, м. 47 – два бронзовых височных кольца с золотой обкладкой; м. 84 и м. 254 содержали «змейчатые», спиральные кольца; м. 209 – бронзовую треугольную удлинненную подвеску из тонкой пластины со сквозным отверстием; и др.). Локализация инвентаря на костях в группах такая: I-я группа (голова), II-я группа (голова – руки), III-я группа (голова – грудь – руки), IV-я группа (голова – грудь – руки – тазовый отдел – ноги), V-я группа (голова – ноги).

Каждая из социовозрастных групп женщин занимает определенное место на шкале престижности расположения в социальной структуре общества. Так, наиболее значимыми по всем могильни-

кам оказались III-я и IV-я группы, куда входили женщины 20–45-летнего возраста. Женщины этих групп имели наиболее полный набор социальных прав как в частной, так и в общественной сфере. Обладая практическими знаниями и навыками, неся на себе все заботы по дому, воспитывая детей, женщины этих групп были центральными фигурами в хозяйственной сфере и вместе с тем занимали ведущее положение среди женщин других групп. Поэтому именно замужних и имеющих детей женщин больше ценили в древнем обществе. Положение девушек I-й группы было самым низким в социальной структуре общества. II-я группа выступает как переходная в следующую престижную группу. Переход в V-ю группу в целом сопровождался понижением социального статуса женщины и сокращением набора ролевых функций в хозяйственной сфере. Но иногда он мог повышаться или характеризоваться сокращением числа одних исполняемых функций и появления других. Примером этого может быть ЕК-II еловский, где прослеживается тенденция повышения общего статуса группы и в целом женщин пожилого возраста, у которых, возможно, появлялись какие-то ритуально-магические функции.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

ДРЕВНИЕ ГОРНЫЕ ВЫРАБОТКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ С. КАРАМЫШЕВО*

Начало планомерных исследований территории Рудного Алтая в 2000–2003 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета показало наличие огромного количества древних горнорудных комплексов различной сохранности, в том числе горные выработки, шлаковые поля, остатки медеплавильных печей. Большая часть открытых памятников обследована лишь рекогносцировочно, так как для целевых исследований необходимо соответствующее финансирование. Тем не менее в ходе работ 2000–2005 гг. началась фиксация подобных объектов в окрестностях с. Карамышево, на реках Хорьковка и Каменка (бассейн Верхнего Алея) (Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003; Иванова Е.П., Кунгуров А.Л., 2004). Начатые исследования обозначили следующие проблемы, связанные с идентификацией древних горнорудных комплексов:

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01183а).

1. Разделение выработок XVIII–XIX вв. и «чудских» копей.
2. Датировка выявленных горнорудных объектов.
3. Определение направленности тех или иных копей на определенные виды рудного и нерудного минерального сырья.
4. Разработка полевой и камеральной методики изучения объектов различной хозяйственной направленности.

Обследование русских разработок, прежде всего Матвеевского прииска на серебро и медь, практически не затронутого современными антропогенными разрушениями, позволило провести разделение древних и современных горных разработок. По всей видимости, Матвеевский прииск, связанный с Карамышевским Вторым рудником, был заложен на месте обнаружения рудознатцами обширного комплекса «чудских» копей, однако оказался неперспективным и был достаточно быстро заброшен. Прииск расположен в 2 км от северо-восточной окраины с. Карамышево на склоне гривы, высотой около 10–14 м, на правой стороне р. Корболихи и на правой стороне Матвеевского ключа. Месторождение прииска простирается на северо-запад. Добываемой ценностью являлась медная синь (азурит) и медная зелень (малахит), включенные в хлоритовый сланец и содержащие «0,5 золотника серебра на 9 фунтов меди». Висячий и лежащий бока составлял нефритовый порфир. Работы на прииске велись в демидовское время до 1744 г. и позднее возобновились в 1783 г. В 1820 г. из-за усиленного притока воды и затопления пониженных открытых карьеров добыча руды была остановлена (ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36.). В 1 км северо-восточнее Матвеевского прииска расположен Стрижковский рудник, обнаруженный в 1785 г. слесарным подмастеровым Стрижковым. Разведочные шурфы четко видны и на правом борту долины ручья (Кашкаровский прииск, который открыт в 1782 г. унтершхтмейстером Кашкаровым, но не разрабатывался из-за бедности руд). На гряде, являющейся водоразделом между Матвеевским и Стрижковским приисками, в нетронутом состоянии сохранилось большое количество «чудских копей», перспективных для дальнейшего изучения. Стрижковский прииск весь выработан в советское время как полиметаллическое месторождение и все следы древних работ уничтожены. Матвеевский прииск, наоборот, демонстрирует весь алгоритм рудодобычи:

1. Траншеи и открытые ямы для добывания руды.
2. Дифференцированные площадки для первичного механического обогащения, выделяющиеся по плотному одноцветному скоп-

лению мелкораздробленной рудосодержащей породы (малахит и азурит очищались от субстрата отдельно).

3. Ямы для вторичного (термического) обогащения сырья путем прокаливанию в закрытых ямах глубиной до 3 м. О прокаливании свидетельствуют многочисленные сплавленные кусочки «черной» меди, содержащие пустоты от пузырьков газа.

4. Отвалы «пустой» и отработанной породы, ограничивающие рабочее пространство прииска, недалеко от которых располагались насыпи «сырого» сырья, неперспективного для дальнейшей переработки ввиду бедности руд. Таких насыпей около 10.

Все перечисленные объекты занимают участок склона цокольного борта долины Матвеевского ручья в 100 м ниже гребня водораздела. По самому гребню фиксируется несколько десятков западин диаметром от 1 до 5 м и глубиной до 1,5 м, концентрирующихся вокруг конусовидных цокольных выходов. Эти западины очень четко отличаются от охарактеризованных объектов Матвеевского прииска прежде всего плотной задернованностью выемки и отвала. Нами они идентифицированы как «чудские» копи, послужившие маркером для сооружения прииска. Осмотр других остатков русской горнорудной деятельности подтвердил наличие незадернованных отвалов и обоганительных площадок, что позволяет предварительно выделять задернованные ямы как древние горнорудные объекты. Достоверность этого предположения могут подтвердить только раскопки отмеченных объектов.

В комплексе с «чудскими» копиями находятся так называемые шлаковые поля, повсеместно фиксирующиеся по водоразделам бассейна Корболихи, в том числе и вблизи разработок Матвеевского ручья. Как мы увидели на примере прииска, термическую обработку руды русские горняки проводили на месте добычи (видимо, это связано с достаточно большими объемами сырья и используемой технологией). Инфраструктура русских горных разработок не предполагает обжиг, а тем более плавку металла на водоразделах. В связи с этим участки, насыщенные шлаками (так называемые шлаковые поля), следует считать свидетельствами древних технологий плавки меди. Отчасти это подтверждается корреляцией «шлаковых» полей с поселениями бронзового и железного века на р. Хорьковке (Кунгуров А.Л., 2005; Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003), а также находками среди шлаков обломков литейных форм и глиняной обмазки литейных печей. На р. Каменке в 7 км выше с. Первокаменка Третьяковского района обнаружена частично разрушенная распаш-

кой медеплавильная печь, содержащая перечисленные признаки древних технологий. Наиболее интересным и перспективным участком, содержащем достаточно большое количество объектов древнего горного дела, является отрезок долины р. Хорьковка, расположенный в 10 км западнее Матвеевского ручья и содержащий весь спектр добывания и переработки рудного сырья (сами копи, участки первичного обогащения, «шлаковые» поля, поселения с горнорудным орудийным комплексом и обломками литейных форм). При этом комплекс, получивший наименование Мылинские Сопки, занимает оба борта долины Хорьковки между селами Новокузнецовка и Воронеж Змеиногорского района, видимо, следуя за рудным телом, которое пересекает долина реки. Перспективность горнорудного комплекса Мылинские Сопки заключается также в том, что он практически не затронут современной антропогенной деятельностью, за исключением отдельных распаханых участков. Не исключено то, что месторождение Мылинские Сопки эксплуатировалось на протяжении многих тысячелетий, так как встречены материалы раннего бронзового и раннего железного веков.

Достаточно показательные находки, связанные с различными отраслями горного дела, известны и с других памятников, как открытых в недавнее время, так и известных уже достаточно давно. Таким образом, в настоящее время существует достаточно показательный корпус источников, включая перспективные для исследования объекты, позволяющий начать полевое исследование и реконструкцию древнего горного дела.

Начатые исследования позволяют вновь поднять вопрос о характере и статусе Рудного Алтая как древнего рудодобывающего и рудоперерабатывающего региона. В отечественной археологической науке термин «горнометаллургическая область» не имеет однозначного толкования. Е.Н. Черных (1967, с. 297) сделал попытку структурировать понятие и выделить общие признаки горнометаллургической области. По его мнению, это понятие должно содержать следующие признаки:

1. Наличие достаточно богатых руд и многочисленных выходов их на поверхность, доступность для разработки древними металлургами, и расположение в одном крупном геолого-географическом районе. Большинство или часть местонахождений подверглось разработке, т.е. возникало и развивалось горное дело.

2. Начало эксплуатации рудных месторождений определяет нижнюю хронологическую границу функционирования области.

3. Металлургия является одним из занятий местных племен. Местная металлургия предполагает обязательное наличие датиро-

ванных и культурно определенных остатков металлургического производства – шлаков и медных плавилен.

4. Металлические изделия области имеют территориальное распространение, границы которого изменяются с течением времени.

5. Необязательно заселение области и разработка рудных месторождений единокультурным населением.

Обобщая приведенные критерии, можно сделать следующее заключение: горнометаллургическая область – это крупная геолого-географическая зона, обладающая богатыми рудными ресурсами, доступными для их разработки древними металлургами и горняками. Население, проживающее в этих областях, по своим этнокультурным признакам может быть совершенно различным. На территории СССР традиционно принято выделять шесть горнометаллургических областей; Урал (с Приуральем), Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Саяно-Алтай, Забайкалье. В Саяно-Алтайскую горнометаллургическую область, по мнению Е.Н. Черныха, входят четыре металлургических центра: Рудный Алтай, Горная Шория, Тува и, возможно, Минусинская котловина. Данная классификация была разработана в 1967 г. и не учитывает результаты более поздних исследований, поэтому с ней не все согласны. В частности, Ю.П. Алехин (1991, с. 42–44) на основании раскопанных и исследованных памятников считает, что Рудный Алтай является отдельной горнометаллургической областью. Рудный Алтай (геолого-географическая зона), включающий в себя территорию как Восточного Казахстана (часть Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей), так и Алтая (Локтевский, Змеиногорский, Курьинский, Рубцовский, Краснощековский районы Алтайского края), по мнению исследователя, не вписывается в это деление. Рассматривая Рудный Алтай в свете критериев, принятых для выделения горнометаллургических областей, Ю.П. Алехин отмечает:

1. Рудный Алтай, безусловно, является самостоятельной геолого-географической зоной.

2. Рудный Алтай изобилует месторождениями цветных металлов: меди, золота, серебра, олова, свинца и др.

3. Разработка руд в регионе велась уже в энеолите – раннем бронзовом веке. Первые сведения о материальных остатках и разработках древнего («чудского») горнометаллургического производства Рудного Алтая поступили в Москву еще в XVI–XVII вв. Все рудные месторождения здесь были заново открыты русскими рудознатоками по следам древних разработок – чудских копей, неоднократно описанных в XVIII–XIX вв. горными инженерами и исследователями (И. Лейбе, И.Х. Герман, П.С. Паллас, Г.И. Спасский, А.И. Кулибин и др.).

4. Древние выработки и орудия горного дела были исследованы и описаны в Восточном Казахстане (Черников С.С., 1949), Курьинском, Третьяковском и Змеиногорском районах Алтайского края (Алехин Ю.П., 1986, 1987, 1999; Иванова Е.П., Кунгуров А.Л., 2004; Розен М.Ф., 1947, 1952, 1983а–б, 1992; и др.).

Кроме того, по всей территории Рудного Алтая значительно количество находок орудий горного дела из камня и бронзы. Металл из Рудного Алтая поступал и в соседние регионы (Розен М.Ф., 1983; Черных Е.Н., 1969; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989 и т.д.), что соответствует одному из признаков горнометаллургической области. Таким образом, есть все основания считать Рудный Алтай горнометаллургической областью.

В геолого-географической классификации территорий отражается иная точка зрения: Рудный Алтай – это полиметаллическая провинция (Лузгин Б.Н., 1998; Чекалин В.М., 2000). Нужно отметить, что соотношение между терминами «горнометаллургическая область» и «горнометаллургический центр» не велико, и с появлением новых исследований статус исследуемых территорий может меняться. Кроме этого, следует учитывать тот факт, что историческая классификация отражает уровень освоенности производительными силами общества той или иной территории, что далеко не всегда совпадает с ее рудным потенциалом. Древним горнякам и металлургам уровень развития их технологий не позволял использовать весь спектр рудного сырья. Именно поэтому первоначальное развитие региона было связано с добычей и переработкой меди, олова и свинца, позднее золота, серебра и железа.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

КАЛЕНДАРНО-АСТРОНОМИЧЕСКАЯ

ТАБЛИЦА ИЗ ЧИЧИ

**(реконструкция систем счисления времени
эпохи бронзы Западной Сибири)***

1. Изучение образов и знаков искусства Северной Азии под астроархеологическим углом зрения засвидетельствовало непрерывное, от палеолита до средневековья, стремление жречества проникнуть в тайны устройства и уловить ритмику бытия Мирозда-

* Поиск поддержан РФФИ (проект №02-06-80094) и включен в программу фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук.

ния. Настойчивость, с какой решалась эта мировоззренческая задача, объясняется изначальным, видимо, осознанием человеком самого себя неотъемлемой частью Природы.

2. Познание ее осуществлялось не только *«мифологически»*, как принято считать при обращении к эпохам глубокой первобытности, а с использованием куда более мощного инструмента – *протонауки*, порождения не фантазий воображения, а изощренно изворотливого ума тех безымянных интеллектуалов древности, кто по крупницам накапливал естественно-научные знания, подготавливая первую в истории человечества «научную революцию», что воспринимается ныне предтечей цивилизационной «революции», совершенной греками эпохи античности.

3. Подтверждают сказанное *числовые тексты* на предметах искусства, первые образцы которых появились на раннем этапе верхнего палеолита Сибири (сыйская и мальтинская культуры; ≈34–24000 лет назад). Как выяснилось, они заключали в себе сведения о закономерностях смещения в небесном пространстве Луны, Солнца, а также планет. То были первые четко упорядоченные счетчики времени. В ритмах течения его проходила вся жизнь каждого члена архаического сообщества от рождения до смерти. Понятно, что каждое открытие такой информационной весомости источника *в любой из культур* Сибири вызывает самый пристальный интерес.

4. К ряду их относится уникальная пластина из рога лося со знаковой записью (рис. 1). Она была обнаружена в 2002 г. экспедицией В.И. Молодина при раскопках городища Чича (юг Новосибирской области; Барабинская лесостепь; Обь-Иртышское междуречье). Изделие это датируется IX – 1-й третью VIII вв. до н.э. и представляет культуру эпохи поздней бронзы. Она формировалась при тесном взаимодействии аборигенного населения и представителей культур южно-таежного Прииртышья и степей Западного Казахстана.

5. Числовой текст пластины составляют четыре строчки тонких, четких, большей частью длинных насечек. Они размещаются на гладкой, отшлифованной до блеска поверхности, оконтуривая все края ее. Слева и справа насечки ориентированы горизонтально, а сверху и снизу – вертикально. По верхнему краю располагаются 19 линейных знаков, по левому – 29, по нижнему – 20, по правому – 26. Особого вида знаки размещены на боковых гранях. Они представляют собой короткие, глубокие, параллельные друг другу врезки, приуроченные к верхним концам граней. Количество их на

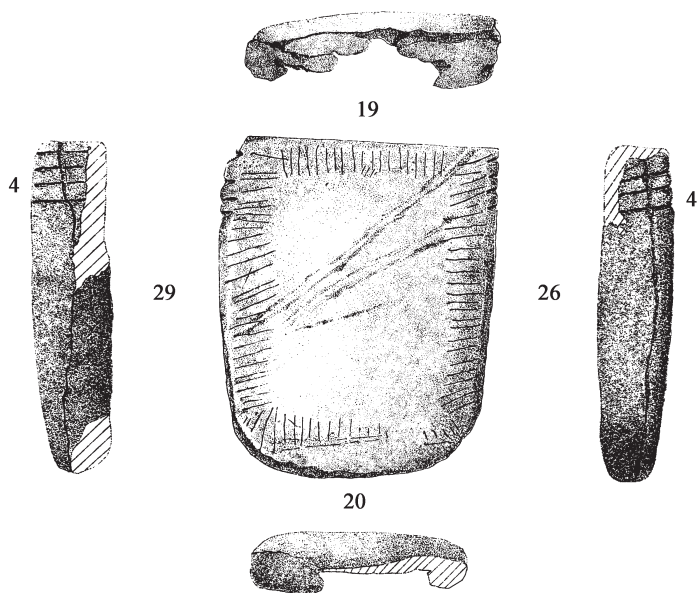

Рис. 1. Пластина из рога со знаковой записью из Чичи

каждой грани одинаково – 4. Такого вида знаковые записи на объектах искусства Сибири и Европы как раз и представляют календарно-астрономические записи.

6. Подтверждая это, проведем тестирование чисел, составленных из насечек при условии, что каждая из них символизирует одни сутки. При таком допуске 29 насечек левого края воспринимаются классической в палеокалендаристике записью синодического (смещение относительно Солнца) оборота Луны (29,5306 сут.), а 26 насечек правого края – записью цикла, близкого продолжительности сидерического (смещение ночного светила относительно звезд) месяца (≈ 27 сут.). Количество насечек нижнего края пластины (20) *кратно как синодическому, так и сидерическому оборотам Луны:*

$$20 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,6772 \approx \frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.};$$

$$20 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,7320 \approx \frac{3}{4} \text{ сид. лун. мес.}$$

Количество насечек верхнего края кратно *синодическому* обороту Луны:

$$19 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,6434 \approx \frac{2}{3} \text{ син. лун. мес.}$$

Всего краевых насечек – $19+29+20+26=94$, что есть высоко календарно-астрономически значимое число, ибо оно точно отражает длительность в сутках *весеннего астрономического сезона, т.е. периода от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния*. Ясно, что такая запись свидетельствует о том, что если на пластине зафиксирована система счисления всего солнечного года, то *новогодие в нем определяло весеннее равноденствие*.

7. Проигрыш разных вариантов порядка прочтения отдельных строчек текста позволил установить самый оптимальный из них при *счислении солнечного года*. Все без исключения строчки следует считать против часовой стрелки трижды, начиная с записи числа 19–

$$[19 \rightarrow 29 \rightarrow 20 \rightarrow 26 \text{ сут.}] \times 3 = 282 \text{ сут.}$$

Этот алгоритм подводил счет времени к весьма знаменательному рубежу – к *финалу почти энциклопедически точного периода беременности женщины* (по медицинским канонам – 281 сут., что есть $9,5155 \approx 9 S \text{ син. лун. мес.}$) –

$$282 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,5494 \text{ син. лун. мес.}$$

Далее алгоритм *менялся* – при *четвертом* проходе не *принимались* в зачет 29 насечек левого края, а *пятый* начинался и сразу же *заканчивался* после счисления 19 насечек. Эти изменения алгоритма и позволяли выйти на рубеж окончания солнечного года:

$$282 \text{ сут.} + (19 + \dots 20 + 26 + 19 \text{ сут.}) = 366 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

8. Алгоритм счисления *лунного года* был иным. Счисление следовало начинать с записи 29 и велось далее против часовой стрелки *четырежды с пропуском при каждом обороте записи числа 20*:

$$(29 + \dots 26 + 19 \text{ сут.}) \times 4 = 296.$$

Этот алгоритм подводил счисление к весьма знаменательному рубежу – окончанию 10 синодических лунных месяцев, максимально длительному циклу беременности женщины и рубежу 10-месячного «*годового*» календаря Средиземноморья VIII в. до н.э., древнейшего, как ошибочно считается, в Европе:

$$296 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 10,0235 \approx 10 \text{ син. лун. мес.}$$

Недостающие два синодических месяца считывались при двукратном счислении насечек числа 29 (начало пятого и шестого проходов), что и выводило на рубеж окончания лунного года:

$$296 \text{ сут.} + 29 \dots + 29 \text{ сут.} \dots = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

9. Записи чисел $4+4=8$ на боковых гранях пластины, отражают, возможно, самую знаменитую в индо-иранской календаристике

формулу примерного равенства длительности в сутках *солнечного восьмилетия* (двух четырехлетий), *99 лунаций* (синодических оборотов Луны) и *5 синодических оборотов* величайшей из планет – *Венеры* (система счисления ее оборота оставлена за рамками доклада):

$$365,242 \text{ сут.} \times 8 = 2921,936 \text{ сут.}$$

$$99 \text{ син. лун. мес.} \times 29,5306 \text{ сут.} = 2923,5294 \text{ сут.}$$

$$583,9 \text{ сут.} \times 5 = 2919,5 \text{ сут.}$$

Недаром владыки древней Персии носили на шее подвески, которые символизировали именно эти светила!

10. Календарно-астрономическая таблица позволяет *неординарно оценить главную функциональную роль и назначение памятника*, в пределах которого она была найдена. Примечательное подразделение Чичи на четыре части и размещение в каждой из них *линейно и по дугам* неких структур позволяет высказать убеждение, что *объект этот представляет собой астросвятылище* типа соответствующих сооружений хараппской протоцивилизации Индии, Кой-Крылган-Кала Средней Азии, Южного Урала, а также окуневских и тагарских астросвятылищ Сундуков Северной Хакасии.

С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ТИПОВ ПОГРЕБЕНИЙ

(по материалам памятников

Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.)

Одним из актуальных на сегодняшний день вопросов в изучении хунно-сяньбийского времени Горного Алтая является проблема интерпретации различий обряда захоронения носителей булан-кобинской культуры в системе определенных классификационных категорий, выделения компонентов, участвовавших в ее генезисе, реконструкции механизмов и форм взаимодействия разных групп населения. Сложившиеся в последние два десятилетия мнения о статусе различий погребальных объектов II в. до н.э. – V в. н.э. представляют два подхода. Согласно первому, на рассматриваемой территории в указанный исторический период существовали кокпашский (Васютин А.С., Елин В.Н., 1987; Елин В.Н., 1987; Елин В.Н., Васютин А.С., 1984) и булан-кобинский (Мамадаков Ю.Т., 1985;

1987; Соенов В.И., 1997)* типы памятников. Другой подход заключается в выделении на основе тех же источников более двух типов погребальных комплексов. Для Д.Г. Савинова (1987, 1994) – это булан-кобинский, берельский, кок-пашский типы, к которым В.Н. Елин (1990, 1992, 1997) добавляет айрыдашский. А.С. Суразаков (2002) говорит о берельском, балыктыюльском, кок-пашском и кудыргинском типах. Некоторые археологи придерживаются позиции о существовании самостоятельных булан-кобинской и кок-пашской культур (Худяков Ю.С. 1993, 1998 и др.).

Проведенное нами изучение общих, особенных и единичных показателей погребальной практики населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. позволяет пересмотреть содержание и правомерность выделения этих, давно используемых без критического отношения, таксономических единиц. С этой целью была проведена корреляция 56 типов погребальных сооружений и не менее 30 типов трупоположения (Матренин С.С., 2005а–б)**. На основе выявленных направлений сочетаемости обозначенных совокупностей признаков удалось получить несколько типологических групп погребений. Каждая группа объединялась связью объектов по множеству их частных свойств, значительно превышавшую подобную связь с другими объектами, но не объединявшая их общностью учитываемых характеристик (Клейн Л.С., 1991, с. 361). Им были даны условные наименования по названию могильников, на которых они оказались представленными в наиболее «чистом» виде или составляли преобладающее количество от общего числа исследованных захоронений. Такие группы могли быть локальными, но чаще всего распространены на всей территории расселения носителей изучаемой культуры. Однако в последнем случае они также обнаруживали тенденцию доминирования в отдельных частях Горного Алтая на определенных хронологических этапах.

* Берельский тип могил впервые был аргументирован А.А. Гавриловой (1965, с. 54–57).

** При корреляции использовались погребения взрослых людей, так как у детей этнокультурные различия до прохождения инициаций проявлялись нечетко. Последнее выражалось, например, в том, что обряд захоронения детей до определенного возраста не предполагал помещение в могилу верхового коня. Нами не анализировались также впускные захоронения, поскольку они не отражали в полном объеме особенности обряда разных по происхождению групп населения.

*Улуг-Чолтухская группа**. Характеризуется одиночной, редко парной, коллективной) ингумацией, кенотафами, в курганах с кольцевой крепидой или стенкой, реже без них, отсутствием сопроводительного захоронения лошади, ориентацией умерших людей головой на восток. Погребения были в простых ямах, иногда с заплечиками, на дне которых находились различные виды камер. В Центральном Алтае это каменные ящики, реже колоды, деревянные, каменно-деревянные ящики, ямы, в исключительных случаях каменные обкладки. В Северном Алтае во II до н.э. – I в. н.э. количественно доминировали каменные ящики и обкладки, реже отмечены ямы, каменно-деревянные ящики, во II–V вв. н.э. в равной степени фиксируются ямы, каменные, деревянные, каменно-деревянные ящики, иногда каменные обкладки. В Восточном Алтае преобладали каменные ящики и обкладки, реже встречаются другие типы камер. Погребения Северо-Западного Алтая совершены в ямах. Улуг-чолтухская группа могил представлена на многих некрополях (Улуг-Чолтух-I, Чендек, Яломан-II, Усть-Эдиган, Сары-Бел, Белый-Бом-II, Айрыдаш-I, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Усть-Балыктыюль, Бош-Туу-I, Боочи, Кок-Паш, Урочище Балчикова-3, Кок-Паш, Айрыдаш-I, Пазырык) и существовала в течение II в. до н.э. – V в. н.э., доминируя в Центральном и Восточном Алтае. В Северном Алтае во II–V вв. н.э. удельный вес памятников «улуг-чолтухцев» не превышал 20%.

Карбанская группа. Это одиночная, реже парная, коллективная ингумация, кенотафы без лошади, с ориентацией покойных головой в западный сектор. Захоронения производились в курганах с кольцевой крепидой, иногда стенкой или без таковых, в простой могиле, редко с заплечиками. «Карбанцы» Северного Алтая во II в. до н.э. – I в. н.э. хоронили в основном в каменных, реже каменно-деревянных ящиках и каменных обкладках. Во II – 1-й половине IV вв. н.э. в Северном Алтае погребения были преимущественно в ямах, деревянных, каменно-деревянных ящиках, реже каменных ящиках, в Центральном Алтае – в каменных, редко – в деревянных ящиках и ямах, в Южном Алтае – в каменных ящиках. Во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э. в Центральном Алтае захоронения устраивались одинаково часто в каменных ящиках и ямах, иногда каменно-деревянных ящиках, в Восточном Алтае – в каменных ящи-

* Учитывая, что за этими классификационными единицами скрывались определенные коллективы людей, считаем допустимым использовать в тексте такие обозначения, как «улуг-чолтухцы», «карбанцы», «яломанцы», «курайцы» и т.д.

ках. Обозначенная группа погребений отмечена для объектов из могильников Карбан-I, Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Чендек, Бике-I, Бош-Туу-I, Дялян, Верх-Еланда-II, Бош-Туу-I, Усть-Бийке-III, Яломан-II, Пазырык, Кок-Паш, Кальджин-6, 8, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II и существовала в течение II в. до н.э. – V в. н.э. В численном отношении «карбанцы» преобладали в Северном Алтае, где они известны уже во II в. до н.э. – I в. н.э., но доминируют во II–V вв. н.э. В Центральном Алтае данные захоронения составляют около 15% и датируются преимущественно II–V вв. н.э., а во II в. до н.э. – I в. н.э. ей соответствует одно погребение. Данная группа характеризует 1/3 курганов II–IV вв. н.э. Южного Алтая. Известна одна такая могила 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э. из Восточного Алтая.

Яломанская группа. Ее определяющие черты – одиночная, иногда парная ингумация, кенотафы с захоронением лошади «сверху» или в «ногах» умершего человека, ориентированного головой в восточный сектор. Погребения совершались в курганах с кольцевой выкладкой-крепидой (II в. до н.э. – V в. н.э.) или стенкой (II – V вв. н.э.) с простой могильной ямой, иногда с заплечиками в основном в каменном ящике, реже колоде (всегда в сочетании с ящиком). Во II в. до н.э. – I в. н.э. отмечены редкие случаи сооружения каменно-деревянных ящиков, а во II – 1-й половине IV вв. н.э. – деревянных ящиков и ям. Данный тип могил существовал на протяжении всего хунно-сяньбийского времени, однако, характерен только для кочевников Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Чендек, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I).

Дялянская группа. Одиночная ингумация, с ориентацией человека головой на запад, в сопровождении коня, уложенного «сверху» или в «ногах» человека (в курганах с кольцевой выкладкой-крепидой, иногда стенкой – 2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.) в простых могилах. Погребальная камера оформлена в виде каменного (Центральный Алтай – II – 1-я половина IV вв. н.э.; Северный Алтай преимущественно – 2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.), редко деревянного (Центральный Алтай – II – 1-я половина IV вв. н.э.), комбинированного ящика (Северный Алтай – II в. до н.э. – I в. н.э.), колоды (Северный Алтай – 2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.), ямы (II в. до н.э. – I в. н.э. – Северный Алтай; 2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э. – Центральный и Северный Алтай). Дялянская группа выделена на основе захоронений некрополей Дялян, Чендек, Усть-Эдиган, Бош-Туу-I и оставившее ее население существовало во II в. до н.э. – I в. н.э. в Северном, во II – 1-й половине IV вв. н.э.

в Центральном Алтае, а во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э. в обоих районах.

Берельская группа. Показатели этой группы – одиночная ингумация с лошадей, расположенной сбоку от человека, ориентированного головой в восточном направлении, в курганах с кольцевой крепидой или без нее, в погребальной камере в виде деревянного ящика, ямы с приступкой вдоль длинной (обычно северной) стенки. Она отмечена у кочевников, проживавших во II в. до н.э. – I в. н.э. в Северном Алтае (Усть-Эдиган), а во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э. в Южном (Берель) и Центральном Алтае (Катанда-I).

Айрыдашская группа. Совершение одиночной ингумации с конем, помещавшимся сбоку от человека, ориентированного головой на запад. Курганы имели кольцевую крепиду (реже без таковой), простую могилу, яму с приступкой вдоль длинной стенки. Во II в. до н.э. – I в. н.э. «айрыдашцы» сооружали камеры в виде каменных обкладок, реже ям и каменных ящиков, а во II–V вв. н.э. – в виде ям, деревянных ящиков. Такие захоронения свойственны небольшим группам населения Северного Алтая (Айрыдаш-I, Усть-Эдиган) во II в. до н.э. – IV в. н.э., а также Центрального Алтая (Катанда-I, Чендек, Верх-Уймон) во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э.*

Верх-Уймонская группа. Одиночное погребение человека головой на запад в сопровождении коня, размещавшегося сбоку от человека, на приступке во входной части могилы с подбоем или в его нише, в кургане с кольцевой выкладкой-крепидой с каменным ящиком, реже каменной обкладкой. Рассматриваемая группа оставлена коллективом кочевников 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э., хоронившем на могильнике Верх-Уймон (Центральный Алтай).

Курайская группа. Это одиночные, иногда парные захоронения без лошади с ориентацией людей головой на запад. Ее особенность – сочетание надмогильной крепиды или стенки прямоугольной формы с камерой в виде колоды, деревянного ящика, реже каменной обкладки, в исключительных случаях каменного ящика. Погребения «курайцев» выявлены сейчас в Южном (Кальджин-6), Юго-Восточном Алтае (Курайка) и датируются предварительно не ранее конца I – начала II вв. н.э.

Кок-Паишская группа. Одиночное трупоположение головой на восток без лошади в курганах с прямоугольной выкладкой-кре-

* В данную совокупность памятников должны быть включены некоторые курганы IV–V вв. н.э. могильника Улита, содержавшие захоронения в неполных каменных ящиках (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 16–17).

пидой или стенкой в основном в каменных обкладках, деревянных ящиках, крайне редко в каменных ящиках и колодах*. «Кок-пашцы» могли появиться, очевидно, уже во II – середине IV вв. н.э. в Южном (Кальджин-6, Аккол-1(?)) и Восточном Алтае (Пазырык, Кок-Паш). В Восточном Алтае они доминируют во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э.

Выделенные типологические группы погребений свидетельствуют об отсутствии в Горном Алтае в хунно-сяньбийское время господствующей традиции реализации погребального ритуала и одной линии его эволюции. На большинстве памятников раскопаны могилы разных групп, принадлежащие кочевникам, хронологически сменявших друг друга или проживавших в одно время, а их неодинаковое территориальное распределение отражает преобладание в отдельных районах рассматриваемой территории различных исходных этнокультурных компонентов. Вопрос о происхождении обозначенных таксонов должен стать специальным предметом будущих исследований.

А.П. Погожева, Л.С. Марсадолов

Институт археологии РАН, Москва;

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

КУРГАН №2 МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЫЙ АНУЙ НА АЛТАЕ**

Изучение памятников раннескифского времени VIII–VII вв. до н.э. на территории Алтая – одна из тем в многогранном научном творчестве Юрия Федоровича Кирюшина.

В горных районах Алтая за последние 300 лет изучено около 800 курганов пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э. и всего около 200 курганов и погребений VIII–VII вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1996, 2000; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Многие из исследованных курганов VIII–VII вв. до н.э. уникальны своей над- и внутримогильной конструкцией, обрядом погребения, найденными в них предметами. Поэтому введение в научный оборот любых материалов по раннескифскому времени представляется необходимым и полезным.

* Нетипичную ориентацию умерших людей из могильника Кок-Паш головой на юг, на наш взгляд, следует считать результатом отклонения от традиции направления покойных в восточный сектор, что обусловлено своеобразием топографии данного археологического комплекса.

** Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-01-00468а).

Могильник Черный Ануй-I расположен в 1,4 км к юго-востоку от с. Черный Ануй, на второй террасе правого берега Ануя, в 70 м к востоку от реки, рядом с трактом, ведущим в этот поселок (Республика Алтай, Усть-Канский район). Памятник находится на восточном склоне горы, в межгорной долине, окаймленной с восточной и западной сторон отрогами хребтов. Вся площадь могильника заросла густой луговой травой, поэтому в летнее время установить точное число курганов и их расположение не представляется возможным. Пока на этом могильнике зафиксировано два кургана (рис. 1.-1).

В 1979 г. А.П. Окладников во время разведки заметил в осыпи края дороги кости лошади, а затем отряд В.И. Молодина рассчитал захоронение двух коней в кургане №1.

Курган №1. Поврежден при прокладке дороги в с. Черный Ануй. Под слоем плит находилась частично разрушенная могильная яма размерами 2,1×1,7 м, глубиной около 0,3 м от уровня древней дневной поверхности. В яме лежали два костяка коней, уложенные на левый бок, с подогнутыми ногами, головами на север. У «западного» коня в зубах найдены бронзовые стремечковидные удила с двумя трехдырчатыми псалиями. Рядом с другим конем предметов не обнаружено. Этот курган первоначально был датирован VII–VI вв. до н.э. (Молодин В.И., Петрин В.П., 1985, с. 67–70). Вероятно, один конь был захоронен ввзнузданным, а другой – без узда.

В 1982 г. рядом с этим объектом отряд А.П. Погожевой при участии Л.С. Марсадолова раскопал еще один курган №2.

Курган №2. Находился в 27 м к северу от кургана №1. До раскопок в густой траве были видны всего два камня, слегка выступающие над поверхностью. Для выяснения надмогильной конструкции заложен квадратный раскоп 10×10 м (рис. 1.-2). После снятия дернового слоя и зачистки камней по всей площади раскопа выявлена следующая наземная конструкция кургана. Насыпь кургана состояла из небольших плиток и камней, уложенных в два-три ряда. Диаметр насыпи до 8,5 м, высота 0,3 м. На уровне древней дневной поверхности вокруг центральной могильной ямы выложено кольцо из крупных плит и валунов. Диаметр каменного кольца 5,5–6 м. В кольце имеется несколько разрывов, в основном в южной части кургана. Возможно, было не только одно большое кольцо, но и меньшее – внутреннее, диаметром 3,5–4 м, сложенное из камней, по размерам меньших, чем камни внешнего кольца, но больших, чем остальные камни насыпи. Верхние контуры могильной ямы

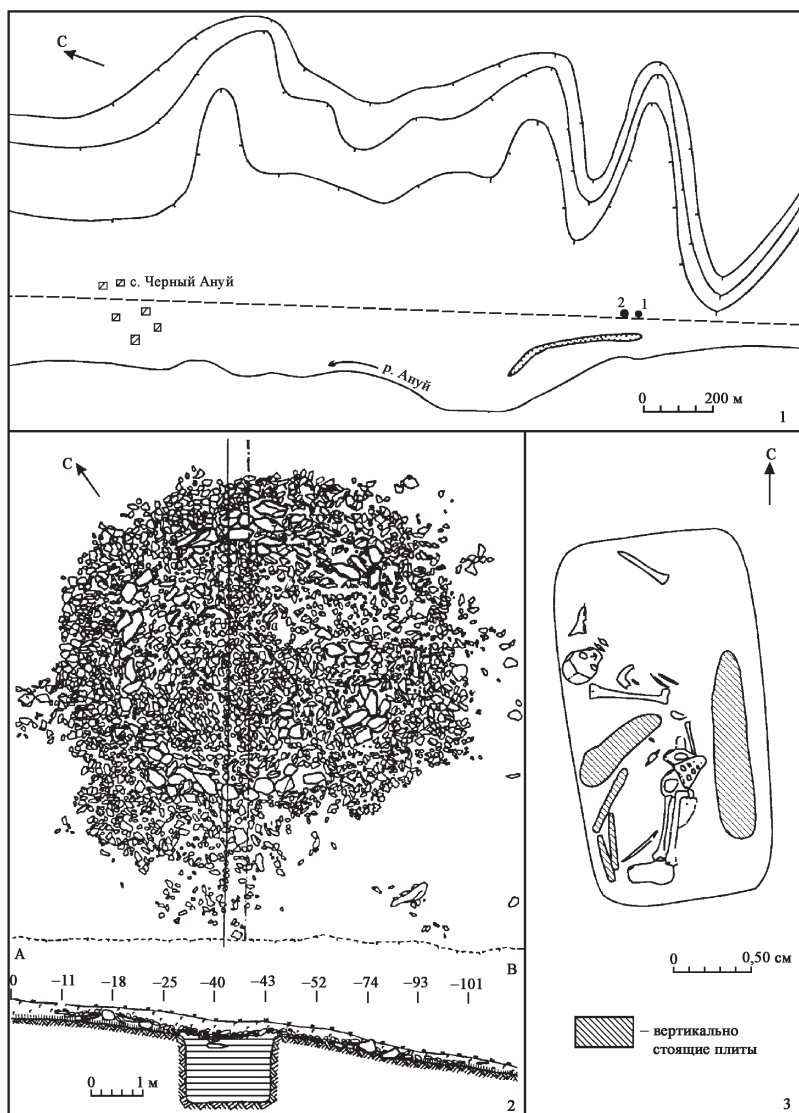

Рис. 1. Моги́льник Черный Ану́й: 1 – глазомерный план; 2 – план и разрез кургана №2; 3 – план погребения в кургане №2

прослеживались нечетко, в основном по камням, провалившимся в могилу. Заполнение представляло собой перемешанный грунт с камнями, лежащими преимущественно в беспорядке. Только в отдельных местах прослежено несколько рядов горизонтально лежащих плиток. Небольшие плитки были вертикально установлены и вдоль стенок ямы, образуя как бы «облицовку» стенок в процессе засыпки ямы. Стенки могильной ямы прямые и отвесные. Форма могилы в плане подпрямоугольная, размеры в придонной части: Ю-С – 2,4 м, З-В – 1,3 м. Глубина дна могилы от древней дневной поверхности – 1,35 м.

На дне ямы – остатки разрушенного каменного ящика из валунообразных плит, разных по размеру и форме. Погребение человека не только разрушено грабителями, но и сильно потревожено грызунами. Многие человеческие кости отсутствовали в погребении. Ориентацию и позу человека, видимо, все-таки можно установить по некоторым не потревоженным костям таза и ног (рис. 1.-3). Возможно, в древности человек был уложен в могилу в скорченном положении, головой на северо-запад или северо-северо-запад. Ни одного предмета рядом с человеком не найдено.

В курганах Западного Алтая (Майэмир, курган №1 и Черновое-1, курган №2), как и в кургане №2 из Черного Ануя, стенки могильных ям в процессе засыпки обкладывались небольшими плитами и плоскими речными гальками. Дно могил в этих курганах выстилало каменными плитками (Адрианов А.В., 1916). В могильнике Солонечный Белок (курган №2) обнаружено захоронение взызданного коня в отдельном кургане и яме (Адрианов А.В., 1916). Безыинвентарные скорченные погребения человека, ориентированного головой на северо-запад, также в основном характерны для памятников VIII–VII вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1981, 1996).

Псалии из кургана №1 в Черном Ануе по морфологическим признакам занимают промежуточное положение между псалиями аржано-черногоровского пласта и усть-куюмскими, а также келермескими. В этот карбано-жаботинский пласт, 2-й половины VIII – 1-й четверти VII вв. до н.э., могут быть включены псалии, обнаруженные на Алтае (Черный Ануй, курган №1; Карбан-1, курган №5); в Приаралье (Сакар-чага-6, курган №23; Тагискен, курган №40); в Фергане (Дальверзин, обломок литейной формы); в Иране (некрополь Сиалк В, могила 15); в Поволжье (Акозинский могильник, погребение 98; Красная Деревня, курган №7, погребение 5); на Украине (Жаботин, курган №524; Емчиха, курган №375; из быв-

шего Каневского уезда); на Кавказе (Хаджох-1/1, хут. Алексеевский; Каменноостровский могильник; из Кисловодска); в Венгрии (Динньеш) и др. У всех этих псалиев один конец короткий, а другой – длинный, изогнутый. На коротком прямом конце у таких изделий часто делали так называемую шишечку или иногда сильно схематизированную грибовидную шляпку, а на конце другой стороны было утолщение-шар или «грибовидная шляпка» больших размеров (Марсадолов Л.С., 1998, 2004).

По удилам и псалиям из кургана №1, по конструкции надмогильного сооружения и погребальному обряду курганы №1 и 2 из Черного Ануя ныне могут быть датированы 2-й половиной VIII – началом VII вв. до н.э.

А.В. Поляков

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ГРЕБНИ ИЗ КОМПЛЕКСОВ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Погребения карасукской культуры обычно не содержат богатого сопроводительного инвентаря, многие из них ограблены, и в результате в руки исследователей попадают единичные экземпляры уникальных в своем роде предметов. Однако продолжительные раскопки приводят к постепенному накоплению подобных уникамов, и сейчас, когда число изученных захоронений перешагнуло через знаковую черту в 3000 могил, можно попытаться обобщить данные по некоторым из категорий подобных вещей.

К большому и емкому по своему смыслу понятию гребней на сегодняшний день авторы раскопок относят 18 изделий, происходящих из погребений, и две находки из материалов поселения Торгажак, относящихся к карасукской культуре (рис. 1 и 2). Они могут быть разделены на две принципиально разнящиеся по своим свойствам группы. Критерий отличия – назначение. Изделия первой группы относятся к разряду украшений (рис. 1). Предметы, объединенные во вторую группу, заметно отличаются по своим внешним признакам и техническим характеристикам, что позволяет считать их скорее орудиями труда, которые на основе этнографических параллелей могут быть названы чесалами (рис. 2). Учитывая принципиальную разницу в назначении и, как следствие, в использовании, рассматривать их необходимо по отдельности.

Рис. 1. Гребни из карасукских погребений
 (1 – Байкалова-II, м. 1; 2– Кюргенер-I, к. 15; 3 – Мохов-I, об. 6;
 4 – Черновая-VII, к. 2, м. 1; 5 – Варча-I, к. 8, м. 2; 6 – Малые
 Копены-III, к. 40, м. 1; 7 – Белый Яр-V, о. 68; 8 – Кюргенер-I, к. 6;
 9 – Новый Белоаярск, к. 24; 10 – Сухое Озеро-II, к. 60; 11 – Малые
 Копены-III, к. 14, м. 3; 12 – Медведка, к. 17; 13 – Июсский,
 к. 7, м. 2). 2, 7, 13 – рог, остальное – кость

Гребни. Все перечисленные в ниже приведенной таблице гребни найдены в погребениях. Нет ни одного случая их обнаружения (даже обломков) в материалах раскопок поселений карасукской

культуры, что является одним из доводов их отнесения к разряду украшений.

Изготавливались они из относительно тонкой костяной (или роговой пластины), имеющей небольшой естественный изгиб. Гребни зачастую бывают довольно сложной формы, орнаментированы различными отверстиями или резными изображениями.

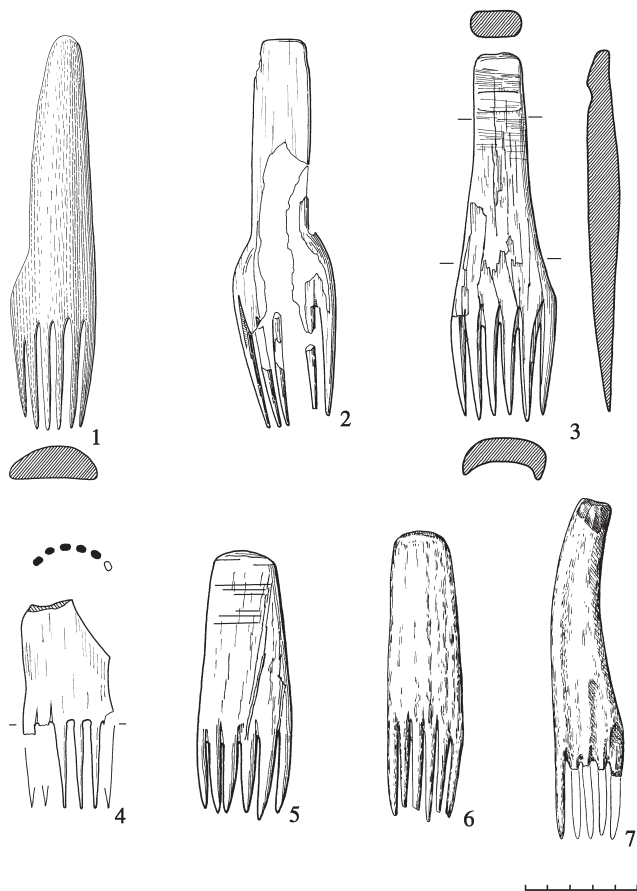

Рис. 2. Чесала из карасукских комплексов
 (1 – Сухое Озеро-II, к. 363; 2 – Мара, к. 2, м. 3;
 3 – Барсучиха-I, о. 2, м. 17; 4 – Новый Белоярск, о. 11;
 5 – Карасук-IV, о. 10, м. 2; 6–7 – поселение Торгажак).
 1, 2, 4 – кость; 3, 5, 6, 7 – рог

По своим формообразующим признакам все представленные гребни составляют единую группу без заметных отклонений. Они имеют схожие пропорции со щитком прямоугольной формы и зубцами примерно в 1,5 раза длиннее последнего. Кроме того, фиксируются менее значимые элементы, объединяющие значительную часть представленных в таблице гребней.

Во-первых, боковые грани всех гребней исполнены в виде волнистой линии. Чаще всего это просто небольшое симметричное сужение, вероятно, имеющее вполне практическое назначение – для удобства удержания гребня в руке (рис. 1.-1–6, 10, 13). Однако в некоторых случаях подобных изгибов может быть два (рис. 1.-7, 9, 11) или три (рис. 1.-12). А на боковых гранях гребня из могильника Кюргенер-I (к. 6) наблюдаются скорее насечки числом не менее четырех (рис. 1.-8). Аналогичные волнистые боковые грани встречаются на некоторых бронзовых изделиях карасукской культуры (например, лапчатых привесках или ярусных бляшках).

Во-вторых, девять из представленных 13 гребней имеют на верхней грани щитка характерные выступы разной степени выразительности, но единого иконографического облика (рис. 1.-5–13). Их может быть два или три. Последний вариант более распространен.

Интересно отметить, что наряду с симметричными (круглыми) по своей форме элементами выступов (рис. 1.-7–9) встречаются и варианты, имеющие «носики», обращенные наружу (рис. 1.-12, 13) или во внутрь (рис. 1.-5, 10, 11). Этот признак позволяет осторожно предположить, что выступы в некоторых случаях могут имитировать головы животных, изредка встречающихся на навершиях карасукских ножей или других изделий (например, Липский А.Н., 1949, рис. 28.-3).

Из технологических особенностей следует обратить внимание на существование двух вариантов способа изготовления зубцов. В отдельных случаях они просто пропилены, а в некоторых в их основании дополнительно просверлены небольшие отверстия (рис. 1.-11–13). Когда производилось сверление: до пропилов или после, установить не представляется возможным. Задача подобных отверстий может быть различной (или даже комплексной). Возможно их цель технологическая – предотвращение дальнейшего расщепления по пропилу, а может быть, они необходимы для более надежного удержания гребня в прическе при постоянном ношении.

Орнаментальные композиции ограничиваются весьма небольшим числом мотивов, очень характерных для огромных пространств

Таблица 1

Гребни обнаруженные в погребениях карасукской культуры.

Погребение	Возраст	Пол		Местоположение в могиле
1. Малые Копены-III, к. 40, м. 1	взрослый	–	Ж	в заполнении
2. Малые Копены-III, к. 124, м. 3	ребенок	–	Ж	в заполнении
3. Байкалова-II, к. 1	25–30 лет	Ж	–	в заполнении
4. Кюргенер-I, к. 6	взрослый	–	–	в заполнении
5. Кюргенер-I, к. 15	30–35 лет	Ж	Ж	под черепом
6. Сухое Озеро-II, к. 60	взрослый	–	–	под черепом
7. Черновая-VII, к. 2, м. 1	25–40 лет	Ж	–	под черепом
8. Варча-I, к. 8, м. 2	25–30 лет	Ж	–	на грудных позвонках
9. Мохов-I, о. 6	взрослый	–	–	в заполнении
10. Новый Белоярск, о. 24	взрослый	Ж	–	в заполнении
11. Июсский, к. 7	35–45 лет	Ж	Ж	на груди с зеркалом
12. Белый Яр-V, о. 68	ребенок	–	Ж	в заполнении
13. Медведка, к. 17	–	–	–	случайные раскопки

Евразии – отверстия, «глазки», зигзаги. Технология их изготовления делится на отверстия, выборки и прочерченные линии.

Отверстия имеют круглую (рис. 1.-2–4, 12, 13) или вытянутую форму (рис. 1.-6, 7, 9, 10, 12). Первые более свойственны простым гребням и не составляют сложных композиций. Продолговатые прорезы чаще встречаются группами четным числом (два или четыре) и при этом имеют овальную форму (прямоугольная – только в одном случае, рис. 1.-1). Чаще они расположены горизонтально, образуя вместе с боковыми волнами и выступами единую композицию (рис. 1.-7, 9, 12). Только в одном случае они располагаются под углом, формируя горизонтальный зигзаг (рис. 1.-10).

Выборки встречаются несколько реже и, вероятно, имитируют отверстия. Фиксируются только два мотива: «глазки» (рис. 1.-11–13) и выборки овальной формы (рис. 1.-11). В комплексе они формируют композиции аналогичные тем, что составляют отверстия (рис. 1.-11).

Резной орнамент встречен в единичном случае на гребне из могильника Июсский (рис. 1.-13). Он представлен богатой композицией из нескольких рядов, заполненных сеткой и горизонтальным зигзагом, сформированным треугольными фестонами с аналогичным заполнением. Этот мотив встречается на сосудах карасукской культуры (Зяблин Л.П., 1977, рис. 6.-15–17, рис. 7.-21; Грязнов М.П., 1979, рис. 19.-1 и др). Отдельные его элементы могут быть прослежены на гальках из поселения Торгажак (Савинов Д.Г., 1996, табл. XX–XXXIX).

Из приведенной таблицы видно, что гребни встречаются только в могилах женщин (в первой графе раздела «Пол» приведены антропологические определения, во второй – косвенные археологические). Это хорошо сочетается с другими исследованиями, показывающими, что и другие предметы, относящиеся к категории украшений (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала и т.д.), встречаются исключительно в женских могилах, формируя определенный набор.

Возрастные критерии малоинформативны из-за небольшого числа определений. Можно только отметить, что гребни встречаются как в погребениях женщин среднего возраста, так и в детских могилах. Пока не зафиксировано ни одного случая, когда бы гребень был обнаружен в погребениях женщин старческого возраста.

Местоположение гребней в могилах вполне соответствует их роли. В трех случаях они обнаружены под черепом. Вероятно, это свидетельствует о том, что в данном случае они служили украшением прически и входили в состав женского погребального костюма.

Еще в двух случаях они обнаружены «на груди». В частности, в кургане №7 могильника Июсский гребень находился *in situ* на груди погребенной под зеркалом. Сохранившиеся фрагменты ткани поверх зеркала позволяют предположить, что и зеркало, и гребень находились в мешочке, вероятно, подвешенном на кожаном шнурке. Этот случай особенно выделяется из общего ряда еще по двум критериям. Во-первых, как уже отмечалось, сам гребень отличается от остальных уникальным резным орнаментом. Во-вторых, из 13 рассматриваемых образцов только этот обнаружен в погребении, относящемся скорее к каменоложскому этапу карасукской культуры. Остальные 12 гребней найдены в могилах, которые датируются более ранним «классическим» этапом.

Во втором случае (Варча-I, к. 8) гребень найден на грудных позвонках в сопровождении довольно богатого инвентаря (бронзо-

вый нож, бляшка, пронизки на ожерелье, височное кольцо, каменные бусы), однако потревоженность погребения не позволяет уверенно утверждать, что гребень сохранил свое первоначальное положение.

В рамках «классического» этапа погребения с гребнями распределены не равномерно. В наиболее ранних погребениях (I этап «классической» части культуры), несущих яркие черты андроновской общности (круглые ограды, цисты, богато орнаментированная керамика и т.д.), они не встречаются. Все 12 известных на сегодняшний день гребней сконцентрированы в могилах, относимых к более позднему времени (II этап «классической» части культуры), заметно более близкому по своим признакам к каменоложскому хронологическому горизонту (Поляков А.В., 2002).

Но даже при всей непродолжительности их существования, на основании анализа обряда, погребальных конструкций и других сопроводительных материалов можно попытаться выстроить относительную хронологическую шкалу. При этом более ранними оказываются простые гребни с двумя выступами или без них, орнаментированные только отверстиями (рис. 1. - 1-5).

Более поздние – гребни с тремя выступами и волнистым краем щитка, богато орнаментированные продолговатыми отверстиями и «глазками» (рис. 1. - 7-12). У самого относительно позднего гребня из могильника Юсский выступы уже сглажены и орнамент нанесен резными линиями (рис. 1. - 13).

Если рассматривать всю хронологическую колонку культур, занимающих Минусинские котловины, то можно отметить, что в более ранних памятниках (афанасьевская, окуневская, андроновская культуры) изделия подобного типа и назначения известны по уникальным единичным случаям. Зато они получают широкое распространение позднее в погребениях скифского хронологического горизонта (баиновский и подгорновский этапы тагарской культуры).

Отдельные раннетагарские образцы чрезвычайно похожи на гребни карасукского времени (Усть-Чуль, к. 1, м. 8; Сектах, к. 2, м. 2; Кичик-Кюзюр, к. 2, м. 3 и др.). Их сближает волнистый край щитка и наличие трех вершинок на нем. При этом на современном этапе исследованности вопроса проводить прямую линию связи между карасукскими и раннетагарскими гребнями нужно чрезвычайно осторожно, особенно учитывая единичность изделия, относящегося к каменоложскому этапу. Наиболее реальной выглядит возможность опосредованного влияния.

Чесала. Эти изделия, также изготовленные из кости или рога, имеют целый набор признаков, хорошо и четко их дифференцирующий от собственно гребней.

Таблица 2

Чесала, обнаруженные в погребениях карасукской культуры

Погребение	Возраст	Пол		Местоположение в могиле
1. Барсучиха-I, о.2, м.17	Взрослый	-	-	В заполнении
2. Сухое Озеро-II, к.363	Взрослый	-	-	В заполнении
3. Мара, к.2, м.2	старше 30	Ж	Ж	В заполнении
4. Новый Белоярск, о.11	взрослый	Ж	-	В заполнении
5. Карасук-IV, о.10, м.2	25-40 лет	М	-	Справа от черепа

Все они имеют вытянутую форму с явно выраженной ручкой, по своим размерам как раз подходящей для надежного удержания в руке. На разрезах хорошо видно, что это массивные изделия с короткими и толстыми зубцами. Количество зубцов – 5 или 6. Ручка имеет в разрезе овальную форму. Они полностью лишены каких-либо украшений или орнаментов. Пропилы между зубцами сделаны неаккуратно и сильно варьируются по своей глубине. В свою очередь зубцы имеют различную длину. На ручках некоторых из них (рис. 2.-3, 5) имеются глубокие поперечные царапины и пазы, являющиеся результатом грубого физического воздействия. Все эти отличия указывают на то, что данные изделия использовались в хозяйственных целях, как орудия труда. Существуют единственное предположение относительно их назначения, выдвинутое М.П. Грязновым. Он считает, что эти изделия использовались для операций расчесывания либо растительного сырья (после операции трепания), либо шерсти (Грязнов М.П., Максименков Г.А., Пяткин Б.Н., 1968).

Из семи изделий этого типа пять обнаружены в погребениях и два – в материалах поселения Торгажак, что еще раз подчеркивает их хозяйственное назначение. Украшения редко находят при раскопках поселений.

Трижды удалось определить пол погребенного: два раза это были женщины (Мара и Новый Белоярск) и один раз мужчина (Карасук-IV). Тот факт, что чесала встречаются в могилах как женщин, так и мужчин, отражает их хозяйственное назначение в роли орудий труда. Причем в мужской могиле (Карасук-IV, о. 10, м. 2) зафиксирован единственный случай обнаружения трепала *in situ*. Оно рас-

положено справа от черепа, несколько в стороне, на дне могилы. Ориентировано оно вдоль осевой линии погребения (ЮЗ–СВ) зубцами на северо-восток. Погребенный в этой могиле мужчина положен на спину головой на северо-восток. В отличие от погребений с гребнями в данном случае трепало находилось заметно в стороне и было направлено зубцами «вверх», относительно тела человека. Такое его положение в могиле свидетельствует о том, что оно намеренно положено, возможно, как инструмент, свидетельствующий о профессии погребенного. Уникальность именно этого случая заключается еще и в том, что на основании конструкций и остального комплекса сопроводительного инвентаря данное погребение относится к позднему каменоложскому этапу карасукской культуры (остальные – к более раннему «классическому»). Пока на основании единственной подобной находки преждевременно делать какие-либо глубокие выводы, но в качестве предположения можно выдвинуть гипотезу о переходе некоторых традиционно домашних промыслов в разряд ремесленных.

Остальные шесть чесал могут быть уверенно датированы поздней частью «классического» этапа карасукской культуры, как и почти все гребни.

Необходимо отметить два наблюдения, связанные с их конструктивными особенностями. Во-первых, все они имеют либо коническую форму (рис. 2.-5, 6), либо заметный переход от ручки к зоне зубцов (рис. 2.-1–4, 7). Это свидетельствует о значительной нагрузке, прикладываемой вдоль осевой линии. Подобный переход, видимо, играет роль аналогичную гарде у кинжала, т.е. не дает руке соскользнуть в процессе работы. Во-вторых, на двух из них наблюдаются отчетливые поперечные царапины в верхней части ручки и довольно заметный паз явно технического назначения (рис. 2.-3, 5). Можно предположить, что трепало могло с какой-то целью наращиваться более длинной деревянной ручкой, следы от крепления к которой в данном случае и наблюдаются.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить некоторые основополагающие позиции:

1. Весь спектр подобного рода изделий необходимо четко разделять на две категории: гребни и чесала – по их назначению.
2. Гребни относятся к разряду женских украшений и встречаются в могилах либо в прическе, либо в мешочке на груди погребенной.
3. По отдельным элементам (волнистый край, набор орнаментов и отверстий) гребни соответствуют целому набору женских ук-

рашений, в который также входят лапчатые привески, ярусные бляшки, биконические перстни и т.д. Этот набор появляется в рамках «классической» части культуры несколько позднее и является одним из признаков, характеризующим его II этап.

4. Наблюдаются отдельные опосредованные связи с группой гребней раннетагарского времени.

5. Чесала, в отличие от гребней, относятся к категории орудий труда и, вероятно, использовались для расчесывания растительного материала или шерсти.

А.И. Поселянин

Хакасский государственный университет, Абакан

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТАШТЫКСКИХ ПОМИНАЛЬНИКОВ С ОСТАТКАМИ ТРУПОСОЖЖЕНИЙ

В 1936 и 1938 гг. Саяно-Алтайская экспедиция под руководством С.В. Киселева начала исследование позднеаташтыкских ямок с тризнами на могильнике Уйбат-II, расположенном в 1,5 км от Уйбатского чаатаса. Там же раскапывался склеп, детские могилы и курганы чаатас. Раскопки остались неопубликованными, но Э.Б. Вадецкая определила по записям в дневниках и фотографиям 17 ямок, четыре из которых раскапывал М.М. Герасимов, а 13 – С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова. Каменные выкладки над могилами (от 2×2 м до 6,2×6 м) и ямы (площадью от 1 м² до 3,5–6,5 м² и одна 19 м²) очень разные по размерам. Стенки ямок иногда укреплены срубами в 1–4 венца или рамой из горбылей. На дне жертвенная пища в виде нескольких частей туш овец, коров, лошадей. Рядом стояло по 2–4, 7 типичных для аташтыкских склепов сосудов, преимущественно баночной, реже бочонковидной и горшковидной форм, иногда деревянные блюда. В одной могиле была небольшая (диаметром 10 см) кучка кальцинированных косточек. Еще в двух других под костями животных найдены единичные косточки. В остальных ямах следов трупосожжения не обнаружено (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 256–257). Однако подквадратная форма ям, обилие положенного мяса, наличие иногда берестяной подстилки дна указывают на формальное сходство этих тризн с наиболее ранними могилами следующей культуры чаатас VII в. н.э. Это послужило С.В. Киселеву основанием для выделения данных объектов в осо-

бую группу могил переходного к чаатасам типа, позволяющих «проследить зарождение новых особенностей, которые станут характерными в следующую эпоху кыргызской (хакасской) культуры» (Киселев С.В., 1949. с. 262–264).

В 1951 г. Л.Р. Кызласов на левом берегу Абакана на Изыхском чаатасе раскопал два склепа, три могилы и 15 ямок под каменными выкладками, расположенными в 2–3 ряда. Наземные и внутриямные конструкции, посуда (банки, простые горшки, горшки со сливом и подвесные, кубок), жертвенная пища в основном совпадают с аналогами из Уйбата-II. Отличия заключались в том, что в половине ямок были остатки сожжения человека, а сами ямы небольшого размера, от 0,5 до 1,7 м² (только одна – до 2,4 м²), и в них меньше посуды. Преобладают ямы (8) с двумя горшками. При этом на противоположных краях раскопа находились объекты с одинаковым количеством горшков: с запада и востока по три сосуда, (№3, 10), с севера и юга по одному сосуду (№2, 7). В западной части поминальника в жертвенном наборе устанавливались обычно по два баночных сосуда, орнаментированные поясками треугольного, скобчатого и овального штампов. В восточной части наборы дополнялись горшками с пологими плечиками либо сферической формы с профилированными плечиками и прямой шейкой; со сливом; либо с боковыми налечами – ручками; кубком. Наряду с названными орнаментами, дополнительно украшены фестонами, зигзагами, вертикальными полосками и налипным шнуром. Л.Р. Кызласов (1960, с. 151–156), в целом развивая взгляды С.В. Киселева, также считал, что эти памятники являются могилами, завершают переход от таштыкской эпохи к культуре чаатас и выделил их в особый камешковский этап.

В 1968–1970 гг. Красноярской экспедицией под руководством М.П. Грязнова в устье р. Туба под горой Тепсей было раскопано около 90 ямок с тризнами, расположенных недалеко от склепов. От предыдущих они отличались небольшими размерами, скромными приношениями (часто лишь из одного куска мяса или сосуда), отсутствием на поверхности каменных выкладок, вместо которых ямку, как правило, обозначала вкопанная рядом с ней стела. М.П. Грязнов ямки с приношениями назвал «поминами», а место кладбища, где они расположены, «поминальниками» (Грязнов М.П., 1979, с. 141–144; Вадецкая Э.Б, 1999, с. 116–118). Находки бесспорных тризн позволили Э.Б. Вадецкой (1986, с. 145–146; 1999, с. 117–118) отнести ямки под выкладками на Уйбате и Изыхском

чаатасе к одному из типов поминальников, оставив без ответа причину встречающихся в них сожженных косточек. Между тем две ямки (№7 и 8) без инвентаря с кальцинированными косточками были обнаружены на территории поминальника под горой Тепсей.

Помины с тризнами под горой Суханиха находились поблизости от предыдущего памятника на песчаных дюнах и также подверглись сильному разрушению (раскопки Н.В. Леонтьева в 1979–1981 гг.). Несколько неопределимых кальцинированных косточек встречались на дне шести из 16 ямок. Эти помины занимали особое место в восточной части раскопа. Во всех положена мясная и жидкая пища. Преобладала баранина от молодых особей (до 1 года) и лишь в одном находилась говядина. В ямки ставили по три горшка (два помина), два горшка (три помина) и одному горшку (один помин). Посуда представлена чаще банками, бочонками и реже сферическими горшками с прямым венчиком. На двух бочонковидных горшках были добавлены боковые ручки-налепы для подвешивания. Наряду с традиционными треугольными, овальными, ямочными штампами, некоторые горшки орнаментированы наlepными шнуровыми узорами, резными фестонами, заполненными либо треугольными вдавлениями, либо косыми штрихами (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 269).

Отмечены остатки кремации на могильнике Староозначенная Переправа-I, который включал грунтовые могилы, склепы, детские погребения и помины с тризнами, вытянутые 2–3 рядами, или заполняя пространство между ними. Из 36 поминов 10 представлены каменными стелами, рядом с 1–2 горшками, вкопанными в неглубокие ямки, видимо, с уровня древней почвы. Их размеры условно прослеживались в песчаном грунте. Некоторые помины сооружены в насыпях таштыкских грунтовых могил. Выявлены ямки с деревянными столбиками, в сопровождении специально подобранных речных галек удлиненной формы. В восьми поминальных объектах обнаружены кальцинированные кости либо в виде скопления размером до 20×80 см (№31), либо нескольких мелких косточек. В них чаще находились мелкие рубленые косточки животных, реже дополненные скоплением галек, и еще в одной ямке, в наборе с нижней челюстью барана и бедренной костью и рублеными ребрами коровы, стояла баночка. Привлекает внимание, что в двух из них человеческий пепел помещался в баночные сосуды, заполняя их доверху либо наполовину. Посуда, баночной и горшковидной формы, орнаментированная отпечатками треугольного штампа (раскопки Ю.В. Тетерина).

Пять ямок с пеплом человека раскопаны автором на окраине поминальника (из 39 поминов) у склепа Быстрая-II. Кальцинированные косточки находились в одной безынвентарной ямке рядом со стелой, установленной с востока, и в четырех неглубоких ямках, устроенных в древней погребенной почве, под панцирными кладками. В заполнении двух ямок найдены железный остроконечник-шило и бронзовая псевдопряжка с овальным кольцом и двумя щитками (Поселянин А.И., 2003, с. 274–278).

В южных районах под г. Абаканом, на могильнике Белый Яр-III автором исследован погребально-поминальный комплекс площадью 4500 м²: таштыкские склеп, детские погребения, поминальник и древнетюркские курганы. Монографически исследованный поминальник включал 152 ямки. По обилию жертвенной пищи он сопоставим с Уйбатом-II и Изыхским чаатасом, но пепел человека находился только в четырех ямках. На перекрытии еще одного обнаружены следы сожжения и угли. Все они располагались компактно в северо-восточной части поминальника. Два находились рядом, другие на расстоянии 8 м, вытянувшись в линию с запада на восток, но разделенные двумя ямками. Жженные косточки представляли скопления от 10×15 см до 35×70 см. А в двух ямках их находилось по два: большая кучка и дополнительно под противоположной стенкой еще небольшая диаметром не более 10 см. На дне всех ямок сохранились остатки жертвенной пищи. В трех поминах положена баранина. Состав мяса разнообразный. В одном достаточно обильный набор: от левой половины туши лопатка, задняя нога с тазовыми костями и от правой половины грудины 10 ребер. Еще в двух других – рубленые ребра и фрагменты правого бедра. В одном помине говядина от правой половины туши: передняя нога, от задней ноги только голенная кость, рубленые тазовые кости и несколько позвонков. В трех поминах поставлена посуда для жидкой пищи. В обязательный набор входила толстостенная банка большой емкости, для приготовления или хранения пищи. В двух ямках этот набор дополнялся маленьким горшковидным сосудом с короткой отогнутой и прямой шейкой.

После масштабных работ в течение 1990 – начала 2000 гг. на двух могильниках на севере Хакасско-Минусинской котловины около с. Новоселово (Маркелов Мыс-I и Маркелов Мыс-II) стало понятно, что находки пепла в поминальных ямках не случайны и требуют объяснения. Площадь сплошных раскопов от 2000 до 3500 м². Разновременные могильники включали таштыкские грунтовые могилы,

склепы, выкладки поминального характера, стелы на окраине кладбища, раннесредневековые курганы по обряду трупосожжения и трупоположения с конем.

На Маркеловым Мысу-I (раскопки Ю.В. Тетерина) более 80 выкладок расположены в 5–7 рядов, по линии С–Ю. Посередине их выделялся ряд из 10 выкладок, который условно делил этот комплекс на восточную и западную части, оказавшиеся принципиально различными. В восточной части преобладают каменные выкладки меньшего размера, чем в западной, которые располагаются скученно, нарушая рядный порядок. Среди них преобладают пустые ямки, без следов тризн (31) и 14 ямок только с пеплом человека. Причем, как и на памятниках, исследованных С.В. Киселевым и Л.Р. Кызласовым, это, как правило, лишь несколько человеческих кальцинированных косточек (4–10 штук или чуть более), разбросанных чаще по дну ямки, реже в виде скопления. Еще в 15 ямках находились кости животных (барана и коровы). Из них только в двух ямках жертвенное мясо совмещалось с кальцинированными косточками, а в пяти случаях дополнительно поставлены 1–2 горшка баночной формы. Особняком выделяется один помин без мяса, но с тремя горшками.

В западной части поминальника ямки под каменными выкладками значительно крупнее и в них не обнаружено никаких кальцинированных косточек. В каждой из 21 ямок поставлена поминальная пища в виде кусков баранины и говядины. Основу мясной пищи составляла баранина: части 1–2 передних ног с лопаткой, с костями берцовой, шесть поясничных позвонков с крестцом и 3–8 ребра. Дополнительно клали небольшие куски говядины: несколько ребер, часть задней ноги и рубленые тазовые кости. Помимо мяса, на дно семи ямок поставлено по одному горшку, в четыре ямки – по два горшка, в одну ямку – три горшка. Как и на Изыхском чаатасе, два помина с тремя горшками занимали обособленные места в противоположных частях поминальника с восточного и западного края.

Маркелов Мыс- II (раскопки О.А. Митько) находится в 1,5 км южнее от предыдущего памятника. Там около 100 каменных выкладок располагались 2–3 группами – несколько разрозненно в северной части и очень плотным скоплением (71) на юге. Отличительной особенностью является преобладание ямок (60) с остатками человеческого пепла в заполнении ям или на их дне. Наземные сооружения в виде каменных подпрямоугольных выкладок перекрывались жердями, крупными плитами и мелким песчаником. Иногда предварительно вокруг ямы из больших плит выкладывали кольцевую кладку-крепиду. Ямы неглубокие, так как вырубались в скальнике.

В них находилась мясная пища и посуда, в целом одинаковая с Маркеловым Мысом-I. Преобладали небольшие баночки и горшочки, и очень редко орнаментированные арочками, сосковидными налестками, резными бордюрами или дополненные треугольными вдавлениями. Относительно малые размеры горшков, однообразие форм, отсутствие узоров или их однообразие являются характерной чертой таштыкской поминальной керамики в северных районах Хакаско-Минусинской котловины.

Таким образом, в ходе раскопок таштыкских поминальников, преимущественно обозначенных каменными выкладками, наряду с типичным набором жертвенного мяса и посуды для напитков или каши, находят кальцинированные кости человека. Чаще всего в ямках оставалось только несколько жженных косточек, т.е. малая часть от целого трупосожжения. Как объяснить эти находки в ямках, предназначенных для приношений усопшим родственникам?

Вероятно, после кремации «таштыкцы» на особом месте кладбища поблизости от склепа временно захоранивали собранный в мешочки или туески пепел. Подтверждение этому находим на большинстве вышерассмотренных памятников, где помины располагались наиболее компактной группой, особенно на Белом Яре-III, Быстрой-II, Суханихе, Маркеловых Мысах-I-II. Это могло быть частью обряда либо связано со сложным процессом подготовки умершего к окончательному погребению, требующему изготовления куклы для пепла, лепки на ней маски, сооружение склепа, заготовки ритуальных предметов и жертвенного мяса. Этот процесс зависел от времени года, кремации и осложнялся хозяйственными циклами, связанными с активным (весенним) сезонным уходом за животными. В ходе последующего перезахоронения пепла (в куклу, маску-урну, в склеп) часть косточек из упаковки могла просыпаться, а ямка уже без пепла использовалась для поминальной ризны. Но это лишь одно из объяснений.

В.И. Соенов

*Горно-Алтайский государственный университет;
Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск*

ФОРТИФИКАЦИОННОЕ СООРУЖЕНИЕ ШИБЕ НА ЧУЕ*

Изучение городищ и остатков каменных крепостей Горного Алтая началось во второй половине XVIII в. К настоящему времени уже накоплена некоторая информация об этих объектах (Тишкин А.А.,

* Работа выполнена при поддержке Центра науки и технологий Республики Алтай (проект «Древние города Алтая»).

2002, с. 61–67; Соенов В.И., 2004, с. 337–340). Тем не менее они пока продолжают оставаться слабоизученными категориями археологических памятников Алтая. В связи с этим представляют интерес новые данные о фортификационном сооружении Шибе, находящемся на Чуе.

Каменное сооружение на Чуе было впервые обследовано В.В. Радловым в 1870 г. (Радлов В.В., 1989, с. 36). Позже оно осмотрено в 1897 г. участниками статистической экспедиции (Демин М.А., 1989, с. 65). В XX в. никто из исследователей уже не отмечает в этом районе остатков укрепления.

В полевой сезон 2004 г. нами производились поисковые работы по проекту Центра науки и технологий Республики Алтай «Древние города Алтая». Разведки осуществлялись на правом берегу Чуи на небольшом участке от 802 по 804 км трассы М-52 (Новосибирск–Ташанта) между с. Акташ Улаганского района и Курай Кош-Агачского района. Правобережье Чуи на этом участке представлено среднегорными ландшафтами: южнотаежными светлохвойными с лиственничными лесами на горно-лесных черноземовидных почвах в сочетании с высокотравными лугами на горно-луговых почвах и кустарниково-злаковыми степями на горных черноземах по склонам южной экспозиции отрогов Курайского хребта. Рядом с данным участком соседствуют различные среднегорные и высокогорные ландшафты (Атлас Алтайского края, 1991, с. 6, 20–21).

Во время поисков объекта мы использовали описание В.В. Радлова. Отрывок из его дневника о месторасположении укрепления приводим полностью. «За равниной течет река Мен, которая впадает в Чибит. Равнина эта тянется дальше на восток, и мы поехали по ней в этом направлении. Мен в конце равнины поворачивает к северу, там густой лиственничный лес. В лесу дорога поднимается вверх по горе до истоков Мена. Участки леса здесь все время перемежаются горными болотами, а кое-где текут прозрачные воды ручья. Отсюда опять видны на юге мощные снежные вершины Мангаша. Мне сказали, что высокая гора, виднеющаяся севернее горного болота Чибекечу, называется Кочкорок. Говорят, там водится много каменных баранов. За Чибекечу нужно перебраться через горный перевал под названием Белькенектин-Почызы. По горному ручью Келенде мы опять спустились к Чуе. Перед нами простирается маленькая равнина, а на юге тянутся мощные цепи снежных гор. Мы объехали небольшую гору на правом берегу Чуи. Здесь есть узкий проход между двумя рядами камней, которые называют-

ся крепостью Шиле (скорее всего, опечатка, так как правильное название, видимо, Шибе, происходящее от алтайского термина «шибе», которое означает крепость, укрепление, укрытие в трудно-доступном месте. – В.С.). По местной легенде, алтайцы некогда были покорены китайцами, а потом бежали от них, и китайцы преследовали их будто бы до Бичиктукая и оставили там надписи. А здесь, у крепости, произошло якобы сражение алтайцев с китайцами. Камни для стен взяты, очевидно, из большого кургана, расположенного в центре крепости. У самого берега Чуи здесь есть маленькая остроконечная скала, которую называют Бошту. У реки Кёлёнде мы снова вышли из долины Чуи, направляясь на северо-восток. Непроходимые участки гор, лиственничный лес. Довольно высокий горный перевал (мне сказали, что он называется Орчонойдын-Бога-чы). Очень крутые для лошадей подъемы. На вершине несколько округлых голых горных складок. На юг простирается целая цепь снежных гор; открывается широкий вид на Курайскую степь» (Радлов В.В., 1989, с. 36–37).

В результате поисковых работ нам удалось обнаружить остатки каменной стены. Они находятся на правом берегу Чуи в 9 км к юго-востоку от с. Акташ Улаганского района в конце 802 км трассы М-52 (Новосибирск–Ташанта) на самом узком месте между двумя небольшими долинами, разделенными горой (рис. 1). Географические координаты северной части памятника по GPS-приемнику: N – 50°15'16,2", E – 087°41'06,0"; N – 50°15'15,9", E – 087°41'05,8", южной части памятника: N – 50°15'13,2", E – 087°41'04,9"; N – 50°15'14,1", E – 087°41'04,6"; N – 50°15'13,9", E – 087°41'04,5". Высота 1478 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Каменная стена была сооружена поперек дороги, идущей с востока на запад вдоль меандрирующей Чуи вниз по течению. Для строительства использованы рваные камни и плиты разных размеров. Кладка сооружения выполнена всухую без применения связующего материала и к настоящему времени верхняя часть стены полностью развалилась. Поэтому систему кладки выявить и зафиксировать не удалось. Остатки стены на сегодняшний момент представляют собой задернованный вал, вытянутый по линии ЮЗ–СВ. Северный конец стены начинается от скал склона горы, южный конец примыкает к скальному останцу на берегу Чуи. Общая длина сооружения составляла около 100 м. Сплошного вала не сохранилось. Часть сооружения разрушена в ходе деятельности людей, поэтому остатки стены прослеживаются участ-

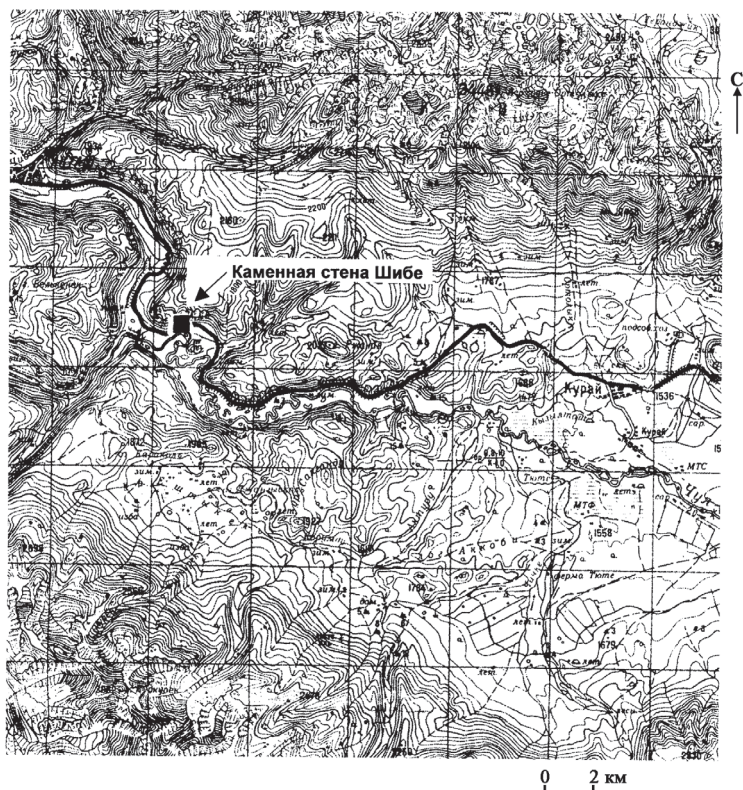

Рис. 1. Местонахождение фортификационного сооружения Шибе

ками. Ширина развала северной части стены 2,5–3,3 м, высота 0,1–0,15 м. Через 13,2 м от северного конца он перерезается Чуйским трактом. Хотя стенка борта дороги уже оплыла, все же можно видеть поперечный разрез остатков стены. Судя по нему, первоначальная ширина основания стены составляла около 1,2–1,3 м. Высота от нижнего края нижнего камня стены до верхнего края верхнего камня на срезе составляет 0,55 м.

К обочине дороги с юга вплотную примыкает большой плоский курган диаметром около 60 м, высотой 1 м. По периметру насыпь кургана заросла кустами, южная часть насыпи задернована. В северо-восточной части кургана наблюдаются повреждения насыпи в результате дорожных работ и выемки камня для строительных работ. В юго-восточном краю кургана обнаружены остатки клад-

ки по периметру насыпи из массивных каменных плит в три-четыре ряда. В центре насыпи имеется большая грабительская яма диаметром 20 м, глубиной 1,3 м, заросшая кустами акации. Небольшие грабительские раскопы диаметром до 4–5 м, глубиной до 1 м имеются практически во всех частях насыпи. Географические координаты четырех сторон кургана по GPS-приемнику: N – 50°15'15,2", E – 087°41'05,7"; N – 50°15'14,2", E – 087°41'06,7", N – 50°15'13,7", E – 087°41'05,1"; N – 50°15'13,9", E – 087°41'04,2". Часть стены проходила по насыпи этого кургана. На расстоянии 33 м к юго-юго-западу от края дороги прямо на плоской насыпи обнаружено продолжение развала стены, визуально хорошо выделяемое. Ширина развала стены 2,8–3,6 м, высота 0,15–0,20 м. Отдельные камни возвышаются над валом на 0,3–0,4 м. Через 26 м вал не прослеживается. Отдельные камни стены заметны у скального останца, где заканчивается сооружение.

При строительстве стены, видимо, использованы камни из насыпи кургана №1, расположенного в центральной части сооружения. В 20 м к северо-северо-западу от края кургана №1 расположен курган №2 диаметром 15 м, высотой 0,3 м. Плоская насыпь кургана частично задернована, заросла кустами. Географические координаты кургана №2 по GPS-приемнику: N – 50°15'16,0", E – 087°41'05,0". В 50 м к западу-северу-западу от края кургана №2 расположен курган №3 диаметром 10 м, высотой 0,3 м. Плоская насыпь кургана полностью задернована. Географические координаты кургана №3 по GPS-приемнику: N – 50°15'15,2", E – 087°41'01,7".

Судя по особенностям рельефа и задачам фортификации, лицевой стороной каменная стена Шибе была обращена на восток, т.е. к верховьям Чуи. Сооружение предназначено для обороны от наступления противника со стороны Курайской котловины в Центральный Алтай. Склон на противоположном левом берегу Чуи в этом месте труднопроходим, следовательно, перекрыт для продвижения войск естественным образом.

До проведения раскопок на объекте сложно рассматривать вопрос о хронологии. Но можно однозначно утверждать, что время возведения стены значительно отдалено от момента сооружения кургана №1, относящегося по внешним признакам к пазырыкской эпохе. Скорее всего, фортификационное сооружение Шибе предварительно можно отнести к эпохе средневековья – началу нового времени. Не исключено, что эпизод сооружения стены имеет непосредственное отношение к южносибирским и центральноазиатским

историческим событиям XVIII в., с которыми его и связывают данные алтайского фольклора, зафиксированные В.В. Радловым во время его поездки по Алтаю.

Н.Ф. Степанова

*Алтайский государственный университет,
Лаборатория археологии и этнографии
Южной Сибири ИАиЭТ СО РАН, Барнаул*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИЗНАКОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Памятники афанасьевской культуры привлекают внимание исследователей с 20-х гг. прошлого века, когда были раскопаны первые погребения в Минусинской котловине (Теплоухов С.А., 1929). Большинство гипотез, выдвинутых много лет назад по поводу этой культуры, остаются актуальными и на сегодняшний день. В 1-й половине 1980-х гг. С.В. Цыбом (1984) сделана попытка систематизировать материалы афанасьевской культуры Горного Алтая. Однако с тех пор количество раскопанных погребений увеличилось в 2 раза, выявлены «неафанасьевские» захоронения (как более ранние, так и более поздние), поэтому возникла необходимость нового обобщения (Степанова Н.Ф., Чекрыжова О.И., 2004). Решение многих вопросов зависит от статистического анализа признаков погребального обряда.

В настоящее время принадлежность 200 погребений с территории Горного Алтая к афанасьевской культуре не вызывает возражений у исследователей. К сожалению, о многих захоронениях нет полной информации, а объем статьи не позволяет остановиться на всех полученных результатах.

В данной работе рассматриваются надмогильные сооружения; внутримогильные конструкции, положение и ориентация погребенных; инвентарь. Надмогильные конструкции подразделяются по размерам, конструктивным особенностям оград, внутримогильные – по форме могильной ямы, наличию или отсутствию перекрытия, вариантов последнего. Для инвентаря выделяются такие признаки, как наличие или его отсутствие, материал, из которого предметы изготовлены, тип изделий и др.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №04-01-00356а).

Наибольшие проблемы для статистического анализа представляют надмогильные конструкции. С одной стороны, они достаточно разнообразны (Степанова Н.Ф., 1991; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992; Савинов Д.Г., 1994; Ларин О.В., 1995), с другой – в публикациях нередко имеются лишь краткие сведения, особенно это касается ранних раскопок, для которых характерна еще и несовершенная методика. Во многих случаях сложно определить: идет ли речь о насыпи или об оградке-стенке и т.д. В целом афанасьевские надмогильные конструкции требуют специального исследования, и в настоящей работе приводится только часть полученных результатов.

Выделяются несколько типов надмогильных сооружений, в том числе сплошные насыпи, ограды-стенки или кольца, сложенные из рваного камня, ограды из вертикально поставленных плит или блоков, реже из крупных валунов. На ряде объектов имелись крепиды. Кроме того, на одном объекте, например, может быть кольцо из вертикально поставленных плит и кольцо или кольца из рваного камня. Последние могут находиться внутри кольца из вертикально поставленных плит и снаружи. Есть и другие варианты устройства надмогильных сооружений. Общее для всех конструкций – они круглой или округлой формы.

Среди раскопанных сооружений преобладают ограды из вертикально поставленных плит (56%). Это отмечалось и ранее и считается одним из отличий памятников афанасьевской культуры Горного Алтая и Минусинской котловины. Однако, с точки зрения автора данной работы, преобладание оград из вертикально поставленных плит может иметь и другое объяснение. В Минусинской котловине нередко исследовались аварийные памятники (Вадецкая Э.Б., 1986), а в Горном Алтае поиск афанасьевских захоронений велся целенаправленно. В этой ситуации наиболее перспективными для раскопок были ограды из вертикально поставленных плит, которые хорошо заметны на поверхности и датировка которых не вызывала сомнений. Оградки-стенки, как правило, слабо прослеживаются на современной дневной поверхности. Они сильно задернованы и видны лишь отдельные камни, выявить сооружения не всегда возможно, а датировать без раскопок в таких случаях очень затруднительно. Поэтому преобладание оград из вертикально поставленных плит в Горном Алтае может быть связано с выборкой объектов для раскопок и не отражать фактическое соотношение объектов с разным типом конструкций.

Для афанасьевских захоронений Горного Алтая характерны грунтовые могильные ямы, перекрытые плитами, уложенными попе-

рек могил. Такие перекрытия зафиксированы в 34% погребений. Еще около 8% могил, возможно, было перекрыто плитами. Перекрытия из плит встречаются в 2 раза чаще, чем перекрытия из дерева.

Положение погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами составляет 82%, на правом боку – около 12%, остальное – нестандартные положения: ничком на животе и др., но среди них нет ни одного погребенного, уложенного вытянуто на спине. Ориентация на юго-запад зафиксирована в 33% погребений, юго-юго-запад – 15%, на запад – около 26%, на северо-запад-запад – около 4%, северо-запад – 4,5%, северо-восток – 6%, восток – около 7%. Ориентация на юго-запад, юго-запад-запад, запад в общей сложности составляет около 74%. Очевидно, что ориентация на северо-запад, северо-восток и восток не характерна для афанасьевских захоронений. Наличие охры отмечено в 63% погребений. Однако эту цифру нельзя считать окончательной, она может быть и выше.

Инвентарь обнаружен в 70% погребений, керамика – в 60%, изделия из камня, кости, металла в общей сложности в 34%. Сосуды по оформлению дна разделены на четыре группы – остродонные, круглодонные, плоскодонные и с приплюснутым дном (у них имеется плоское дно небольшого диаметра, которое в ряде случаев могло быть изготовлено таким способом – готовое, но еще влажное изделие уплощали); курильницы. Остродонные сосуды найдены в 36% погребений, круглодонные – 13%, плоскодонные и с приплюснутым дном (в могилах и над могилами) – 9%, курильницы (в могилах и над могилами) – 4%. Форма сосудов из некоторых погребений не была определена.

Итак, для афанасьевских захоронений характерны разнообразные и сложные по конструкции надмогильные сооружения, но все могильные ямы грунтовые, приблизительно в 50% перекрыты крупными плитами или деревом. Умерших укладывали головой в юго-западный и западный сектор на спине с согнутыми в коленях ногами, первоначально поставленными коленями вверх. В большинстве могил зафиксирована окраска погребенных охрой или скоплением охры. Из инвентаря обычно находят глиняные сосуды, преимущественно остродонной формы. Изделия из металла встречаются чаще, чем из камня или кости. Инвентарь представлен украшениями, орудиями труда, небольшая часть предметов, вероятно, имела ритуальный характер.

Необычными для афанасьевской культуры следует признать следующие признаки (надмогильные конструкции не рассматриваются) – положение погребенных не на спине с согнутыми в коленях ногами, ориентацию умерших на северо-запад, северо-восток, восток, юго-восток и юг, наличие плоскодонных сосудов и курильниц.

Эти «нетипичные» признаки всегда вызывали интерес у исследователей и получали различную интерпретацию – ранние или поздние (ориентация на северо-восток и восток), инокультурные. Проведенный анализ позволил выделить ряд закономерностей: некоторые признаки встречаются в одном захоронении. Например, в погребениях с ориентацией на восток, северо-восток или юго-восток бывают плоскодонные сосуды или курильницы – могильники Курота-2, Ело-1, Кара-Коба-2, Бойтыгем-2, Пещеркин Лог-1 (Киселев С.В., 1951; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997; Посредников В.А., Цыб С.В., 1994; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994; Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В., 1987). В погребениях эпохи бронзы с баночными сосудами (Бойтыгем-2, к. 5; Курота-2, к. 4) умершие также были ориентированы головой на северо-восток и восток. Значительно реже плоскодонные сосуды и курильницы встречаются с обычной для «афанасьевцев» ориентацией погребенных – могильник Н.Тюмечин-1 (Посредников В.А., Цыб С.В., 1992). Представляет интерес и предварительный анализ встречаемости такого признака, как положение погребенного на правом боку с некоторыми другими, также не вполне обычными для афанасьевского населения. Само положение погребенного на правом боку не характерно для «афанасьевцев» Горного Алтая, и оно традиционно считается хронологически поздним явлением. Всего такое положение достоверно зафиксировано в 15 могилах. Как правило, ему сопутствует либо наличие шаровидного сосуда с круглым дном, либо сосуда с раздутым туловом (приземистым), но с приостренным дном, реже с плоским – могильники Первый Межелик-1, о. 1; Кара-Коба-1, о. 8; Каракол; Сальдыр-1, к. 8, 9; Бойтыгем-2, к. 7; Чепош; Б. Толгак и др. (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф., 1999; Посредников В.А., Цыб С.В., 1994; Кубарев В.Д., 1988; Ларин О.В., 2005; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994; Шульга П.И., 1993; Соенов В.И., 1995). Есть и другие редкие признаки, которые совпадают с положением погребенного на правом боку, но какой-либо закономерности пока не прослеживается.

Упомянутые выше факты представляют интерес. Ориентация на северо-восток и восток у многих исследователей считается архаичным явлением, в то время как наличие плоскодонной посуды – поздним (Киселев С.В., 1951; Хлобыстина М.Д., 1975; Цыб С.В., 1984; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994; Степанова Н.Ф., 2001 и др.). Совмещение их неоднократно в одном погребении можно рассматривать как закономерность. С одной стороны, ориентация погребенных на северо-восток действительно характерна для эпохи неолита горного и

предгорного Алтая – Каминная пещера, Солонцы-5, Большой Мыс (Маркин С.В., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000; Кунгурова Н.Ю., 2005). С другой стороны, для неолитических памятников в целом характерен другой погребальный обряд, а для ранних комплексов Горного Алтая отмечено наличие остродонной посуды (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993а–б; Кунгурова Н.Ю., 1992). Поэтому здесь может быть либо совмещение ранних и поздних черт, либо это явление связано с неафанасьевским населением. Сопутствие положению погребенного на правом боку определенного типа глиняной посуды, вероятнее всего, может быть объяснено тем, что это в первую очередь явление этнического или этнографического порядка.

Таким образом, статистический анализ позволил выявить не только характерные и нехарактерные признаки погребального обряда афанасьевской культуры, но и определенную зависимость их друг от друга. Это позволяет выделить ряд погребений, которые отличаются от афанасьевских в культурном отношении и, видимо, в хронологическом. Кроме того, выделяется ряд афанасьевских погребений, которые, возможно, оставлены населением, чем-то отличающимся в этнографическом отношении от основного афанасьевского. Все это говорит о том, что афанасьевское население не было однородным. Это могло быть связано как с неодновременным заселением территории Горного Алтая, так и с контактами с местным населением, а позднее с населением, которое проникало в «афанасьевскую среду» с других территорий. На ряд вопросов может быть получен ответ в результате дальнейшего изучения погребального обряда и инвентаря, особенно керамики.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Объединенного института
истории, филологии и философии СО РАН, Омск*

**ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ,
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ,
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ И ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ
РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ***

В отечественной археологии существуют несколько подходов к изучению древностей. Один из них связан с разработкой системы трех веков, выделением и изучением археологических куль-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00841а).

тур. Его стали разрабатывать сначала европейские (Х.Ю. Томсен, Й. Ворсо, Ф. Келлер, Г. Косина, Г. де Мортилье, Э. Лартэ, О. Монтелиус, С. Мюллер, О. Тышлер и др.), а затем и отечественные ученые (А.С. Уваров, Д.Я. Самоквасов, А.А. Спицын, Н.И. Веселовский, В.А. Городцов и др.). За почти полтора столетия археология накопила богатейший опыт исследования древностей на широкой территории и объединения их в археологические культуры и их локальные варианты, историко-культурные общности, культурно-исторические области и т.д. Результатом работ стали тысячи археологических культур, типов памятников или керамики в мировой археологии, сотни – в российской, десятки – в западносибирской.

Второй подход – изучение древностей на ограниченной территории и выделение археологических микрорайонов. А.В. Жук считает, что впервые такой подход применил З.Я. Ходаковский в 1-й четверти XIX в. (Нижнетарский..., 2001. С. 4–5). Я же более склоняюсь к тому, что его формирование началось в 1920-х гг. (Теплоухов С.А., 1927, 1929; Феноменов М.Я., 1929), но в те годы развития не получилось. Примером изучения микрорайонов могут быть исследования М.П. Грязнова на Верхней Оби у с. Большая Речка или В.Н. Чернецова на устье Полуя. В печати термин «микрорайон» появляется в начале 1960-х гг. (Гайдук И.М., 1963; Кузьмина Е.Е., 1962), употреблял этот термин и В.И. Матющенко, анализируя материалы Еловки. Однако целенаправленно микрорайоны стали изучать почти через 30 лет, с начала по материалам раскопок памятников Восточной Европы, а затем Западной Сибири и сопредельных территорий (Археологическое изучение... 1990; Археологические микрорайоны ... 1994, 1997, 1998, 2004).

Сильные и слабые стороны изучения памятников при том или ином подходе хорошо известны специалистам. Но проблематика работ постоянно расширяется, и возникают новые аспекты исследований.

Освоение территории в разные исторические эпохи. При картографировании археологических объектов может создаться впечатление, что население, оставившее памятники какой-либо культуры, плотно заселяло определенные территории. Если же сопоставлять культурно-хронологические шкалы микрорайонов, то получается, что интенсивность освоения районов на разных культурно-хронологических отрезках была неодинакова. Например, в нижнем течении Тары в 1985–2004 гг. работали экспедиции В.И. Матющенко, И.Е. Скандакова, С.Ф. Татаурова, Л.В. Татауро-

вой, С.С. Тихонова, И.В. Толпеко и др. Близ многих пунктов (Окунево, Бергамак, Танатово, Сеткуловка, Усть-Тара, Темерьяк и прочих) найдены памятники екатерининской, кротовской, сузгунской, красноозерской культур. Наиболее крупными комплексами эпохи ранней бронзы с насыщенным культурным слоем являются поселения Окунево-VI и Окунево-X у д. Окунево, Алексеевка-III в ур. Темерьяк, Танатово-II и Танатово-V в ур. Первый остров у д. Танатово, некоторые комплексы в Усть-Таре. Раннебронзовые материалы есть у д. Бергамак, Юрт-Бергамак, Алексеевки, Кокшенево, Муромцево на р. Таре, Рязаны на р. Бергамак, на Втором острове у Танатово, Сеткуловки на Иртыше. Но они не такие выразительные, как вышеуказанные. Они меньше по площади, культурный слой слабо или мало насыщен находками. Может быть, в ранней бронзе на этой территории было четыре крупных поселка: в районе современных Окунево, Танатово, Усть-Тары и Темерьяка. Остальные пункты могут быть временными, сезонными, недолговременными и иными населенными пунктами.

В поздней бронзе наиболее крупные из известных комплексов – Алексеевка-I, Алексеевка-XIV, Алексеевка-XXI* в ур. Темерьяк примерно в 3–4 км в северу от раннебронзового поселения. В 3–4 км севернее этого поселения находится памятник переходного времени от бронзы к железу – Алексеевка-XIX, исследованный С.Ф. Татауровым. Близ устья р. Бергамак на Лиственничном озере найдено позднебронзовое поселение Бергамак-XXV, тоже с мощным культурным слоем и большим количеством находок. Сузгунские поселения Юрт-Бергамак-I и Юрт-Бергамак-IV в 2–3 км к востоку от д. Окунево раскапывал А.В. Полеводов. К крупным комплексам можно отнести и сузгунское городище Надеждинка-V на р. Нижняя Тунуска. Материалы других позднебронзовых поселений (Поречье-I на р. Бергамак, Сеткуловка-IV на Иртыше) значительно беднее.

Возможно, в ходе дальнейших работ удастся выявить систему расположения основных (базовых, узловых) поселений древнего населения и переходить к проблемам землепользования, освоения угодий и т.д.

С системой расположения памятников связан сюжет о **мощности культурного слоя на поселениях**. Этнографические и пись-

* Скорее всего, на Темерьяке было одно сузгунское поселение, тянувшееся вдоль Иртыша на 1–1,5 км. Во время разведок следы поселения визуально не прослежены, но при раскопках курганных групп эпохи раннего средневековья были получены многочисленные сузгунские материалы и зафиксирован мощный (до 80 см) культурный слой.

менные данные позволяют говорить, что на крупных реках деревни были крупнее, чем в глубинных таежных районах (Тихонов С.С., Ерохин В.А., 2003, с. 245–252). Логично предположить, что подобная ситуация могла быть и в древности. К сожалению, полностью раскопанных поселений бронзового времени в Западной Сибири практически нет, поэтому палеодемографические реконструкции о численности обитателей поселка на основе числа жилищ, площади памятника и так далее будут недостоверны. Возможно, данные о мощности культурного слоя помогут хотя бы частично изучить проблему. Например, на позднебронзовом поселении Алексеевка-I в ур. Темеряк на Иртыше культурный слой достигает толщины 80–90 см и более. На городище Надеждинка-V, что почти в 60 км от устья р. Тары по прямой, культурный слой имеет мощность около 0,5 м. Причем находки преимущественно располагаются до глубины 30–35 см. На раннебронзовом памятнике Алексеевка-III культурный слой достигает толщины 45–60 см. Примерно такой же он на комплексах близ деревень Окунево и Усть-Тара. Первое находится в месте слияния коренных террас Иртыша и Тары, а второе – в 5–6 км от Иртыша на Тарской террасе. А вот на поселении Рязаны-I в среднем течении р. Бергамак культурный слой не более 25–30 см. Конечно, это единичные наблюдения. Наконец толщина культурного слоя зависит от массы причин (длительность пребывания жителей, интенсивности оставления мусора, периодичности уборок, факторов, способствующих сохранности отложений и т.д.). Так, на площади оставленной деревни Юрт-Бергамак культурный слой вообще не зафиксирован, несмотря на наши с С.Ф. Татауровым старания его найти. Возможно, с мощностью культурного слоя связана площадь памятников. Но, к сожалению, часто ее определяют приблизительно (по рельефу, характеру растительности, крайним пунктам распространения находок и прочих признаков). Но точные данные можно получить только в результате раскопок... и опять возвращаемся к числу полностью раскопанных памятников.

Несколько слов о **периферии крупных поселений**. Данные известных этнографо-археологических комплексов (Бергамак, Чеплярово, Черталы, Айткулово, Киргап и др.) позволяют утверждать, что рядом с поселением обязательно существует кладбище, сезонные жилища в местах ведения промыслов, подходы к водоему и т.д. Может быть, такая же периферия поселений существовала и в более ранние эпохи. Но работы по ее выявлению и анализу мне не известны, кроме, конечно, исследований В.И. Молодина на Чиче.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ КУРГАНОВ
ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА ЯЛОМАН-II
(Горный Алтай)**

Выделение керамического комплекса булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени и его изучение остается одной из задач современных археологических исследований. Обнаружение в погребениях посуды, сделанной из глины, позволяет провести сравнительный анализ с материалами уже частично раскопанных поселений. Однако в настоящее время подобных свидетельств довольно немного, поэтому возникли и далеки пока от разрешений дискуссии об идентификации найденной в Горном Алтае керамики раннего железного века (см. Шульга П.И., 1998; Абдулганеев М.Т., 1998; Дашковский П.К., 1998; Тишкин А.А., 2005; и др.).

Тем не менее проведенные исследования позволили накопить материалы, способствующие рассмотрению некоторых существующих проблем. В 1978–1979 гг. В.Д. Кубаревым зафиксирован и изучался пункт стационарного керамического производства Жалгыз-Урюк-Кель на р. Юстыд (Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979; Кубарев В.Д., 1980). Данный комплекс интерпретирован как свидетельство наличия северо-западного форпоста хунну или какой-то группы населения, входившей в их державу, которая контролировала территорию Алтая. При публикации находок проведен обширный анализ материалов и получен ряд серьезных наблюдений (Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986).

Фрагменты керамики, относящиеся к культуре хунну, были обнаружены при раскопках ограбленного в древности кургана №2 памятника Узунтал-I (Савинов Д.Г., 1978, с. 53, рис. 3; 1993, с. 6). В ходе исследований могильника Уландрык-V В.Д. Кубаревым в заполнении могильной ямы кургана №1 найдены обломки «...небольшого сосуда характерной хуннской формы, с лощеной поверхностью и врезным орнаментом» (Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986, с. 101, 119; Кубарев В.Д., 1987, с. 192). Следует отметить, что и этот курган оказался ограбленным. По наличию в заполнении характерной керамики можно говорить, что проникновение в погребальную камеру произошло в хуннское время. Подобные факты отмечены Ю.С. Худяковым (1998, с. 208) при изучении пазы-

рыкских курганов на Катунь, не исключены они и в других случаях (Тишкин А.А., 2005, с. 175). Один фрагмент стенки нелепного сосуда с характерным орнаментом в виде волнистой линии найден автором в устье р. Бийке в начале 1990-х гг.

Благодаря исследованиям Ю.С. Худякова (1998) получена представительная коллекция керамической посуды хуннского времени из памятников в долине р. Эдиган. Обобщенный материал позволил сделать некоторые важные выводы (Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1992; Худяков Ю.С., 1998):

- формирование керамического комплекса могло происходить при опосредованном воздействии хунну и других близких по времени культур саяно-алтайских кочевников;

- традиции пазырыкского производства керамической посуды не унаследованы;

- произошло существенное ограничение сферы применения керамической посуды в погребальной обрядности;

- сложение новых традиций в изготовлении керамической посуды, изменение ассортимента изделий и способов орнаментации могло произойти в период кратковременного подчинения населения Горного Алтая державе Хунну;

- ослабление влияния хунну и других центрально-азиатских культур привело к формированию своеобразных черт в булан-кобинской культуре, включая керамический комплекс;

- состав керамической посуды из памятников хуннского времени свидетельствует о значительной роли иноэтничных элементов в сложении булан-кобинской культуры (особенно значителен был приток заимствований из культур северной периферии Горного Алтая).

Материалы, полученные при раскопках объектов ранней группы могильника Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, 2003, 2005; Тишкин А.А., 2004; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2004; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2005; и др.), не только дополняют уже накопленные сведения, но и демонстрируют свои характерные особенности. Сам памятник важен для понимания генезиса булан-кобинской общности, так как в нем обнаружено около 70% предметов, находящихся аналогии в материальной культуре хунну. Это свидетельствует о том, что население в то время находилось под влиянием такой доминирующей традиции или было носителями ее. Данная ситуация, скорее всего, отражает полное политическое господство хунну в Горном Алтае (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 332).

На некрополе обнаружено пока семь керамических сосудов в следующих курганах: №47, 52, 53, 54, 60, 60а, 61. Первая находка горшка баночной формы, орнаментированного по венчику «жемчужником с разделителем», зафиксирована при раскопках аварийного объекта №53 и уже ранее была опубликована (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, рис. 2.-2). Тем не менее представим основные характеристики данного изделия (хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске). Плоскодонный сосуд обнаружен между юго-восточной стенкой каменного ящика и деревянной колодой, в которой был погребен ребенок 1,5–2 года*. Его параметры следующие: высота – 12,5–13,5 см, диаметр венчика – 12,2–12,5 см, диаметр днища – 7 см, толщина стенок – 0,7–1 см.

Следующая находка происходит из кургана №47 (рис. 1.-5). Плоскодонный сосуд баночной формы орнаментирован по венчику «жемчужником» с разделителем, который представлен в виде полосок шириной 3–4 мм, длиной 7–10 мм, проведенных концом «палочки». Емкость частично с одной стороны разрушена: пострадали дно и стенка. Обжиг не сильный, но значительно лучше, чем у подобных сосудов, найденных в других курганах рассматриваемого могильника. Стенки изделия имеют следы затертостей. Нагар не фиксируется. Сосуд, как и предыдущее указанное изделие из кургана №53, сделан не очень качественно, о чем свидетельствует неровный венчик и общий неказистый вид. Параметры его следующие: высота 8,7–8,8 см, диаметр венчика 11–11,5 см, диаметр днища примерно 8 см. Горшок обнаружен в северо-западном углу каменного ящика, в котором был погребен человек, лежавший на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Кроме него зафиксированы бляхи-нашивки от головного убора, железная пряжка, ложечковидная подвеска, остатки деревянного блюда с костями животного.

Керамический сосуд из кургана №52 (рис. 1.-6) обнаружен в могиле с захоронением ребенка 10–11 лет. Умершая девочка (?) находилась в деревянной колоде, расположенной внутри каменного ящика. При ней зафиксированы бляхи-нашивки на головной убор, бусы, серьга с подвеской, фрагмент металлического зеркала и др. Горшок стоял у груди погребенной. Он неказистый и сделан не совсем качественно: плохо обожжен, крошится, имеются выщербленности, край венчика неровный и т.д. Сосуд плоскодонный, закрытой

* Половозрастные определения погребенных в курганах №52, 53 и 54 выполнены к.и.н. Д.В. Поздняковым (Институт археологии и этнографии СО РАН).

баночной формы, не орнаментирован. Венчик слегка срезан вовнутрь, его толщина 7 мм. Внутри емкости, на стенках и по венчику, видны потеки и нагар. Снаружи хорошо заметны следы затертости. Параметры изделия следующие: высота 11–11,5 см, диаметр венчика 12,1–12,6 см, диаметр дна примерно 8 см.

В кургане №54 обнаружен горшок (рис. 1.-4), который отличается от предыдущих сосудов не только формой, но и качеством изготовления. Изделие хорошо проработано, лучше обожжено, имеет красноватый оттенок, но не орнаментировано. Венчик отогнут наружу, дно плоское. Горшок, более похожий на кринку (Степанова Н.Ф., 1998), имеет высоту 12,7 см, диаметр венчика 9,5 см, диаметр дна 6–6,5 см. Он стоял в восточном углу каменного ящика, в котором была захоронена женщина 30–35 лет с традиционным набором вещей: серьги, бусы, бляхи-нашивки на головной убор, деревянное блюдо с костями овцы. Умершая лежала вытянуто, на спине, головой на юго-восток.

У керамического сосуда, найденного в кургане №60, отсутствовала верхняя часть (рис. 1.-2), т.е. венчик и горловина неровно обломаны по плечики. По всем параметрам это изделие резко отличается от вышерассмотренных предметов серым цветом и качеством исполнения. Скорее всего, горшок сделан на гончарном круге. По крайней мере, на дне слабо просматриваются следы «квадрата» 3×3 см – характерная черта отпечатка шипа. Нечеткость его на рассматриваемом сосуде связана с тем, что днище оказалось сильно стерто из-за длительной эксплуатации емкости. Это обстоятельство может быть связано еще и с тем, что гончарный круг посыпался песком, чтобы затем было легче снимать готовое глиняное изделие. Поэтому при использовании емкости дно оказывалось более подвержено разрушениям. Обнаружен горшок в северо-западном углу каменного ящика, предназначенного для кенотафа. Кроме него, были найдены другие предметы: деревянное блюдо, votивный чекан, бляхи пояса и др. Сосуд плоскодонный, по плечикам орнаментирован двумя прочерченными линиями, между которыми идет «волна». По тулову видны следы заглаживания или какого-то другого технологического приема. Внутри фиксируется нагар. Высота оставшейся части составляет около 13 см, диаметр дна около 7,5 см.

Сосуд из кургана №60а (рис. 1.-3) оказался треснутым, но сохранил все необходимые характеристики. Он почти закрытой баночной формы, плоскодонный. Венчик местами срезан, а в некоторых частях заглажен. Его толщина разная и колеблется в преде-

лах 8–9 мм. Изделие выполнено небрежно, края неровные, плохо обожжено. По венчику оно орнаментировано «жемчужником» с разделителем в виде вдавлений «палочкой». Можно отметить следы заглаживаний и затертостей в разных направлениях. Высота сосуда 15,5–16 см, диаметр венчика около 16 см, диаметр дна 11 см. Внутри, а также на венчике и особенно на дне имеются следы нагара. Горшок стоял в северо-западном углу небольшого по размерам каменного ящика, предназначенного для кенотафа. Кроме него, обнаружены деревянные изделия: блюдо, «нож», сосуд.

Самой замечательной находка из керамических изделий на памятнике Яломан-II стал оригинально оформленный кувшинчик серого цвета из кургана №61 (рис. 1.-1). Его высота 13,5 см. Диаметр венчика 6,4 см, диаметр дна 6,8 см. Днище сосуда стерто, по-видимому, в ходе длительной эксплуатации. Тем не менее на нем «читается» слабо выраженный квадрат 4×4 см – след от шипа на гончарном круге. Интересной особенностью является оформленный валик на плечиках в месте соединения венчика и горловины с туловом. Не исключено, что это следствие технологического процесса, при котором две части кувшина изготавливались отдельно, а затем скреплялись. Подобное наблюдение отмечено при изучении керамики из комплекса гончарных печей на Юстыде (Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986, с. 110). Возможно, что данное обстоятельство позволит понять причину поломки сосуда из кургана №60. Кувшинчик был обнаружен в довольно «богатом» захоронении. Умершая женщина (?) лежала в каменном ящике почти вытянуто на спине, головой на юго-восток. При ней обнаружено довольно много различных предметов: серьга, бусины, две панцирные пластины, колокольчик, железный нож и др. Кроме того, над ящиком и за его пределами лежала лошадь с «парадной» уздой (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2005, с. 120, рис. 1.-3). Керамический сосуд стоял у стенки погребальной камеры справа от скелета на уровне бедренных костей.

Керамические сосуды из курганов №60 и 61 явно выделяются из всего рассмотренного круга изделий из глины, зафиксированных на могильнике Яломан-II. Не исключено, что они неместного производства, так как находят аналогии в памятниках хунну Забайкалья и Монголии (Коновалов П.Б., 1976; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005). Особенно много общего у них с керамикой, найденной на Иволгинском комплексе (Давыдова А.В., 1995, 1996). Остальные сосуды аналогичны посуде, найденной на памятниках хуннского времени в долине Эдигана (Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1992; Худя-

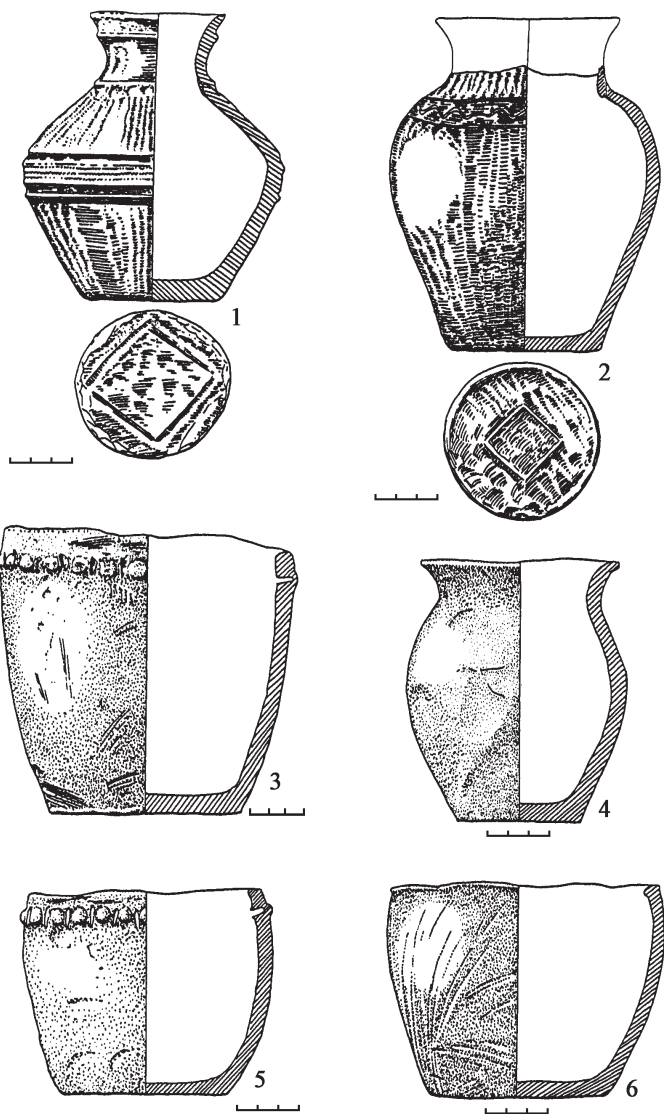

Рис. 1. Керамические сосуды из погребений
могильника Яломан-II:
1 – курган №61; 2 – курган №60; 3 – курган №60а;
4 – курган №54; 5 – курган №47; 6 – курган №52

ков Ю.С., 1998). Они существенно отличаются от пазырыкских и имеют сходства с изделиями из предгорно-равнинной зоны Алтая.

Материалы, полученные при раскопках курганов II в. до н.э. – I в. н.э. могильника Яломан-II, свидетельствуют о том, что население Горного Алтая хуннуского времени использовало не только керамическую посуду, но и широко применяло емкости из дерева, металла и других материалов. Дальнейшее изучение всех находок позволит существенным образом продвинуться в понимании процессов формирования и развития культуры булан-кобинской общности.

Т.В. Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.С. ГУЛЯЕВА в 1903 г.

В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая присоединилось в качестве Алтайского подотдела к Западно-Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) (Отчет Алтайского подотдела... за 1902 г., 1904, с. 9). Целями деятельности организации являлись сбор и обработка материалов для всестороннего изучения Алтайского округа и сопредельных с ним территорий. Алтайскому подотделу ЗСО ИРГО ежегодно предоставлялось пособие в размере 500 руб. Благодаря данной финансовой поддержке сотрудникам организации удалось осуществить несколько экспедиций.

В феврале 1903 г. член Алтайского подотдела ЗСО ИРГО заведующий архивом Главного управления Алтайского округа Николай Степанович Гуляев заявил совету организации о своем желании исследовать пещеры по рекам Чарышу и Харкаре, известные благодаря находкам костей ископаемых животных. В XIX в. костеносные пещеры в указанном районе обследовали А.И. Кулибин (1830 г.), Г.П. Гельмерсен (1934 г.), Г.Е. Щуровский (1844 г.). Совет Алтайского подотдела ЗСО ИРГО одобрил предложение Н.С. Гуляева и обсудил вопрос о финансировании работ (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 31. Л. 11).

Николай Степанович продумывал смету и маршрут предстоящей поездки. В мае 1903 г. Н.С. Гуляев передал в совет Алтайского подотдела ЗСО ИРГО официальное заявление. В нем он сообщил

о желании предпринять исследования пещер по р. Чарышу, которые могли «...дать весьма интересный палеонтологический материал; ...и новое, что, в случае удачи, доставило бы чрезвычайный научный интерес» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 89). Также он планировал осмотреть и произвести раскопки «известного ему... городища». Причем в тексте заявления Н.С. Гуляев не указал местонахождение объекта, но отметил: «Где была стоянка, как я предполагаю, человека каменного века (несколько предметов, до 4-х, из этого места я имею в своей коллекции» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 90). В другом источнике отмечено, что Н.С. Гуляев решил «...осмотреть и произвести раскопки известного ему «Большереченского» городища-стоянки, как он предполагал, людей бронзового века» (Отчет Алтайского подотдела... за 1903 г. 1904, с. 27).

В своем заявлении Н.С. Гуляев особо оговаривал, что удержит для себя по одному образцу археологических и палеонтологических находок в случае появления дуплетных экземпляров. «Уники же безусловно будут переданы в собственность Подотдела», – подчеркнул Николай Степанович (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 90). Также он обязывался подготовить для сотрудников организации доклад и представить отчет о произведенных им на средства Алтайского подотдела ЗСО ИРГО работах.

По подсчетам Н.С. Гуляева, для осуществления данного проекта требовалось 150 руб. Из этой суммы 40 руб. предполагались на транспортные расходы; 41 руб. 80 коп. – на покупку необходимых инструментов и оборудования. Николай Степанович планировал приобрести рулетку, бур, канат для спуска в пещеры, стальные лопаты (2 экз.), кайло (2 экз.), грохот (2 экз.), а для упаковки коллекций – вату, ящики и другие материалы, а также «шубный клей для цементирования экспонатов». Для проведения раскопок в пещерах Н.С. Гуляев хотел нанять четырех рабочих. За двенадцать дней работы им следовало уплатить 48 руб. Раскопки отдельного кургана оценивались в 20 руб. (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 91).

Совет Алтайского подотдела ЗСО ИРГО принял предложения археолога-любителя и ассигновал для проведения работ 150 руб. Николай Степанович обратился в Императорскую Археологическую Комиссию с ходатайством о разрешении ему производить археологические исследования на землях Алтайского округа (ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 686. Л. 1). Данное ходатайство было удовлетво-

рено, Н.С. Гуляев получил «Открытый лист на 1903 год» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 34).

Николай Степанович предполагал осуществить задуманное во время своего летнего отпуска и пригласить спутника, «...без которого немислима никакая экскурсия» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 89). Однако известные к настоящему времени архивные документы не позволяют уточнить состав экспедиции Н.С. Гуляева.

Первоначально Николай Степанович направился в д. Большую Речку (ныне с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края), при въезде в которую находился археологический памятник, обозначенный исследователем как «Большереченское городище». Следует отметить, что данный объект был им обследован ранней весной 1896 г. Гряды дюн Ближние Елбаны археолог-любитель ошибочно принял за «...остатки вала древнего городища» (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1898. Д. 84. Л.2). В то время до д. Большой Речки можно было добраться Змеиногорским почтовым трактом через станции Шадрино (24 версты) и Калманку (24 версты), затем сворачивали на дорогу к д. Усть-Алейской (12 верст), далее ехали к д. Легостаевой (15 верст) (современное название – Володарка). Через р. Обь переправлялись на лодке и еще семь верст пути перемещались по суше (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–22).

Николай Степанович занимался обследованием «Большереченского городища» в течение двух дней. Им были обнаружены и вскрыты два погребения. Кости человеческих скелетов оказались «сильно иструхшими» и извлечь их не удалось. При погребенных были обнаружены «...железный меч и несколько железных и костяных стрелок, ...одна стрела прекрасной работы литой бронзы и несколько каменных стрелок прекрасной работы» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 69). В настоящее время указанные выше захоронения отнесены к сросткинской культуре конца I тыс. н.э. (Демин М.А., 1989, с. 71). Работы на памятнике дали, кроме указанных предметов погребального культа, «... значительное количество каменных и костяных наконечников стрел, медных украшений для сбруи, бронзовые и железные изделия, обломки глиняной посуды... и другие предметы археологии» (Отчет Алтайского подотдела... за 1903 г., 1904, с. 28). От дальнейшего исследования археологического памятника Н.С. Гуляев вынужден был отказаться «по независящим от него обстоятельствам» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 70).

После прекращения работ у д. Большой Речки Николай Степанович предпринял раскопки двух курганов в 12 верстах от д. Легостаевой. Но из-за проливных дождей оставил начатые работы и отправился к костеносным пещерам по Чарышу и Ханкаре.

Николай Степанович не смог нанять рабочих для раскопок и ограничился лишь осмотром и обмером некоторых пещер. Затем исследователь выехал к Чагырскому руднику для сбора минералогической коллекции, а на обратном пути в Барнаул осмотрел три волостных архива и приобрел для библиотеки Алтайского подотдела ЗСО ИРГО издания «Томских губернских ведомостей».

На заседаниях совета 29 октября и 17 ноября 1903 г. Н.С. Гуляев представил отчеты о результатах своих работ и сообщил о подготовке докладов для очередных собраний сотрудников организации. Собрание членов Алтайского подотдела ЗСО ИРГО 27 ноября 1903 г. было посвящено заслушиванию отчетного доклада Николая Степановича «...о поездке, с археологической целью, по Большереченскому городищу и исследованию костеносных пещер по р. Чарышу и рч. Хархаре, с целью собрания археологических, минералогических и др. предметов для музея Подотдела» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 67). На заседании присутствовало, кроме докладчика, 25 сотрудников организации и несколько посторонних лиц. Николай Степанович иллюстрировал свое выступление картой с обозначением маршрута поездки и месторасположением городища, а также планом местности, где осуществлялись раскопки.

Вниманию собравшихся были представлены коллекции. В протоколе заседания зафиксировано, что по окончании доклада от слушателей поступило «...несколько вопросов, преимущественно касавшихся слишком уверенного отнесения Большереченского городища к бронзовому веку» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 70). Следует отметить, что Николай Степанович был убежден, что все обнаруженные им на памятнике археологические находки – из одного культурного слоя. По его мнению, «видимое преобладание в этом слое изделий из меди и ее сплавов с оловом едва ли может объясняться чем-либо иным, кроме принадлежности рассматриваемого городища к так называемому бронзовому веку» (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

Полученные в результате работ 1903 г. коллекции Н.С. Гуляев передал в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. Археологическое собрание составили предметы с «Большереченского горо-

дища», размещенные на семи картонных листах и «медное украшение» из кургана у д. Легостаевой (Отчет Алтайского подотдела... за 1903 г., 1904, с. 44). В настоящее время предметы коллекции хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее (Фролов Я.В., Папин Д.В., 1995, с. 88).

С.В. Трифанова

*Агентство по культурно-историческому наследию
Республики Алтай, Горно-Алтайск*

НАШИВНЫЕ БЛЯШКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ*

Мелкие нашивные бляшки широко бытовали на всей территории Саяно-Алтая в гунно-сарматское время и в другие исторические эпохи. Их использовали при отделке одежды, головных уборов и др. Нередко бляшки найдены прямо на обрывках шерстяных тканей одежды. Декоративные бляшки изготавливались из бронзы, золота, деревянные изделия обкладывались золотой или серебряной фольгой. Бляшки имели самые разные формы: круглые, треугольные, квадратные, прямоугольные, конусообразные, ромбовидные, с зубчиками и т.д. Почти все они имеют по два отверстия для пришивания к одежде, которые проходили насквозь, включая и золотую оболочку.

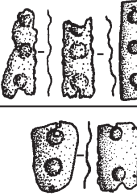
Нами рассмотрены бляшки из могильников Горного Алтая – Бике-I, Верх-Уймон, Чендек, Усть-Эдиган, Яломан-II, Айрыдаш-I; Тывы – Кокэль; Хакасии – Изыхский, Сырский, Ташебинский чаатасы. Всего учтено 211 бляшек.

Вся серия бляшек нами разделена на три раздела, 9 отделов, 20 типов. Разделы в настоящей классификации определяются по материалу: металлические, деревянные и глиняные. Отделы выделены по форме контура бляшки: круглые, овальные, квадратные, прямоугольные, многоугольные. Тип определялся по форме сечения бляшки, подтип – по наличию дополнительных деталей.

Раздел I включает металлические бляшки. Они разделены на четыре отдела. **Отдел I** разделен на пять типов, включающих 193 бляшки круглой формы. *Тип 1.* Бляшка бронзовая плоская с бортами, загнутыми во внутреннюю сторону (1 экз.) (рис. 1.-1). *Тип 2.* Бляшки с округлым вдавлением в центре с парой радиально

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №04-01-61007а/т).

расположенных сквозных отверстий (9 экз.) (рис. 1.-2). *Тун 3.* Бляшки полусферические с парой радиально расположенных сквозных отверстий (5 экз.) (рис. 1.-3). *Тун 4.* Бляшки с округлым сферическим выступом в центре. Данный тип бляшек разделен на два подтипа. **Подтип 1.** Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий (70 экз.) (рис. 1.-4). **Подтип 2.** Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него – углубление и кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий. В центре сферического выступа сделано округлое углубление (5 экз.) (рис. 1.-5). *Тун 5.* Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, с плоской полкой вокруг него. Данный тип разделен на два подтипа. **Подтип 1.** Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него кольцевая плоская полка с парой радиально расположенных сквозных отверстий для пришивания (38 экз.) (рис. 1.-6). **Подтип 2.** Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него кольцевая плоская полка с парой радиально расположенных сквозных отверстий для пришивания. Полка декорирована небольшими бугорками, имитирующими «жемчужный» орнамент (57 экз.) (рис. 1.-7). *Тун 6.* Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него кольцевая плоская полка с «ушками» на которых имеется по одному сквозному отверстию для пришивания (1 экз.) (рис. 1.-8). *Тун 7.* Бляшки декорированы четырьмя, шестью выпуклостями, имитирующими «жемчужный» орнамент. Имеются сквозные отверстия для пришивания (4 экз.) (рис. 1.-9). **Отдел 2** включает пять бляшек квадратной формы, разделен на два типа. *Тун 1.* Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него плоская полка со сквозными отверстиями для пришивания (4 экз.) (рис. 1.-10). *Тун 2.* Бляшка из золотой фольги, украшенная по всей поверхности небольшими бугорками, имитирующими «жемчужный» орнамент. По углам имеются сквозные отверстия для пришивания (1 экз.) (рис. 1.-11). **Отдел 3** включает пять бляшек прямоугольной формы, разделен на два типа. *Тун 1.* Бляшки с тремя округлыми полусферическими выступами, расположенными в один ряд по середине пластины. По краям пластины имеются сквозные отверстия для пришивания (3 экз.) (рис. 1.-12). *Тун 2.* Бляшки с двумя округлыми полусферическими выступами, расположенными в один ряд по середине пластины. По краям пластины имеются сквозные отверстия для пришивания (2 экз.) (рис. 1.-13).

РАЗДЕЛ I													
Отдел 4		Отдел 3		Отдел 2		Отдел 1							
Тип 2	Тип 1	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 7	Тип 6	Тип 5	Тип 4		Тип 3	Тип 2	Тип 1
		Подтип 2							Подтип 1				
		Подтип 1							Подтип 2				
													

РАЗДЕЛ II													
Отдел 3		Отдел 2		Отдел 1									
Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 2	Тип 1		Подтип 2		
									Подтип 2		Подтип 1		
													

РАЗДЕЛ III													
Отдел 2		Отдел 1		Отдел 3									
Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 2
													

Отдел 4 включает две бляшки овальной формы, разделен на два типа. *Тун 1.* Бляшки с округлым сферическим выступом, вокруг него плоская пола со сквозными отверстиями для пришивания (1 экз.) (рис. 1.-14). *Тун 2.* Бляшки бронзовые с округлым сферическим выступом, вокруг него плоская пола со сквозными отверстиями для пришивания. Пола декорирована небольшими бугорками, имитирующими «жемчужный» орнамент (1 экз.) (рис. 1.-15).

Раздел II включает 15 деревянных бляшек, разделен на три отдела. **Отдел 1** включает девять бляшек круглой формы. *Тун 1.* Бляшки конусовидные, разделены на два подтипа. **Подтип 1.** Бляшки конусовидные (4 экз.) (рис. 1.-16). **Подтип 2.** Бляшки в виде гражденного усеченного конуса (1 экз.) (рис. 1.-17). *Тун 2.* Бляшки полусферической формы (2 экз.) (рис. 1.-18). *Тун 3.* Бляшки с округлым сферическим выступом в центре, вокруг него кольцевой бортик (2 экз.) (рис. 1.-19). **Отдел 2** включает две бляшки квадратной формы. Бляшки в данном отделе разделены на два типа *Тун 1.* Бляшки с пятью выпуклостями – одна в центре и четыре по углам. Имеются сквозные отверстия для пришивания (1 экз.) (рис. 1.-20). *Тун 2.* Выпуклая бляшка с орнаментом из соединяющихся друг с другом овальных фестонов (1 экз.) (рис. 1.-21). **Отдел 3** включает четыре бляшки многогранной формы одного типа. *Тун 1.* Бляшки в виде шести-, восьмигранной пирамиды (4 экз.) (рис. 1.-22).

Раздел III включает глиняные бляшки, разделен на два отдела. **Отдел 1** включает одну бляшку круглой формы. *Тун 1.* Бляшка-конусик с рантиком (1 экз.) (рис. 1.-23). **Отдел 2** включает одну бляшку квадратной формы. *Тун 1.* Бляшки с пятью выпуклостями – одна в центре и четыре по углам (1 экз.) (рис. 1.-24).

Типологический анализ бляшек из могильников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени позволяет сделать ряд наблюдений. Все бляшки, обнаруженные на территории Горного Алтая, были изготовлены из металла. Преобладают бляшки с округлым сферическим выступом в центре, плоской полкой вокруг него и с парой радиально расположенных сквозных отверстий для пришивания, часто пола декорирована небольшими бугорками, имитирующими «жемчужный» орнамент (Айрыдаш-I, Бике-I, Верх-Уймон, Чендек). Также необходимо отметить, что большая часть бляшек обнаружена в женских погребениях (60 % – женские, 20% – детские, 16% – мужские), бляшки чаще всего использовались для украшения головного убора, воротников и верхней части одежды (55% – в обла-

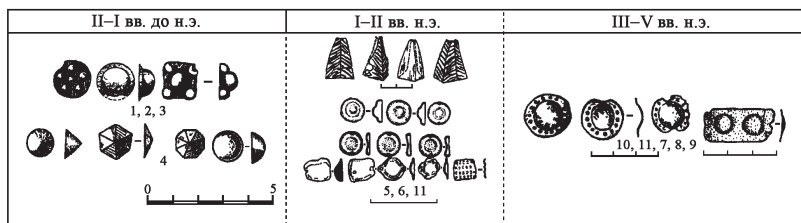

Рис. 2. Относительная хронология бляшек из могильников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени.

- 1 – Уйбатский чаа-тас; 2 – Ташебинский чаа-тас;
3 – Изыхский чаа-тас; 4 – Сырский чаа-тас; 5 – Кокэль;
6 – Усть-Эдиган; 7 – Бике-I; 8 – Айрыдаш;
9 – Верх-Уймон; 10 – Чендек; 11 – Яломан

сти головы, в 14% – в области шеи, в 19% – в области плеч, 13% – в области таза).

В ходе систематизации и классификации бляшек из могильников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени нами выделены три группы бляшек: ранняя группа (II вв. до н.э. – I в. н.э.) включает изделия из разделов II и III. Она выделена согласно хорошо датированным Большим курганам Уйбатского и Тесинского чаа-тасов, склепа 1 Сырского чаа-таса, склепа 1 Уйбат-II (Кызласов Л.Р., 1960, с. 82, 136; Вадецкая Э.Б., 1999, с. 128). Средняя группа (I–II вв. н.э.) включает типы 1–4, 6 отдела 1; тип 2 отдела 2 раздела I и тип 1 отдела 1 раздела II. Данная группа выделена согласно датировке могильников Усть-Эдиган, Яломан-II* и Кокэль (Худяков Ю.С., 1997, с. 146; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, с. 301; Дьяконова В.П., 1970, с. 209). В позднюю группу (III–V вв. н.э.) вошли бляшки типа 5 отдела 1, типа 1 отдела 3, типов 1–2 отдела 4 раздела I (рис. 2). Эти изделия выделены в данную группу согласно датировке могильников Бике-I, Верх-Уймон, Чендек (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 91; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 56–58; 1998, с. 135; Соенов В.И., и др., 2005, с. 171).

Периодизация бляшек позволила выделить стадийные особенности данной категории украшений: для ранней группы бляшек характерно разнообразие форм и материалов изготовления (дерево, металл, глина); в средней группе прослеживается уменьшение размеров бляшек, также бляшки изготовлены в основном из метал-

* Курганы ранней группы могильника Яломан-II датируются II в. до н.э. – I в. н.э. – Прим. отв. ред.

ла, деревянные изделия встречаются редко; в поздней группе заметно однообразие форм, бляшки металлические, по сравнению со средней группой прослеживается увеличение размеров бляшек. Также необходимо заметить, что в средней и поздней группе отсутствует фольга, которой обкладывали бляшки.

Отмеченные типы бляшек в последующем могут быть использованы при осуществлении корреляции с другими категориями украшений. Полученные результаты позволят выявить особенности локальных вариантов и территориальных групп украшений населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени.

А.П. Уманский, П.И. Шульга

*Барнаульский государственный педагогический
университет, Барнаул;*

*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАЭ СО РАН и НИИГИ при АлтГУ, Барнаул*

НАХОДКИ ИЗ РАННЕГО БЫСТРЯНСКОГО КУРГАНА НА МОГИЛЬНИКЕ ЮБИЛЕЙНЫЙ-2

Находки захоронений раннего этапа быстрянской культуры представляют особый интерес для понимания времени и особенностей ее формирования. К данной группе может быть отнесен и курган № 1 из могильника Юбилейный-2. К сожалению, в первичной публикации кургана № 1 большая часть вещей была представлена фотографиями, что существенно ограничивало возможности интерпретации всего комплекса (Могильников В.А., Уманский А.П., 1981). В целях введения в научный оборот указанных материалов авторы впервые приводят их графические рисунки и краткую характеристику, необходимую для верного понимания назначения и датировки того или иного изделия.

Могильник Юбилейный-2 располагался на левом берегу Чу-мыша в Целинном районе Алтайского края. В 1978 г. на могильнике, в северной части компактной цепочки из трех курганов были исследованы курганы № 1 и 2 (Могильников В.А., Уманский А.П., 1981).

Диаметр кургана № 1 составлял около 11–12 м, высота от уровня современной поверхности – 20 см. Насыпь земляная с остатками какой-то каменной конструкции в центральной части. Согласно погребальному обряду быстрянской культуры, под насыпью находилась одна могила, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. Раз-

меры могилы – 2,65×2,05 м, глубина – 1,9 м. В заполнении фиксировались остатки деревянного перекрытия, «устроенного, вероятно, около уровня древнего горизонта». На дне ямы был похоронен мужчина 50 (?) лет с конем. Лошадь лежала вдоль южной стенки на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад. В северной части могилы за поставленной на ребро разделительной плахой расчищен костяк мужчины, погребенного на спине, вытянуто, головой на запад-северо-запад. Захоронение потревожено заложением в восточной части могилы грабительским шурфом. Длинные кости ног человека были отброшены, сдвинуты кости таза и крестец, частично кости рук, позвонки и ребра. В целом же череп и кости верхней части тела сохранили первоначальное положение. Костяк лошади и детали уздечки не были потревожены. Вероятно, помимо уздечки на лошади находилось и седло с прилегающими ремнями, но на них не было металлических или роговых деталей. По-видимому, в почти полном комплекте сохранилась и поясная фурнитура. Возможно, в захоронении до ограбления находилось и оружие – третья составляющая редко встречающегося «классического» воинского набора, состоящего из сбруи, пояса и оружия. В изголовье, между черепами коня и человека, стоял глиняный сосуд, орнаментированный по горловине строчкой «жемчужин» (рис. 1.-5). В области пояса человека найдены бронзовые детали поясного набора с остатками ремня: поясная пряжка-застежка (рис. 1.-6); бляха с изображением одиночного кошачьего хищника (рис. 1.-7), две полушарные и одна коническая бляшки (рис. 1.-9–11), под костями человека в районе пояса обнаружена бляха с изображением двух «обнявшихся» в схватке кошачьих хищников (рис. 1.-8).

Из снаряжения верхового коня найдены находившиеся в зубах железные удила плохой сохранности (рис. 1.-4) и лежащие по сторонам черепа два роговых псалия (рис. 1.-1). С правой стороны от черепа лошади, около удил, обнаружен роговой распределитель в виде головки длинноклювого орла с зубами (рис. 1.-2). С левой стороны находилась роговая застежка подбородного ремня с, возможно, начатым, но не законченным изображением второго такого же существа (рис. 1.-3).

Снаряжение верховой лошади. Наибольший интерес представляют плоские роговые псалии. Они имеют по два крупных смежных к приостренным (верхним) концам отверстия. В нижних частях расположены высверленные отверстия диаметром около 4 мм. Ранее представлялось, что псалии использовались как двудырчатые. Однако осмотр показал, что малые отверстия у нижних концов

являются лишь промежуточным этапом в ходе изготовления больших отверстий. Крупные отверстия на псалиях из Юбилейного-2 также вначале намечались просверленными в разрядку отверстиями, облегчавшими дальнейшие операции. По аналогии с псалиями из Кайнду их можно было бы определить как переиспользованные раннескифские трехдырчатые. Однако это не так. По всем данным, они не вставлялись во внешние кольца удила, а привязывались к ним по раннескифскому принципу. В пользу этого говорит отсутствие сработанности от удила между большими отверстиями псалиев из Юбилейного-2 (сработанность хорошо видна на псалиях в Кайнду, см. рис. 1.-13), а также нахождение псалиев не в кольцах удила, а чуть в стороне. Нет между большими отверстиями и неизбежных следов сильно корродированного железа, да и предполагаемый диаметр внешнего петлевидного окончания удила не соответствует ширине псалиев. Место рассмотренных псалиев и самой уздечки в эволюционной и хронологической колонке уточняют сопутствующие распределитель на два перекрещивающихся ремня и застежка подбородного ремня с боковым отверстием. В комплексах от Урала и Приаралья до Саяно-Алтая они характерны для VI в. до н. э. Важным хронологическим показателем является отсутствие уха у головки длинноклювого орла, которое появляется на Саяно-Алтае в изображениях мифических орлов и грифонов около середины VI в. до н. э.

Пояс. Фрагменты узкого поясного кожаного однослойного ремня сохранились на всех изделиях, за исключением полушарной бляшки с отверстием. Ширина пояса на сохранившихся участках составляла около 2,5 см (рис. 1.-6–10). По этому показателю он подобен узким раннескифским поясам, в отличие от, как правило, более широких пазырыкского времени. Застегивался пояс на пряжку с выступающим носиком, по хорошо известному в подпруге и поясах принципу (рис. 1.-6). Орнаментированная полушарная бляшка и, по-видимому, коническая бляшка крепились к поясному ремню при помощи тонкого ремешка, охватывающего перемычку с оборотной стороны (рис. 1.-9). Они могли служить не только символическим украшением, но и использоваться как пуговицы для подвешивания предметов, хотя достоверные доказательства последнего отсутствуют. Малая полушарная бляшка с намеченной, но не отлившейся перемычкой, изначально изготавливалась с отверстием и должна была использоваться в качестве ворворки (рис. 1.-11).

Особый интерес представляют бляхи с изображениями кошачьих хищников. Не останавливаясь на характеристике этих сю-

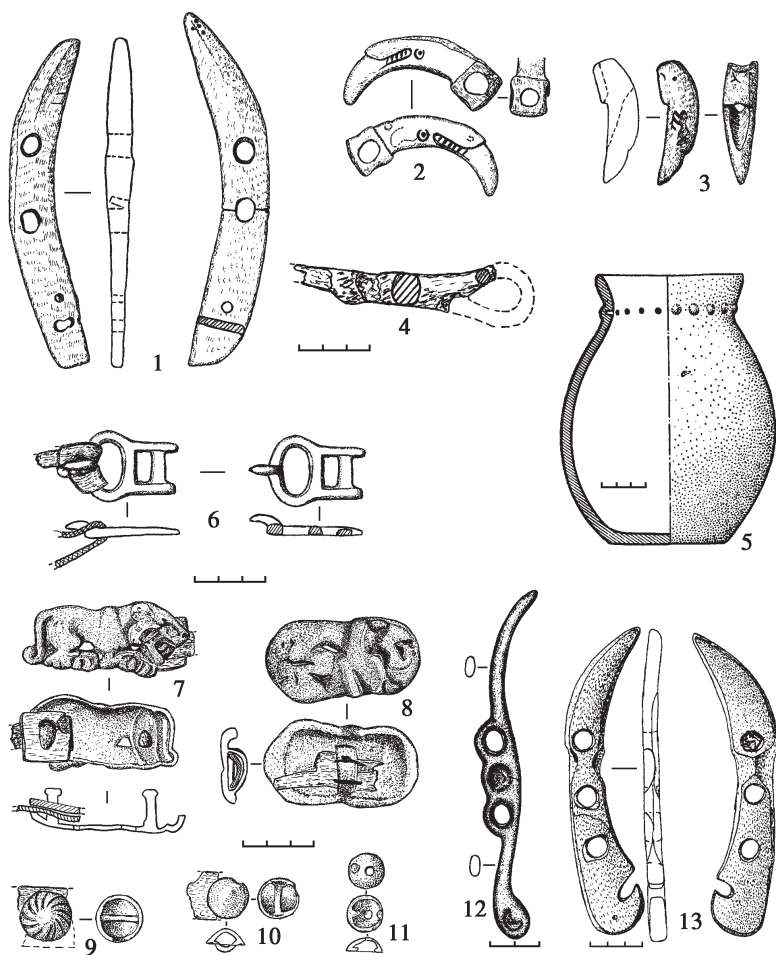

Рис. 1. Находки из кургана №1 могильника Юбилейный-2 (1-11; сосуд дается по: Могильников В.А., Уманский А.П., 1981), Маймы-19 (12; по: Киреев С.М., 1992) и Кайнду (13; по: Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004). 1-3 – рог; 4, 13 – железо; 5– керамика; 6-12 – бронза

жетов, отметим, что бляха с двумя хищниками не имела функционального значения. Она надевалась при помощи петли на поясной ремень и прихватывалась к нему сухожильными нитями. Подобные бляхи известны в захоронениях VI в. до н.э. Находка бляхи из Юбилейного на спине и остатки ремня позволяют уточнить их положение на поясе. Вторая бляха, с характерными для раннескифского времени двумя шпеньками с оборотной стороны, служила соединителем двух концов ремня, совмещавшихся на одном из шпеньков (рис. 1.-7). Аналогичные шпеньки имеются у поясных подковообразных пряжек из захоронений в Туве конца VII – 1-й половины VI вв. до н. э. (Кызласов Л.Р., 1979; Семенов Вл. А., 2001; и др.), которые, по всей видимости, выполняли роль прорезных обойм для подвешивания тяжелых предметов. Но вместо имеющейся у них большой дуги, явно рассчитанной на пропускание широкого ремешка, в пряжке из Юбилейного-2 лишь два небольших отверстия, которые, впрочем, также могли использоваться для подвешивания. По реконструкции из кургана Аржан-2 (доклад К.В. Чугунова 2004 г. в Барнауле) подковообразные пряжки использовались в системе проходящего через плечо портупейного ремня. Не исключая вероятности их применения таким образом, отметим, что реальных оснований для подобных реконструкций в других комплексах авторам не известно.

Некоторые итоги. Обнаружение раннего уздечного набора с трехдырчатыми псалиями в Юбилейном-2 указывает на большую, нежели предполагалось ранее, древность как кургана №1, так и самого начала формирования быстрианской культуры. Нельзя с уверенностью исключить и другое вполне логичное объяснение, что данная традиция могла некоторое время сохраняться. Однако в обоих известных случаях в ранних пазырыкских и быстрианских комплексах трехдырчатые конструкции уже были анахронизмом – псалий из Кайнду использовался как двухдырчатый, а на псалии из Маймы-19 намеченное третье центральное отверстие лишь дань традиции (рис. 1.-12, 13; Киреев С.М., 1992; Мамадаков Ю.Т., 2003). Таким образом, имеются веские основания для отнесения уздечного набора из Юбилейного-2 к 1-й половине VI в. до н.э. и считать его одним из самых ранних в родственной быстрианской и пазырыкской культурах. Данный вывод, на наш взгляд, имеет большое значение и для датировки деталей поясной фурнитуры, подобно найденной в кургане №1. Такого рода бляхи с изображениями кошачьих хищ-

ников, пряжки-застежки, полушарные и конические бляшки известны не только в Туве, но и далее к востоку, что в перспективе позволяет синхронизировать находящиеся там памятники с алтайскими.

А.Б. Шамшин

Алтайский государственный университет, Барнаул

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ И СТЕПНОМ ОБЪ-ИРТЫШСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ*

К настоящему времени степень археологической изученности Барнаульского Приобья и степной Кулунды можно назвать удовлетворительной. Сегодня можно говорить примерно о 80 памятниках ирменской и корчажкинской культур, занимающих в основном право- и отчасти левобережное Алтайское Приобье и располагающихся чаще всего на границе Приобского бора и обской поймы. Таким образом, абсолютное большинство их «привязано» к р. Оби и устьевой части ее притоков. Реже памятники этих культур известны по обским притокам значительно выше по их течению от устья.

Большинство известных поселений и могильников эпохи поздней бронзы Барнаульского Приобья концентрируются в крупные археологические микрорайоны (АМР), между которыми встречены лишь единичные объекты. На сегодняшний день выделяются девять таких микрорайонов с юга на север по течению Оби: Бийский, Верх-Озерновский, Иткульский, Камышенский, Фирсовский, Речкуновский, Кротовский, Быковский, Каменский, причем в трех из них – Иткульском, Фирсовском и Речкуновском – присутствуют памятники как корчажкинской, так и ирменской культур, в то время как в остальных преобладают ирменские (Шамшин А.Б., 2004, с. 101–104).

В степной Кулунде (на территории современного Алтайского края) известно около 50 позднебронзовых, прежде всего саргаринских, памятников, концентрирующихся в трех микрорайонах: Бурлинском, Чернокурьянском и Рублевском (Шамшин А.Б., 2004, с. 104–105). Другие объекты единично разбросаны по всей остальной территории Кулунды. Отдельные саргаринские памятники встречаются и за пределами Кулундинской степи, например, на Алее – поселения Катково и Песьянов Мыс (Иванов Г.Е., 2005, с. 52–53) или на

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00475а).

Оби и в устьях ее притоков – поселения Заковряшино-I (Шамшин А.Б., 1991, с. 141, 143–146, рис. 4), Большой Лог-I (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, с. 43, 53) и др. Д.В. Папин и А.С. Федорук (2005, с. 148) в своей сводке памятников поздней бронзы Кулунды называют 46 таких объектов. Они также отмечают неравномерность их распространения и указывают, что они локализуются на границе степи с ленточными борами и лесостепью и у пойм рек древнего стока при обязательном наличии рядом водоема (озера, протоки, реки, болота) (Папин Д.В., Федорук А.С., 2005, с. 148–149). В Барнаульском Приобье саргаринские материалы нередко залегают вместе с ирменскими (Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 1999). Однако в свою очередь известны и ирменские памятники в зоне распространения саргаринской культуры, например, поселение Крестьянское-IX (Иванов Г.Е., 1990), находящееся в Чернокурьянском АМР.

Все АМР расположены на наиболее удобных, с точки зрения хозяйственной деятельности населения, территориях. Если корчажкинские микрорайоны занимают преимущественно участки правобережья и связаны с обской системой и правобережным обским бором, то ирменские в первую очередь соотносятся с участками широкой обской поймы, хорошо пригодной для скотоводства (Шамшин А.Б., 2004, с. 105).

Что касается саргаринских поселений, то они тяготеют также к поймам рек Бурлы (Новоильинка) или Кулунды (Жарково-I), либо к озерным террасам и песчаным гривам на берегах озер чаще всего при впадении в само озеро или его залив небольшого водотока (Рублево-VI, Калиновка-II, Курейка-III и др.).

Среди важнейших проблем, остающихся на сегодняшний день дискуссионными, можно назвать вопросы культурогенеза и культурных связей, а также социально-экономического развития населения региона в эпоху поздней бронзы.

Если сам характер историко-культурных процессов в Барнаульском Приобье в эпоху поздней бронзы в целом сегодня достаточно хорошо изучен, то механизмы конкретных контактов разнотипного населения еще требуют уточнения. Важнейшим историческим фактором здесь стало взаимодействие носителей ирменской и корчажкинской культур. Интеграционные процессы между ними привели к созданию новой общности – большереченской культуры переходного времени (Шамшин А.Б., 1988, с. 113–115). Но каков был механизм самих контактов? Мы отмечаем тесные хозяйственные связи корчажкинского населения и носителей ирмен-

ской культуры (Шамшин А.Б., Гальченко А.В., 1997, с. 95). Есть серьезные основания говорить об этническом (брачном?) взаимодействии андроновидного и ирменского населения (Тур С.С., Фролов Я.В., 2001, с. 104–106). Нередко мы фиксируем смешение корчажкинских и ирменских материалов в культурных слоях одних памятников, в том числе в зольниках (Фирсово-XVIII, Казенная Заимка, Милованово-III). Однако многие детали этого важнейшего исторического процесса остаются еще не совсем понятными.

Не менее дискуссионной является и отдельная проблема взаимодействия саргаринского и бегазы-дандыбаевского населения в степной Кулунде. Несмотря на значительные новые материалы, полученные здесь в последние годы, она еще далека от своего разрешения. Неоднозначно оценивается исследователями и сам бегазы-дандыбаевский феномен и его связи с миром андроновидных культур Западной Сибири. Детальный анализ сложившейся тогда ситуации дан в концептуальной работе В.В. Боброва (2002).

Сам факт открытия в Северной Кулунде В.С. Удодовым (1994, с. 11–13) памятников бурлинского типа поставил на повестку дня не только вопрос о далеких южных среднеазиатских связях населения Кулунды эпохи поздней бронзы, но и проблему его культурной неоднородности. Решение последнего вопроса во многом осложняется практически полным отсутствием погребальных памятников указанных культурных образований на этой территории.

Дискуссионным остается и культурогенез всех рассмотренных выше культур Обь-Иртышского междуречья эпохи поздней бронзы. Так, по-прежнему во многом не ясен как сам процесс формирования корчажкинской, равно как и других андроновидных культур в Верхнем Приобье, так и пути и время проникновения на эту территорию составляющих ее компонентов: андроновского и гребенчато-ямочного (Шамшин А.Б., 2002; 2004, с. 163, 169).

Своеобразными и до сих пор не имеющими аналогов в Обь-Иртышском междуречье остаются материалы, близкие к черкакульским, полученные на поселении Калиновка-II в Чернокурьянском АМР (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 108, 111, 113, 115; Иванов Г.Е., 2000, с. 73–75, 79–83; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2004), что показывает значительную вариабельность андроновидного массива этой территории и большую роль миграционных процессов в это время.

Не менее проблемным представляется сегодня и культурогенез ирменского населения. В этом году мы отмечаем «полувековой

юбилей» со времени выделения ирменской культуры Н.Л. Членовой. Большинство исследователей, занимающихся проблемами эпохи бронзы, соглашались с основными компонентами, входящими в ее состав. Это андронидное население, степные культурные группы, видимо, близкие ранним саргаринским (носители валиковой и воротничковой керамики) и, возможно, бегазы-дандыбаевским общностям, и какой-то «карасукоидный» компонент. Но опять же конкретный ход культуругенетических процессов, время и место формирования ирменской культуры до сих пор не являются общепризнанными.

Не меньше сложностей вызывает и культуругенез степных общностей данной эпохи. Для саргаринского населения Кулунды актуальным остается определение степени его самостоятельности в рамках общности КБК и самой саргаринской культуры Казахстана и локальные культурные особенности данной территории (Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 119, 123; Удодов В.С., 1994, с. 17).

Еще больше вопросов встает в связи с бурлинским типом памятников. Выделенный В.С. Удодовым (1994, с. 10–13) более десяти лет назад, он до настоящего времени остается «вещью в себе». Интенсивные работы в Кулунде последнего десятилетия не привели пока к открытию новых памятников типа Бурла-III и Кайгородка-III. Это дало нам возможность поставить вопрос о проблеме бурлинского типа как устойчивого сочетания бегазы-дандыбаевских и станковых керамических материалов (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2001, с. 67), как самостоятельного культурного образования. По крайней мере до появления новых памятников, подобных Бурле-III и Кайгородке-III, этот вопрос будет оставаться открытым.

Как показывают материалы зольника поселения Рублево-VI, возможно использование бегазы-дандыбаевских и станковых материалов в культовой практике саргаринского населения (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, с. 153–155; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2001, с. 67). Одним из наиболее вероятных объяснений появления этих находок на Алтае являются культурные связи населения Кулунды в эпоху поздней бронзы с далекими южными территориями, в частности, со Средней Азией. Близость, если не идентичность станковой керамики Кулунды материалам земледельческих культур времени Намазга-VI (Удодов В.С., 1994, с. 11; и др.) неоднократно отмечалась в литературе. Это делает необходимым объяснять данный феномен. Однако, на наш взгляд, он определяет-

ся не только сферой культурных связей, но и прежде всего общим уровнем социально-экономического развития обществ рассматриваемой нами территории.

Проблемы социально-экономического развития населения культур степного и лесостепного Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы являются еще одним важнейшим и актуальным направлением исследований. На сегодняшний день неплохо изучены хозяйственно-культурные типы носителей корчажкинской и ирменской культур (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1988; Шамшин А.Б., Гальченко А.В., 1992; Шамшин А.Б., Гальченко А.В., 1997, с. 90–106), в меньшей степени населения бурлинского типа памятников (Гальченко А.В., 1993). Только начато исследование скотоводства и охоты саргаринского населения Кулунды (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2002, с. 331–333). Однако общее представление о развитии обществ, оставивших саргаринскую, ирменскую, корчажкинскую и другие культуры эпохи поздней бронзы, остается во многом схематичным и неполным. Более того, часто эти общества рассматриваются изолированно, вне контекста общего хода исторического процесса в аридной зоне Евразии в указанный период.

На сегодняшний день нам представляется, что это развитие было значительно большим, нежели традиционно считалось, что мы имеем здесь дело с предцивилизационным уровнем существования ряда обществ. Один из ярких показателей уровня социально-экономического развития рассматриваемой территории – появление на ней хозяйственно-культурных центров (ХКЦ). Обоснование их существования и характерные признаки даны в литературе (Папин Д.В., 2001; 2003). Наиболее ярким примером такого ХКЦ на территории Обь-Иртышья является поселение Рублево-VI в Южной Кулунде. Оно отвечает всем признакам ХКЦ. Материалы его неоднократно публиковались и известны научному сообществу. Поселение не имеет укреплений, что, с одной стороны, свидетельствует о довольно спокойной военно-политической обстановке того времени, а с другой стороны, может говорить о силе оставившего этот памятник социально-экономического образования.

Уровень развития обществ в эпоху поздней бронзы подразумевает активные торговые связи. Один из таких сложившихся путей начинает просматриваться сейчас после активизации исследований в Кулундинской степи. Он связывал носителей саргаринской культуры с земледельческими центрами Средней Азии. По мнению

А.А. Ткачева, контакты саргаринских племен с оседлым среднеазиатским населением могли осуществляться через подвижные дандыбаевские группы, о чем свидетельствует наличие южного керамического импорта (Ткачев А.А., 2002, с. 206–207). Не исключено, что поселения Бурла-III и Кайгородка-III являются своеобразными «торговыми факториями» земледельческих цивилизаций Средней Азии на территории обширной варварской периферии. Напрашивается аналогия с греческими торговыми центрами на берегах Черного моря. Поиск новых таких пунктов и уточнение маршрута караванной торговли дело будущего. О караванной торговле могут свидетельствовать, в частности, кости верблюда, обнаруженные на поселении Рублево-VI (Михайлов Н.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2001, с. 416–417). Вероятно, торговля была транзитной. Через посредничество саргаринского населения она могла вестись с сопредельными территориями, в частности, с ирменцами. Так, мы знаем, что в могильнике Камышенка найдены украшения, источником происхождения которых является Передняя Азия, в частности, это бусы из бадахшанского лазурита и др. (Членова Н.Л., 1981, с. 105).

По мнению Д.В. Папина и А.С. Федорука (2005, с. 151), «...в сравнении с сопредельными регионами Западно-Сибирской лесостепи памятники эпохи поздней бронзы Кулунды демонстрируют более высокий уровень развития... Культурное влияние населения этого региона было достаточно ощутимым, особенно в материалах ирменской культуры Верхней Оби, а посредством этой культуры оно распространялось и далее на восток».

С этой точкой зрения, отчасти, можно согласиться, с той оговоркой, что обратное влияние со стороны носителей ирменской культуры также было достаточно сильным, так как сам уровень социально-экономического развития ирменского общества представляется немного уступающим саргаринскому.

Д.В. Папин и А.С. Федорук (2005, с. 151) безусловно правы в том, что Кулундинскую степь надо рассматривать «... как особую историко-культурную область, исторические явления в которой во многом были обусловлены **контактным расположением** между Западной и Южной Сибирью и степными пространствами Центральной Азии». Эта геополитическая выгода, близость к крупным земледельческим центрам, делала носителей саргаринской культуры ближней периферией цивилизаций со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В корчажкинских микрорайонах не обнаружены крупные поселения с признаками ХКЦ. Напротив, целый ряд ирменских и саргаринских микрорайонов имеют такие центры. Все они связаны со скотоводческой формой хозяйства (Шамшин А.Б., 2004, с. 105–106).

Появление крупных хозяйственно-культурных центров в эпоху поздней бронзы, с одной стороны, свидетельствует о быстром и динамичном развитии общества на юге Западной Сибири в это время. А.И. Мартынов определяет период с середины III тыс. до н.э. до VII в. до н.э. в степном евразийском поясе как протоцивилизационный (Мартынов А.И., 2003, с. 10–11). Эпоха поздней бронзы является завершающим его этапом. Ее можно соотнести с периодом формирования протогородской цивилизации прежде всего в степных районах Евразии. Однако процесс этот остался незавершенным в силу как внутренних, так и прежде всего внешних факторов (Шамшин А.Б., 2004, с. 106).

Ю.В. Ширин

*Историко-архитектурный
музей «Кузнецкая крепость», Новокузнецк*

ГОРНАЯ ШОРИЯ В АРЕАЛАХ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Разнообразные таежные ландшафты северо-алтайского низкогорья, в том числе и Горная Шория, были хорошо освоены человеком еще в раннем голоцене. К сожалению, пока трудно судить о степени культурной однородности Горной Шории в ту эпоху. Высказанная в конце 1960-х гг. концепция существования в Обь-Енисейской лесостепи единой неолитической культуры (Аникович М.В., 1969) до сих пор не получила достаточного источникового подкрепления. В то же время выявленные за последние 20 лет на территории Горной Шории типологически разнородные керамические комплексы эпохи ранней бронзы не позволяют исключать наличия, по крайней мере здесь, более сложной культурной ситуации и в предшествующую эпоху. Кроме того, следует учитывать, что Горная Шория в культурном отношении не является географическим изолятом. Она во все эпохи органично включается в более обширные культурные ареалы. Наиболее активные связи население Горной

Шории обычно устанавливает через бассейн р. Томи с Кузнецкой котловиной, а через бассейн Чумыша и притоки Бии – с Верхним Приобьем и Обь-Иртышским междуречьем. Следует отметить, что население Горной Шории могло пополняться и выходцами из соседних предгорных районов Минусинской котловины, Западных Саян, северо-западной Тувы. В то же время через Горную Шорию проходили транзитные маршруты, связывающие Горный Алтай и Минусинскую котловину.

На фоне активного введения в научный оборот данных по эпохе ранней бронзы лесостепных регионов юга Западной Сибири ощущается острая нехватка сведений по культурной ситуации в таежных ландшафтах Северного Алтая и Горной Шории. Известные к настоящему времени материалы опубликованы лишь фрагментарно в работах обзорного и ознакомительного характера, в которых имеются краткие сведения только о трех многослойных поселениях Горной Шории, содержащих материалы эпохи ранней бронзы – Мундыбаш-1 (р. Кондома), Печергол-2, Усть-Анзас-1 (р. Мрассу), (Бобров В.В., 1992, с. 9, 1994, с. 170; Ширин Ю.В., 1997, с. 141–142, рис. 1; Бобров В.В., Ширин Ю.В., 2003, с. 109–115). Прежде чем рассмотреть особенности керамических комплексов Горной Шории эпохи ранней бронзы, немного дополним уже опубликованные материалы сведениями о памятниках, обследованных автором в бассейне рек Мрассу и Кондомы в последние годы.

Поселение Мзас-1. Расположено на левом берегу Мрассу в 250 м выше по течению от устья Мзас. Низкий пойменный участок устья р. Мзас в этом месте повышается и переходит в первую террасу высотой до 5 м. Поверхность террасы чистая, но сильно разрушена трелевочными тракторами во время сплава леса. На разрушенном участке найдены фрагменты керамики и кремневые сколы. Керамика имеет слабый обжиг, орнаментирована отступающей и шагающей гребенкой, прочерченными зигзагами (рис. 1.-1–3).

Поселение Мзас-5. Расположено на левом берегу Мрассу, в 1,8 км выше устья р. Мзас, на краю наиболее высокого участка пойменной террасы, высотой 6–7 м от уреза воды. На протяжении 100 м вдоль обнажения берега, на уровне –20–40 см от современной поверхности найдены фрагменты слабообожженной керамики, а также кремневые сколы. Керамика представлена крупными слабопрофилированными горшками с приостренны-

ми венчиками. В орнаментации использованы ногтевые насечки, длинная пунктирная гребенка, шагающая гребенка, ямки, прореченные линии (рис. 1.-4-8). Большая часть материалов этого поселения может быть соотнесена с керамическими комплексами крохалевского типа.

Поселение Тельбес-Джелсай. Расположено на восточной окраине г. Таштагола, в устье р. Тельбес – правого притока Кондомы. Высота правого приустьевого участка, где расположено поселение, около 3 м от уреза воды. Вдоль обнажения берега собраны фрагменты керамики, отбойники, отщепы и орудия из алевrolита. В слое коричневой супеси на уровне – 30–35 см от современной поверхности найден развал крупного сосуда с примесью песка в тесте. Он баночной формы, украшен гребенчатым узором со сложной композицией из сгруппированных горизонтальных и зигзагообразных оттисков, разделенных полосами гребенчатых наколов. В зоне шейки наколоты ямки, по три в группе (рис. 1.-9).

Поселение Мунжа. Расположено на правом берегу Кондомы напротив устья р. Мунжа. В обнажении первой террасы высотой более 4 м от уреза воды, на глубине – 55 см от современной поверхности найдены фрагменты керамики слабого обжига с примесью песка в тесте. Среди них фрагмент венчика баночного сосуда с уплощенным срезом. Вдоль обреза венчика нанесен ряд оттисков уголка лопатки, ниже полоса из плотно поставленных вертикальных оттисков гребенки (или несколько рядов горизонтальных оттисков), а в зоне шейки – ряд редких жемчужин, разделенных круглыми ямками. Мелкие фрагменты от тулова украшены печатными оттисками гребенки. Данная керамика (рис. 1.-10) имеет сходство со второй группой керамики, выделенной в Барнаульско-Бийском Приобье на поселении Костенкова Избушка (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 102, 103).

Поселение Мундыбаш-1. Расположено в пос. Мундыбаш Таштагольского района на правом берегу Кондомы, в устье р. Тельбес, на первой террасе высотой 4–5 м от уреза воды. Впервые памятник был обследован С.В. Маркиным в 1979 г. (Маркина Н.Т., Маркин С.В., 1985, с. 61). В 1988 г. на поселении Мундыбаш-1 нами были проведены сборы вдоль обнажения берега на протяжении 165 м. На мысу в устье Тельбеса был заложен разведочный раскоп площадью около 30 кв. м. Здесь были выявлены разнокуль-

турные и разновременные комплексы эпохи ранней (рис. 1.-11–16) и развитой бронзы, раннего и позднего средневековья. В настоящее время большая часть поселения практически полностью уничтожена при строительстве автомобильного моста по трассе Новокузнецк–Таштагол. В сборах, кроме фрагментов керамики, были найдены каменные и бронзовый топоры, кремневые отщепы и орудия (Ширин Ю.В., 2004, рис. 1.-3–5).

Керамические комплексы таежной Горной Шории имеют сходство с частью поселений степной зоны Кузнецкой котловины. Прежде всего это керамика так называемого крохалевского типа. В Горной Шории не встречено ложнотекстильной керамики. Она иногда сопутствует комплексам с ногтевыми насечками и пунктирной гребенкой на поселениях степной и лесостепной зон Кузнецкой котловины (Сапогово-5, Пашкино-1), на Верхнем Чумыше (Кандалеп-1). Но обычно ложнотекстильная керамика встречается отдельно (Кузнецк-1/2, Усть-Уроп-1) (Ширин Ю.В., 1994, с. 23; Ширин Ю.В., 2004, с. 376). По мнению В.В. Боброва, подобное распределение керамических комплексов не случайно и относит керамику с насечками к крохалевской культуре достаточно условно. Сходные наблюдения сделаны Ю.Ф. Кирюшиным на материалах Верхнего Приобья, где керамике с ногтевыми насечками пока также условно дано название – керамика крохалевского типа (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 94).

Сочетание на керамике крохалевского типа с насечками и пунктирной гребенкой прочерченной техники (заштрихованные геометрические фигуры) не исключает адаптацию в ее орнаментальной традиции культурных стереотипов, характерных для энеолита Прииртышья. В предгорьях Горной Шории (пос. Митино-4) встречается и известная на более ранних памятниках Прииртышья керамика с мелкозубой шагающей гребенкой, для технологии изготовления которой отмечено использование пучков волоса или шерсти (Мерц В.К., Ткачев А.А., 1998, с. 34). Культурные контакты могли осуществляться по ленточным борам и через Верхнее Приобье. Как отмечает Ю.Ф. Кирюшин (2002, с. 93–94), памятники с керамикой крохалевского типа в Обь-Иртышье также известны.

Горная Шория расположена между Горным Алтаем и Минусинской котловиной – двумя ареалами, относимых к одной из наиболее ярких энеолитических культур Южной Сибири – афанасьевской. При этом в таежном ландшафте Горной Шории не встречено

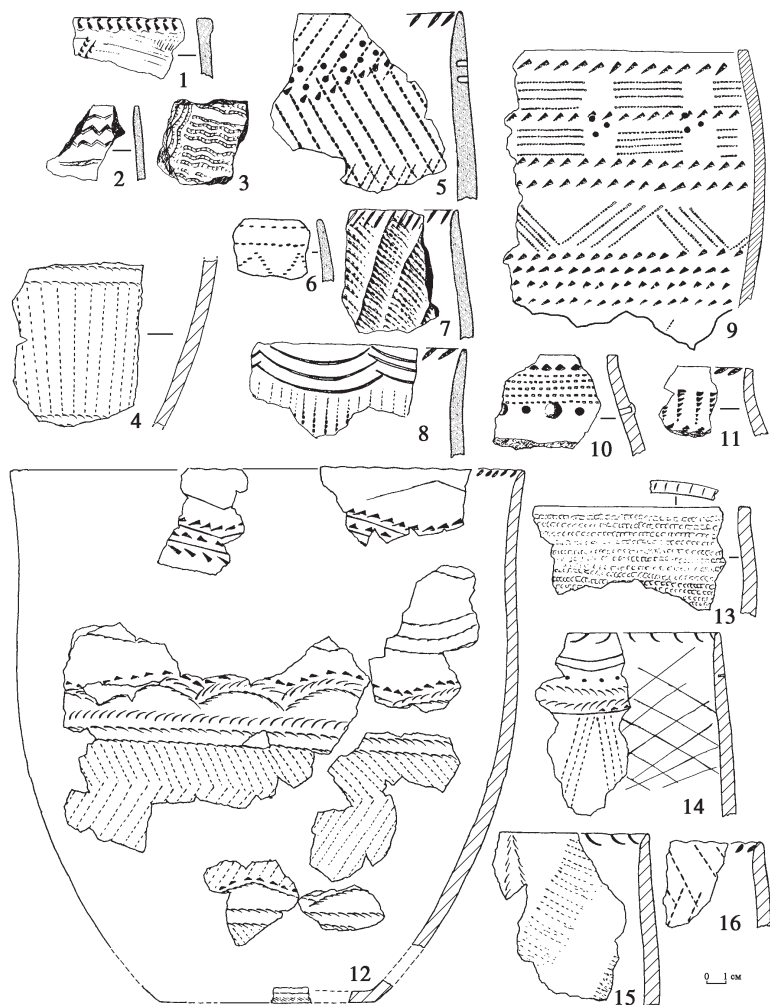

Рис. 1. Керамика эпохи ранней бронзы
с многослойных поселений Горной Шории:
1-3 – Мзас-1; 4-8 – Мзас-5; 9 – Тельбес-Джелсай;
10 – Мунжа; 11-16 – Мундыбаш-1

не только собственно афанасьевских комплексов, что вполне объяснимо, но и обычных для предгорий Кузнецкой котловины комплексов ирбинского и большемысского типов. Можно предполагать лишь влияние большемысской культуры на характер орнаментации некоторых более поздних таежных памятников Горной Шории. В частности, это можно наблюдать в материалах поселения Мундыбаш-1. В орнаментации раннебронзовой керамики поселения Мзас-1 отмечены признаки, свойственные керамике некоторых памятников Верхнего и Томского Приобья, происхождение которых можно связывать с поздненеолитическими комплексами Прииртышья. На большинстве раннебронзовых поселений Горной Шории встречается и керамика, украшенная печатными оттисками крупнозубой гребенки. Но наиболее типичные комплексы с подобной орнаментацией (ямочно-гребенчатые) характерны уже для местных памятников периода развитой бронзы.

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ

А.В. Варенов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

К ДАТИРОВКЕ СЕВЕРОКИТАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦИНЛУНСКОГО ТИПА С «КАРАСУКСКИМИ» НОЖАМИ*

Наиболее известный памятник эпохи бронзы в Китае – Иньское городище в районе г. Аньяна (Иньской), относящееся к эпохе Шан-Инь, или, в абсолютных датах, к XIII–XI вв. до н.э. В погребении М539 могильника Дасыкунцунь из Аньяна обнаружено 72 единицы бронзового оружия и снаряжения, которые включали «карасукский» дугообразно-обушковый нож с овально-кольцевым навершием с тремя выступами и петелькой под навершием (рис. 1.-I: 1); боевой топор (рис. 1.-I: 2); секиру с обухом и бойком, украшенными маской *тао-те* (рис. 1.-I: 3); четыре кельта, в том числе большой (рис. 1.-I: 6) и малый (рис. 1.-I: 4) кельты-топоры и два кельта-тесла (рис. 1.-I: 7, 8); 13 клевцов, в том числе 12 изогнутообушных с фигурным обухом (рис. 1.-I: 10, 11) и один прямообушный с закругленным обухом с шипом (рис. 1.-I: 12); 50 наконечников стрел с упором (рис. 1.-I: 4); наконечник копья бронебойного типа (рис. 1.-I: 9) и «модель ярма» (Ян Сичжан, 1992, с. 509–517). Керамика и бронзовые сосуды из погребения М539 в Дасыкунцуне датируются II периодом существования Иньского городища. II период существования Иньского городища по исправленной хронологии Аньяна соответствует времени правления четвертого иньского вана У-дина (1238–1180 гг. до н.э.) и его сыновей Цзу-гэна (1179–1173 гг. до н.э.) и Цзу-цзя (1172–1140 гг. до н.э.), т.е. 1-й половине XII в. до н.э. (Варенов А.В., 2003, с. 292). В погребении М539, помимо часто встречающихся в Аньяне видов оружия, найдены боевой топор и нож с кольцевым навершием с тремя выступами, редкие для Аньяна. Они привнесены в Аньян из северных районов иньской периферии. Аналогичное сочетание оружия – «карасукский» нож с кольцевым навершием с тремя выступами и боевой топор, есть в оружейныхкладах из Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1962), из Янхэ уезда Синчэн провинции Ляонин (Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань, 1978) и из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун провинции Ляонин (Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996).

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №03-01-00667).

И в Чаодаогоу, и в Янхэ обнаружено по три ножа с кольцевым навершием (рис. 1.-III: 5–7; IV: 11–13), в том числе по одному ножу с кольцом с тремя выступами (рис. 1.-III: 6; IV: 11), по боевому топору с короткой трубчатой втулкой (рис. 1.-III: 2; IV: 10) и по проушному клевцу с длинным обухом (рис. 1.-III: 1; IV: 9). В Чаодаогоу найден также «карасукский» нож с бубенчиковым навершием (рис. 1.-III: 8), нож с навершием в виде головы козерога (рис. 1.-III: 3) и кинжал с навершием в виде бараньей головы (рис. 1.-III: 4). В Янхэ к основному набору добавлен большой бронзовый крюк (рис. 1.-IV: 14). В состав клада из Фэнцзяцунь входили 48 бронзовых изделий, не все из которых изображены на рисунке (рис. 1.-II). Они включали 18 «карасукских» ножей (рис. 1.-II: 1–9), 13 кельтов (рис. 1.-II: 22–30), 13 проушных клевцов с длинным обухом (рис. 1.-II: 10–17), два боевых топора (рис. 1.-II: 18, 20) и два изделия с тремя шипами (рис. 1.-II: 19, 21) (вероятно, подтоки к боевым топорам). Ножи из Фэнцзяцунь делятся на четыре типа. Один нож со шляпковым навершием (рис. 1.-II: 9), пять ножей с трехкнопочным кольцевым навершием (рис. 1.-II: 6–8), десять ножей с кольцевым навершием (рис. 1.-II: 3–5) и два ножа с навершиями рукояти в виде кольцевого расширения миндалевидной формы (рис. 1.-II: 1, 2). Обращает на себя внимание процентное соотношение в рассматриваемых оружейных кладах ножей с трехкнопочным кольцевым навершием и ножей с простым кольцевым навершием. В Чаодаогоу и в Янхэ найдено по одному ножу с трехкнопочным кольцевым навершием, и по два ножа с простым кольцевым навершием. В Фэнцзяцунь встречено пять ножей с трехкнопочным кольцевым навершием и 10 ножей с простым кольцевым навершием. Следовательно, соотношение двух типов ножей во всех случаях оказывается 1:2, что, видимо, не является случайностью, и сближает клады из Чаодаогоу, Янхэ и Фэнцзяцунь между собой. По уезду, где была сделана первая находка, этот тип памятников назван нами Цинлунским (Варенов А.В., 1987, с. 39–40; 1995, с. 30, 31).

Что касается датировки комплексов Цинлунского типа, то похожие на цинлунские проушные клевцы с таким же контуром усиленного ребром жесткости бойка с коротким обухом встречены в погребениях M17 и M38 раннешанского могильника Тайси в уезде Гаочэн провинции Хэбэй. Функционирование шанского могильника в Тайси соответствует времени от верхнего (до-аньянского) слоя культуры Эрлиган до раннего периода иньской культуры (Шанская стоянка Тайси, 1985, с. 11, 14). Это позволяет рассматривать их

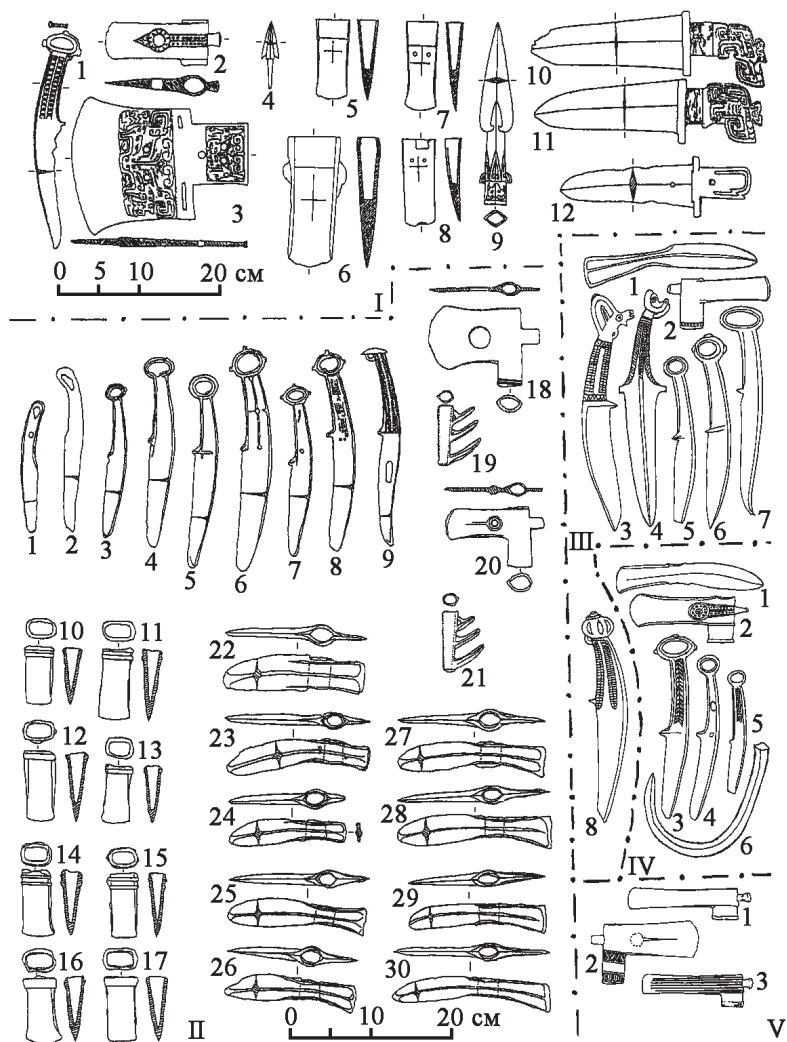

Рис. 1. Комплексы Цинлунского типа в Северном Китае.
 I – из погребения M539 в Дасыкунцунь в Аньяне.
 II – из Фэнцзяцунь в уезде Суйчжун пров. Ляонин.
 III – из Чаодаогоу в уезде Цинлун пров. Хэбэй. IV – из Янхэ
 в уезде Синчэн пров. Ляонин. V – из Дахунци в уезде Синьминь
 пров. Ляонин. Все даны в одном масштабе
 (все прорисовки и масштабирование выполнены автором)

как исходные формы для короткообушных проушных клевцов из Фэнцзяцунь, которые в свою очередь положили начало длиннообушному оружию из Чаодаогуо и Янхэ. Боевые топоры Цинлунского типа принадлежат в группе AIV по классификации М. Лера (Варенов А.В., 2004а, с. 73–75). В эту группу он включил изящные боевые топоры с длинным стройным клиновидным бойком с отверстием, окруженным кольцом с маленькими кнопками и/или нижней частью втулки с канелюрами. Самый поздний в группе AIV – топор из коллекции в 12 образцов оружия, хранящейся во Фрееровской галерее искусств – был найден в уезде Цзюньсянь (северная часть провинции Хэнань) и датирован ранним Западным Чжоу, около 1000 г. до н.э. (Варенов А.В., 2004б, с. 11–18). Так что все три комплекса, и в Чаодаогуо, и в Янхэ, и в Фэнцзяцунь, должны быть древнее и относиться к иньскому периоду шанской эпохи. Три боевых топора, отчасти схожих с цинлунскими, обнаружены в Дахунци уезда Синьминь провинции Ляонин (Инь-чжоуские бронзы, 1977, с. 33; рис. 1. V).

Небольшой нож с «хвостатым» выгнутообушковым клинком и с миндалевидным отверстием в рукояти, аналогичный ножам IV типа из Фэнцзяцунь, встречен в кладе бронзовых изделий, найденном в Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района (Варенов А.В., 1997, с. 170, 171). В комплексе из Хуаюань присутствовал также крупный дугобразнообушковый нож с навершием в виде головки козерога, аналогичный козлиноголовому ножу, найденному в Чаодаогуо. Похож он и на нож с козлиноголовым навершием из могилы Фу-хао в Аньяне, датирующийся рубежом XIII–XII вв. до н.э. (Могила Фу-хао, 1980). Вероятнее всего, что и комплекс бронзовых изделий из Фэнцзяцунь относится к эпохе Шан, т.е. XIII–XI вв. до н.э. (Варенов А.В., 2004в, с. 209, 210). Ножи с кольцевым навершием с тремя выступами, помимо памятников Цинлунского типа, бытуют только в Аньяне (так называемая могила слона, погребения M539 из Дасыкунцуня и M164 из сектора С Сяотуня), а также в комплексах Хоуланьцзягоу (Го Юн, 1962) и Эрланпо (Бронзовые Шан-чжоуские изделия, 1958), оба из уезда Шилоу провинции Шаньси, относящихся к иньскому времени. Такие ножи никогда не попадают в период Западного Чжоу. Например, нож с кольцевым навершием с тремя выступами найден на стоянке Ванхуа, что расположена в городе Фушунь провинции Ляонин (В городе Фушунь, 1981, с. 190). Для керамики со стоянки Ванхуа в 1980 г. термолюминесцентным методом получена абсолютная дата 3090 ± 100 лет тому назад, т.е. конец XII в. до н.э. (Ван Сюянь, 1983, с. 61).

Комплексы с козлиноголовыми ножами обнаружены на территории Китая в Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района (Ван Бинхуа, 1986, с. 188–190), в Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй (Чжэн Шаоцзун, 1962, с. 645), в Яньтоуцунь уезда Суйдэ провинции Шэньси (Хэй Гуан, Чжу Цзеюань, 1975, с. 82–87), в могиле Фу-хао в Аньяне, провинции Хэнань (Могила Фу-хао, 1980, с. 103), в погребении НРКМ 1311 из Хоуцзячжуана, тоже в Аньяне (Ли Цзи, 1949, с. 35), на стоянке Ваньлюцзе уезда Факу провинции Ляонин (Пэй Юэцзунь, Сюй Чжиги, Цао Гуйлинь, Чжоу Сяньюн, 1990, с. 39), и в виде ряда случайных находок. Ножи с козлиноголовым навершием встречаются в комплексах как раннеиньского времени (могила Фу-хао), так и позднеиньского времени (Яньтоуцунь в уезде Суйдэ провинции Шэньси). «Карасукский» нож с бараньеголовым навершием обнаружен в погребении М2 могильника Цзинцзецунь, что в уезде Линши провинции Шаньси, в ее центральной части (Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ, 1986). Временем создания погребения М2 в Цзинцзецунь является конец III – начало IV периодов существования Иньского городища. В абсолютных датах, по исправленной хронологии Аньяна, это соответствует эпохе правления ванов Вэнь-дина (1094–1084 гг. до н.э.) и Ди-и (1084/1080 – 1060/1050 гг. до н.э.), т.е. первой половине XI в. до н.э. (Варенов А.В., 2004г, с. 216). Таким образом, все перечисленные комплексы надежно датируются эпохой Шан-Инь, т.е. XIII–XI (реально XII–XI) вв. до н.э.

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ НОМАДОВ

Применение концепции традиционных обществ кномадам древности и средневековья требует более или менее четкого определения наиболее важных параметров традиционных социальных систем кочевников. Это особенно важно с учетом той ситуации, что сама теория традиционных обществ разрабатывалась на материалах земледельческих обществ и некоторые конкретные показатели, такие как преимущественно аграрный характер, замкнутость производственных циклов, политическая автаркия и др., не могут быть определяющими.

В целом общества кочевников можно охарактеризовать как дословные традиционные общества с ведущей ролью свободного населения в важнейших видах социальных практик (экономической, правовой, военной и др.). В применении к кочевникам необходимо учесть, что в кочевом мире не было четких юридических дефиниций, которые бы позволили ученым определить границы между такими понятиями, как «свободный», «зависимый», «несвободный». Тем не менее мы можем выделить широкий набор признаков, позволяющих говорить о формально «свободном статусе» значительной части кочевников: 1) ведение кочевого хозяйства/участие в процессе кочевания, выпасе скота и других видах хозяйственной деятельности как члена семейно-хозяйственного коллектива (айла); 2) обладание оружием, присутствие на военных смотрах и участие в набегах, продолжительных военных походах и обороне кочевий; 3) участие в совместных клановых, племенных и надплеменных ритуализированных мероприятиях политического, правового и религиозно-культурного характера; 4) близость погребальных обрядов рядовых кочевников и представителей элиты, за исключением, естественно, захоронений лидеров крупных кочевых объединений; 5) правовые гарантии, которые традиционно давала принадлежность того или иного кочевника к определенному сегменту общественной системы (семья, клан, линидж). В итоге «свобода» кочевника представляла собой несколько пересекающихся между собой «социальных плоскостей» разных уровней (семейный, хозяйственный, клановый, этнический, политический и др.). Все это создавало более или менее прочную опору для сохранения прав рядовых кочевников.

Общественные системы кочевников, как и ряда других дословных традиционных обществ функционировали циклическим способом, сочетая тенденции к усложнению и к дисперсности и так и не переходя к жестким формам словесной организации (Марков Г.Е., 1976, с. 299–301, 304–306). Важное значение имело замечание Г.Е. Маркова о том, что кочевые социумы нельзя считать первобытнообщинными и даже переходными от первобытнообщинных: «...общественная организация кочевников не была ни повторением, ни непосредственным продолжением организационной структуры обществ, находящихся на уровне первобытнообщинном» (Марков Г.Е., 1976, с. 309). Взгляд на кочевые сообщества как первобытные представляется устаревшим. В этой связи требуется пересмотр одного из главных концептов советской историографии о длительном сохранении первобытных/первобытнообщинных институтов и их пережитков в древности и средневековье. Полагаю, что стоит согласиться с мнением о том, что общества с преимуществен-

но производящими формами экономики не могут быть отнесены к первобытным. Само же наличие таких компонентов, как кланово-линейный характер общественной структуры, отсутствие расширенных форм экономического воспроизводства, племенные собрания и другие архаичные компоненты власти, которые ранее рассматривались или как непосредственные элементы первобытности или как пережитки первобытности, сейчас можно трактовать как функционально зрелые институты дословных традиционных, но не первобытных обществ. Таким образом, контуры традиционных кочевых обществ ограничивались двумя определяющими характеристиками: социальные системы номадов, с одной стороны, не были первобытными, а с другой – в них отсутствовала сословная структура. Однако было бы не верным считать общества кочевников – обществами равных. У номадов бытовали довольно сложные формы социальной стратификации и действовали многочисленные устойчивые общественные стереотипы, на основе которых и дифференцировалось свободное население. Археологические, фольклорные и письменные источники демонстрируют многочисленные показатели этой дифференциации: пол; возраст; принадлежность к клану правителя; обладание властью или особыми способностями; исполнение престижных социальных функций (правовых, культовых); военная слава; приближенность к носителю власти, положение клана, к которому принадлежал кочевник (зависимое, элитное); имущественный достаток, статус в семье и др.). Достаточно показательна в этом отношении комплексная характеристика общественной системы «пазырыкцев» (см.: Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2004). Спецификой сложных социальных систем кочевников была также межэтническая дифференциация, воплощавшаяся в иерархию родов и племен в крупных кочевых полициях (Гумилев Л.Н., 1993, с. 27, 30, 55–56, 60–63, 341–344; Савинов Д.Г., 1979; Кляшторный С.Г., 2001, с. 135; 2003, с. 486–488; Крадин Н.Н., 1996, с. 38–41, 98; 2002а, с. 179–180; Васютин С.А., 2002, с. 88, 91–92). Однако все эти стратифицирующие признаки не ведут к жестким противостоящим социальным позициям членов кочевого общества, они достаточно органично делят кочевой социум на тесно взаимодействующих исполнителей различных общественных ролей.

Картина социальной организации номадов была бы не полной, если не указать на наличие и в кочевых обществах так называемой социальной периферии зависимых людей. Но при этом важно подчеркнуть, что какие бы сложные социальные организмы ни создавали кочевники в процессе завоеваний, доля среди зависимо-

го населения собственно кочевников никогда не была значительной. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что основой общественных систем номадов являлись свободные кочевники.

Препятствием для формирования сословий у номадов выступали автономность хозяйственной деятельности, относительная свобода миграций, отсутствие в кочевых обществах развитой системы земельного владения как важнейшего фактора дифференциации в земледельческих традиционных обществах, неустойчивость политических образований, а значит и нестабильность элиты, социальная мобильность и незамкнутость окружения кочевых лидеров, вотиравших своих сторонников как по клановому принципу, так и на основе отбора наиболее талантливых в военно-административной сфере людей, причем не всегда из среды номадов. Раннеклассовая, а тем более сословная система могли сложиться только там, где государство гарантировало и/или юридически закрепляло привилегии элиты (аристократии, служилой знати, служителей культа), даже если она оставалась достаточно открытой для вотиrowания из состава рядовых номадов. Дисперсность чистого кочевого общества исключала раннего-сударственный уровень интеграции. Даже в наиболее централизованных объединениях кочевников, ограничивавших сферу своего контроля только степью, мы можем предполагать складывание неустойчивых структур сложного вождества (Крадин Н.Н., 1992, с. 171–172; 2000, с. 316, 320–334; 2002б, с. 114–123).

Необходимо подчеркнуть, что традиционность социальных систем кочевников определялась не только показательным типом общественных отношений у номадов, но и спецификой потестарно-политической системы, мировоззренческо-ментальных установок, материальной, правовой и духовной культурой.

А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал

Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск

О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ХРОНОЛОГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ*

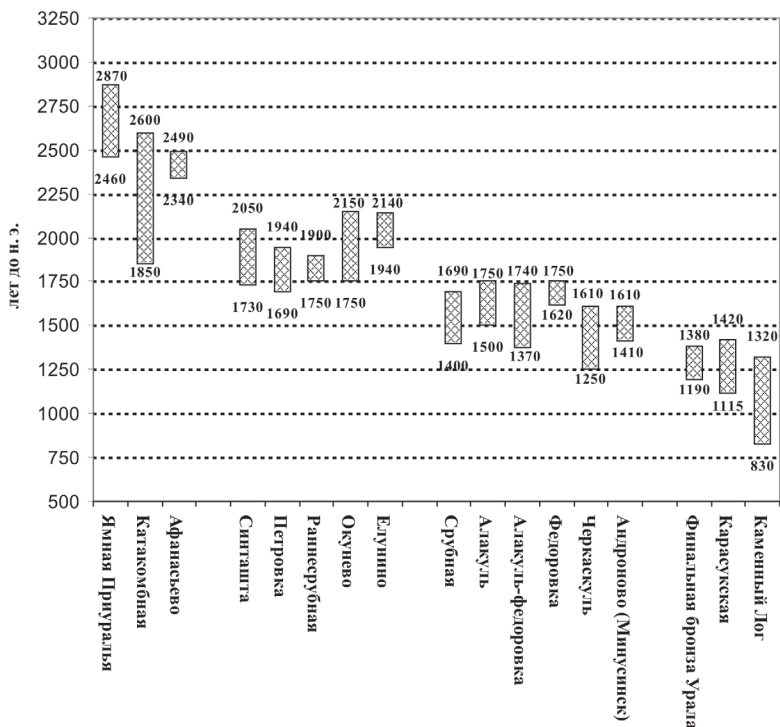
Хронологические построения традиционно занимают значительное место в исследованиях бронзового века Северной Евразии, однако о создании согласованной хронологической системы

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-85113а/У).

говорить, видимо, пока рано. Локальные шкалы, успешно применяемые в анализе конкретных материалов, часто оказываются несостоятельны (либо ограниченно пригодны) к соседним регионам. Причины такого положения коренятся в том, что в основу построений положены стратиграфический и типологический анализ. Эти хорошо зарекомендовавшие себя направления имеют тем не менее некоторые ограничения в применении. Это становится особенно очевидно при попытках прямой экстраполяции региональных периодизаций (прежде всего В.А. Городцова и К.В. Сальникова) на более широкие территории. Естественным вопросом является: возможно ли в принципе согласование локальных систем в рамках единой? Положительный ответ предполагает относительное единство процессов культурно- и социогенеза, а также их близкую динамику. Такое предположение требует самостоятельного обоснования, мы попробуем рассмотреть возможности радиоуглеродной хронологии в интересующем нас аспекте.

Урал – территория, занимающая промежуточное положение между Восточной Европой и Западной Сибирью, – в разные периоды истории оказывался задействован в крупных исторических процессах этих регионов. Наиболее очевидные примеры культурной близости дают семиреченско-турбинские и срубно-андроновские древности, наряду с которыми есть и другие. К сожалению, источниковая база радиоуглеродных анализов имеет существенные лакуны, часто культуры снабжены единичными датами, часть результатов получена в период апробации метода, нет единого стандарта публикации, практически отсутствуют соответствующие каталоги и т.д.

Недоверие к методу среди археологов, наряду с дороговизной качественных анализов остается одним из негативных факторов, препятствующих его широкому внедрению. Вместе с тем именно *серийное* датирование одних и тех же комплексов резко повышает достоверность выводов за счет создания комбинированных дат. Использование же единичных анализов неизбежно вызывает сомнения в их достоверности. Процедура суммирования вероятностей позволяет получить статистически обоснованные интервалы для культур или групп памятников. На сегодняшний день основной перспективой работы в направлении согласования систем хронологии отдельных регионов, на наш взгляд, является создание локальных радиоуглеродных колонок и их последующее сопоставление. В качестве сравнительного материала нами использованы материалы Урала (Аванесова Н.А., 1991; Кузьмина Е.Е., 1994; Матвеев А.В.,

Радиоуглеродные даты археологических культур
бронзового века Урала и Сибири

1998; Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., в печ.) и Минусинской котловины (Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004). По каждой из территорий накоплена значительная серия, охватывающая основные культуры.

Во избежание терминологической путаницы на данном этапе мы не используем традиционное деление эпохи бронзы на раннюю, среднюю и позднюю ввиду значительного расхождения в датировках и номенклатуре культур. Для Южного Урала на основании стратиграфических наблюдений выяснена последовательность культур, хотя некоторые вопросы в рамках данного метода оказались неразрешимы. В дальнейшем анализировалась совокупность радиоуглеродных дат и была сформулирована калиброванная радиоуглеродная шкала хронологии.

В обобщенном виде схема хронологии бронзового века Урала может быть представлена следующим образом. Наиболее ранние памятники бронзового века относятся к *ямной общности* (2870–2460 гг. до н.э.), с ними частично синхронизируются энеолитические памятники (4600–2600 гг. до н.э.). Следующая фаза (памятники *полтавкинского и катакомбного облика*) не обеспечена датами, однако, судя по восточноевропейским материалам, они датируются 2600–1850 гг. до н.э. (верхняя граница задана группой дат с территории Калмыкии, для которых предполагается длительное существование (Трифонов В.А., 2001)). Рамки существования *синташтинских древностей* (2050–1680 гг. до н.э.), видимо, существенно уже, поскольку около двадцати дат Аризонской и Оксфордской лаборатории дают иной интервал (1970–1770 гг. до н.э.). Близкие показатели имеет *петровская* культура (1940–1690 гг. до н.э.) и ранние срубные памятники (1900–1750 гг. до н.э.), хотя стратиграфический приоритет синташтинских памятников установлен надежно.

Срубные (1690–1400 гг. до н.э.), *алакульские* (1750–1500 гг. до н.э.), *федоровские* (1750–1690 гг. до н.э.) и синкретические (*алакульско-федоровские* (1740–1370 гг. до н.э.)) суммарные даты также не демонстрируют существенного расхождения. Следует признать, что федоровских материалов (за вычетом федоровско-черкаскульских, которые мы вслед за А.В. Матвеевым (2000) считаем поздними по отношению к собственно федоровским) явно недостаточно для окончательных выводов. Наименее ясные в плане культурного облика памятники *финала* бронзового века (Костюков В.П., Епимахов А.В., 2003; Епимахов А.В., 2004) демонстрируют достаточно высокую степень хронологического схождения (1380–1190 гг. до н.э.).

Для Минусинской котловины накоплена достойная упоминания серия, охватывающая (что для нас особенно ценно) все периоды бронзового и раннего железного веков (Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004). Последовательность культур выглядит следующим образом. Древнейший период представлен *афанасьевской* культурой (2490–2340 гг. до н.э.), далее следуют *окуневская* (2150–1750 гг. до н.э.), *андроновская* (1610–1410 гг. до н.э.) и *карасукская* с делением на два этапа: собственно карасукский (1440–1130 гг. до н.э.) и каменоложский (1350–800 гг. до н.э.). Авторы публикации, стремясь установить хронологические границы культур, использовали иную процедуру подсчета и получили дру-

гие значения: афанасьевская – 3000–2520 гг. до н.э.; окуневская – 2520–1715 гг. до н.э.; андроновская – 1715–1420 гг. до н.э.; карасукская – 1420–1115 гг. до н.э.; каменоложская – 1320–830 гг. до н.э. Такой подсчет исходит из признания а priori отсутствия между культурами лакун и, с нашей точки зрения, требует очень высокого уровня исследованности и большого числа дат.

Сопоставление двух колонок позволяет констатировать высокую степень близости в части выделения конкретных этапов, в некоторых случаях это подтверждается и другими данными. Так, происхождение афанасьевской культуры многими учеными связывается с ямным кругом; андроновские памятники входят в единую культурно-историческую общность с алакульскими и федоровскими; окуневские, синташтинские и петровские рассматриваются в рамках «горизонта колесничных культур»; находки кинжалов карасукских типов хорошо известны на Урале. Аналогичная проверка проведена нами для территории Поволжья и ее результаты могут быть оценены положительно.

Естественно, по мере накопления дат границы этапов в числовом выражении будут корректироваться (хотя вряд ли радикально), но уже сегодня мы можем сделать вывод о принципиальной возможности формулирования общей системы для степной и лесостепной части Северной Евразии (Черных Е.Н. и др., 2002). Конечно, схема такого рода не может отобразить всех нюансов конкретных территорий, но она способна определить рамки глобальных процессов и синхронизировать события, отделенные друг от друга тысячами километров. Для детализации картины требуются иные методы и процедуры.

С.С. Калиева

Сургутский государственный университет, Сургут

О РОЛИ «МЕСТНОГО» КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ПЕТРОВСКО- СИНТАШТИНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Начиная с первых этапов осмысления феномена петровских древностей, большое внимание уделялось «иноземному» импульсу в их формировании. Впервые идея «иноземного» импульса была высказана К.Ф. Смирновым и Е.Е. Кузьминой. Доказательством определяющей роли «западного импульса» явилось прослеживаемое

в материалах петровских памятников и Синташтинского могильника «влияние культур абашевской, многоваликовой керамики и особенно полтавкинской» (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 51). Позднее идея «западного импульса» была положительно воспринята Г.Б. Здановичем и С.Я. Зданович. В дополнение к «западному импульсу» они указали на возможность существования еще и «южного» (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980, с. 192; Зданович Г.Б., 1988, с. 137–139). Справедливости ради следует отметить, что К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина, Г.Б. Зданович и С.Я. Зданович называют в качестве основного этнического компонента местное допетровское население. Несколько обособленную позицию занимали в это время В.С. Стоколос и Т.М. Потемкина, которые хотя и не отрицали значения «западного импульса» для формирования петровских древностей, однако считали что импульс воздействовал на раннеалакульское, допетровское население (Потемкина Т.М., 1982, с. 52; Стоколос В.С., 1983, с. 264).

В последнее время в качестве творцов «иноземного импульса» чаще всего называются поздние ямники, полтавкинцы и катакомбники (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995, с. 52–61; Епимахов А.В., 1998, с. 34; Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю., 2000, с. 35; Зданович Д.Г., 2005, с. 17; Зданович Д.Г., 2002, с. 103). Не ясна позиция в этом вопросе абашевских древностей. Одни исследователи, начиная с Г.Б. Здановича и Е.Е. Кузьминой, признают их одним из компонентов формирования синташтинской культуры (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980, с. 191; Кузьмина О.В., 1992, с. 75), другие считают их синхронными синташтинским (Мочалов О.Д., 2003, с. 56).

В целом мы имеем ситуацию, когда тратятся большие усилия для доказательств существования «иноземного импульса» и поиска его прародины и практически ничего не делается для определения степени участия местного населения в процессе сложения синташтинско-петровских древностей Урало-Казахстанских степей. В лучшем случае участие его в этом процессе декларируется без должной аргументации. Между тем есть достаточные основания говорить о том, что процесс формирования синташтинско-петровских древностей был сугубо местным явлением. «Иноземный импульс» если и имел место быть, то только запустил процесс, который далее развивался уже самостоятельно по своим собственным законам. В пользу этого можно привести несколько блоков свидетельств:

1. Территория распространения синташтинско-петровских памятников **практически совпадает** с территорией распростране-

ния памятников южной провинции зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики (суртандинская, терсекская, ботайская культуры). Вряд ли эта ситуация возникла случайно. Случайностей такого масштаба не бывает.

2. Исследователи, говоря о ямном и полтавкинском влиянии на формирование синташтинских древностей, обычно ссылаются на находки в синташтинских памятниках сосудов с признаками ямной и полтавкинской керамики (Зданович Д.Г., 2002, с. 103–105; Малютина Т.С., 2005, с. 20–22). При этом не учитывается тот факт, что синташтинско-петровская орнаментация значительно богаче ямной и полтавкинской. Видимо, молчаливо предполагается, что развитая геометрическая орнаментация приобреталась на определенном этапе развития уже сформировавшихся синташтинско-петровских обществ, в процессе их взаимодействия с соседним населением, оставившим памятники с богато орнаментированной керамикой (КМК, абашевская, фатьяновская, балановская культуры).

Между тем в целом синхронные ямным древности южных культур энеолитической общности геометрической керамики имеют сосуды, украшенные как простыми, так и сложными геометрическими композициями. Нам уже приходилось отмечать большое сходство орнаментации этих культур с орнаментацией синташтинско-петровских сосудов и шире – алакульской керамики в целом (Логвин В.Н., Калиева С.С., 1986, с. 75–76; Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997, с. 159–160). Близость орнаментации синташтинских и терсекских сосудов достаточно наглядно представлена на рисунке 1. Фатьяновская и балановская керамика также имеет богатую орнаментацию, но она всегда выполнена в виде узких фризов, тогда как среди синташтинско-петровских достаточно заметную серию составляют сосуды с вертикальным членением орнаментального поля по тулову сосуда.

В раннекатакомбной керамике Нижнего Подонья также заметна доля сосудов с вертикальным членением орнаментального поля колонками и вертикальными цепочками ромбов (период «вертикальной композиции косо-ромбического варианта» по А.В. Кияшко (2001, с. 26, рис. 3)), но учитывая в целом более поздний возраст раннекатакомбных древностей в сравнении с культурами зауральской общности геометрической керамики и существенно меньшую разработанность геометрической орнаментации раннекатакомбных сосудов в сравнении с сосудами указанной общности, следует предполагать местные, энеолитические корни синташтинско-петровской

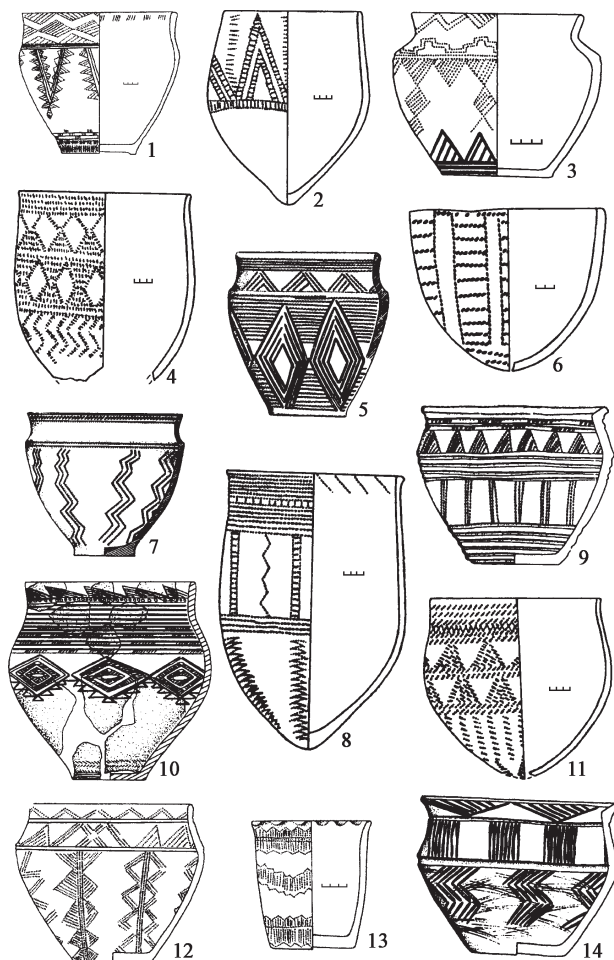

Рис. 1. Синташтинско-петровские и терсекские сосуды.

1 – могильник Бестамак, погребение 35;
 2, 8, 13 – поселение Кожай-1; 3 – могильник Токанай-1,
 погребение 9; 4, 11 – поселение Кумкешу-1; 5 – Синташтинский
 большой грунтовой могильник, погребение 36; 6 – стоянка
 Евгеньевка-2; 7 – Синташтинский большой грунтовой могильник,
 погребение 20; 9 – могильник Кривое Озеро, курган №10,
 из скопления костей животных в насыпи; 10 – Синташтинский
 большой курган-святилище, из заполнения камеры;
 12 – могильник Бестамак, погребение 7; 14 – могильник
 Кривое Озеро, курган №10, яма 19

орнаментации. Вместе с тем определенная общность орнаментальных композиций свидетельствует о возможности некоторой общности идейной сферы раннекатакомбного и позднесуртандинско-терсекско-ботайского населения, что могло существенно облегчить контакты во время воздействия «иноземного» (катакомбного) импульса.

Что касается формы сосудов, следует учитывать, что позднейшие и полтавкинские сосуды имеют очень простую форму, большей частью даже в наиболее развитых вариантах приближающуюся к баночной. Сосуды таких форм территориально и хронологически широко распространены (Мельник В.И., 1984, с. 23–27). Культурам общности геометрической керамики идея плоскодонных сосудов также была не чужда (рис. 1.-13). На поселении Кумкешу-1 найдены фрагменты четырех плоскодонных сосудов (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997, с. 76–78). Таким образом, можно говорить о решающей роли местной энеолитической орнаментации в формировании синташтинско-петровского орнаментального комплекса.

3. Энеолитическое население зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики практиковало бескурганный обряд погребения (Шорин А.Ф., 1999, с. 41–56). В теории определяющей роли «западного» импульса большое значение придается погребальному обряду. В частности, указывается на то, что в Урало-Казахстанских степях курганный обряд погребения появляется в результате ямно-катакомбного (возможно, и абашевского) воздействия в процессе становления синташтинско-петровских общин. Однако в последних широко практиковался и бескурганный обряд погребений (Синташтинский-I, Петровский, Алексеевский, Бестамакский могильники). Этот далеко не исчерпывающий список свидетельствует о восприятии новым обществом какого-то чрезвычайно важного блока сакральных представлений энеолитических предков.

В итоге следует признать, что синташтинско-петровское общество сформировано не мигрантами, а было синтезировано местным населением в условиях сопряженных во времени природных и общественных трансформаций, охвативших степную зону Евразии на рубеже III и II тыс. до н.э. При высокой контактности степного населения этой эпохи перемен процессу синтеза были подвержены все аспекты человеческой жизни: устройство общества, материальная и духовная сферы. Не исключено, что в результате именно этого синтеза сформировались основные черты общества, нашедшего отражение в Ведах.

А.А. Ковалев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
НИИ комплексных социальных исследований,
Санкт-Петербург*

**ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ
РАННЕЙ БРОНЗЫ АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Полевые исследования памятников энеолита-ранней бронзы Джунгарии и Монгольского Алтая начались в 1960-х гг. Вслед за разведкой Ли Чжэна 1961 г., в отчете о которой были впервые отображены различные типы погребальных сооружений бассейна Черного Иртыша и связанные с ними каменные статуи (Ли Чжэн, 1962, 1983), в 1963 г. И Маньбай в долине р. Чемурчек (Чемерчек) (уезд Алтай, СУАР) раскопал десять прямоугольных оград с каменными ящиками (И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981). В 1990-е гг. памятники этого типа в Северной Джунгарии были предметом исследований Ван Бо и Ван Линьшаня (1996). В результате визуальных наблюдений Ван Бо предпринял попытку классификации и датировки погребальных сооружений, а также различных видов каменных изваяний (Ван Бо, Ци Сяошань, 1996). В статье 1996 г. Ван Бо впервые предложил термин «чемурчекская культура» для характеристики памятников бронзового века севера Синьцзяна. В 1998 г. в ходе ознакомительной поездки в долину Чемурчека мне удалось обнаружить остатки раскопанных И Маньбаем сооружений и связать исследованную им ограду М2 с опубликованной впервые Ван Линьшанем и Ван Бо в 1996 г. статуей «Кайнарл 2 №2» (Kovalev A., 2000, s. 140–141). Это обстоятельство окончательно подтвердило мой вывод о синхронности большинства каменных изваяний и основных погребений в каменных ящиках чемурчекских могильников, датирующихся по аналогиям в погребальном инвентаре 2-й половиной III – 1-й третью II тыс. до н.э. (Kovalev A., 2000, s. 160). В статье, вышедшей в 2000 г. в Германии, мной были определены в качестве чемурчекских изображения быков с двумя ногами и S-видными рогами, а также каменный сосуд из Угловского района Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В., 1997) и стела из окрестностей с. Ини (Горный Алтай) (Кубарев В.Д., 1979, с. 8–10; 1988, с. 88–90), что позволило определить пределы распространения чемурчекского

населения (Kovalev A., 2000, s. 150, 152, 157, 167). В 1998–2000 гг. Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция Санкт-Петербургского государственного университета (МЦАЭ) (Российско-Казахстанский отряд, совместно с Институтом археологии НАН Республики Казахстан при участии Алтайского госуниверситета, в рамках программы «Изучение этнодемографических процессов на Алтае с древности до сегодняшних дней» (научный руководитель – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин)) произвела раскопки 12 прямоугольных оград эпохи ранней бронзы в бассейне р. Алкабек (Курчумский район Восточно-Казахстанской области) (могильники Ахтума, Айна-Булак-I и II, Копа, Булгартработы) (здесь и далее по: Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатайулы С., в печ.). В 2003–2004 гг. Российско-Монгольский отряд МЦАЭ провел раскопки шести курганов той же эпохи близ с. Булган Ховд аймака (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четырех прямоугольных погребальных оград в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака (могильники Кулала-ула (Хул уул), Кургак-гови (Хуурай говь), Кумди-гови (Хундий говь), Кара-тумсик (Хар хошуу)) (здесь и далее по: Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., в печ.; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Варенов А.В., в печ.). Результаты вышеуказанных разведок и раскопок говорят о большом разнообразии в формах погребальных сооружений, видах погребений и погребального инвентаря в рассматриваемую эпоху. В то же время можно говорить об определенном единстве культуры населения Джунгарии и Монгольского Алтая вследствие проявления культурного компонента, принесенного на эти земли мигрантами из Западной Европы не позднее середины III тыс. до н.э.

Раскопанные в Чемуручке погребальные сооружения (И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981) представляли собой прямоугольные ограды, вытянутые, как правило, в направлении З–В. У середины восточной стороны была установлена статуя или стела. В пределах ограды, по ее длинной оси, располагались ящики из крупных плит с коллективными захоронениями. Исследованные нами курганы из долины р. Алкабек имели подквадратную ограду из плит, от восточной стороны которой внутрь сооружения, к могиле – земляной яме с одним-двумя погребенными – вел каменный коридор, выложенный плоскими плитками. Как правило, стенки этого коридора окружали и могильную яму либо здесь устраивалась каменная выкладка на заплечиках. Во всех без исключения курганах могильная яма была «сдвинута» в восточную сторону, к вышеописанному входу, от центра кургана на 2–5 м. С востока от ограды кургана №2 могильника

Копя была установлена каменная стела, подработанная с одной из сторон в древности для придания сходства с человеческой фигурой. Исследованные нами курганы в Баян-Ульги представляли собой прямоугольные ограды с земляными ямами, вытянутые по оси З–В. Три из четырех оград сопровождались каменными стелами, установленными с восточной стороны (стела у кургана Кулала-Ула была подработана для придания антропоморфности). В кургане Кара-Тумсик одна из таких стел стояла в пределах ограды с восточной стороны могилы и была выкрашена красной охрой. Булганские памятники представляют собой ориентированные длинной осью по линии З–В огромные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 человек), в большей или меньшей степени утопленные ниже уровня древнего горизонта. Снаружи ящик укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой обозначен выложенными рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана Ягшийн Ходоо №3 была установлена лицом на юг типичная чемуручекская статуя, изображающая мужчину с обнаженной грудью в шлеме (?), держащего в руках «посох» и лук, а с востока от кургана Хэвийн ам-1 был прослежен ритуальный «вход», образованный тонкими вертикальными плитками и вымостками из валунов. Наши наблюдения говорят о том, что ареал распространения подобных погребальных сооружений охватывал и бассейны нижнего течения р. Ховд и р. Буянт (в частности, таков ящик, замеченный еще в 1960-е гг. близ третьей бригады Толбо сомона Баян-Ульги аймака: Волков В.В., 2002, с. 49). Такие же сооружения, планиграфически связанные с каменными статуями, обнаружены и в бассейне Черного Иртыша (в том числе осмотрены мною в долине Чемуручека) (Ван Линьшань Ван Бо, 1996, с. 47, рис. 100, 101; Kovalev A., 1999, s. 145).

Все вышеописанные виды погребальных сооружений сохранили основные признаки коридорных гробниц Западной Европы. «Казахстанские» ограды имеют коридор, окружающий погребальную камеру, и асимметричное расположение склепа (наиболее похожее сооружение см. в Ploucat (Бретань); дериватом того же погребального коридора нужно считать и вытянутые пропорции «баян-ульгийских» и «чемуручекских» оград, а также ритуальный «вход», обнаруженный в Хэвийн ам. Конструкция ящиков и периметральных насыпей «булганских» курганов аналогична устройству неолитических памятников бассейна Луары (например, Tumulus des Musseaux, La Josseliere Dolmen, Le Dolmen des Erves). Восточная

ориентация «входов» и традиция установки с той же стороны статуй и стел объединяет как все алтайские, так и западноевропейские мегалитические памятники. Иконография известных чемурчекских скульптур, как было показано мною еще в 1998 г., может восходить только лишь к изобразительной традиции европейского неолита-энеолита, причем наиболее близкие каменные статуи обнаружены в Лангедоке (например, Mas de l'Aveugle, Collorgues) (Landau, 1997, pl. 1, 4–6). Обнаруженные нами в Казахстане и Монголии орудия из крупных уплощенных галек с одним-двумя желобками аналогичны «молотам с выемками», использовавшимся энеолитическим населением Прованса, как считается, для добычи кремня (Bailloud G., Mieg de Boofzheim P., 1955, p. 176–177). Видимо, этот тип орудий вслед за Алтаем проник и в Синьцзян (У Жуцзо, 1996, рис. 4.-4, 8), и в Среднюю Азию (Ширинов Т., 1986, с. 60–62, рис. 18.-6). Определенные параллели алтайским материалам представляет энеолитическая керамика так называемых пастухов плато («стиль Ферьер» – Лангедок, Прованс) (Arnal J., Bailloud G., Riquet R., 1960, p. 155–163): с одной стороны, здесь представлены эллипсоидные и параболоидные формы, подобные формам глиняных сосудов из огады Чемурчек М16 и из Ягшийн Ходоо-1, а также ряда чемурчекских каменных сосудов, с другой – декор «керамики стиля Ферьер» в виде вдавленной полоски под устьем и свисающих от нее треугольных фестонов характерен для чемурчекских каменных ритуальных сосудов, обнаруженных в округе г. Алтай (Ван Линьшань, Ван Бо, 1996, рис 17) (керамика), в Угловском районе Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В., 1997), нашей экспедицией в курганах Хэвийн ам-1 и Буурал Харын ар.

Чемурчекские памятники обнаруживают и признаки восточноевропейского происхождения. В кургане №2 могильника Копа была зафиксирована могильная яма, выполненная в форме четырехколесной повозки – с «пазами» для колес, ступиц и выступом на месте кузова. Такую же форму имела и хуже сохранившаяся могильная яма соседнего кургана №1. Аналогии этой конструкции имеются только в Восточной Европе: Малаи-1, к. 9, погр. 25 (новотитаровская культура, Краснодарский край (Гей А.Н., 2000, с. 56–59)), «ямное» захоронение 25 кургана №1 у с. Раздольное (Крым) (Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994, с. 34–37). В кургане Кулала-ула погребенный лежал на подстилке-коробе из луба (?) с бортиками около 10 см высотой, дно которой было укреплено двумя полосами луба крест-накрест. В раскопанном в 3 км ниже по течению и, видимо, одновременном афанасьевском кургане Кургак-гови-1 по-

гребенные были уложены в деревянную раму, перекрытую двумя балками поперек и двумя балками между ними крест-накрест. Инвентарь погребения был уложен на это перекрытие. Эти конструкции, по всей видимости, являются кузовами повозок или их имитацией, наподобие восточноевропейским (например, Останний, 1/160) (см: Гей А.Н., 2000, с. 175–191 – благодарю А.Д. Резепкина на то, что обратил мое внимание на эту аналогию). Как уже отмечалось (Kovalev A., 2000, s. 165–167), один из сосудов из ограда Чемурчек М16, имеющий эллипсоидное тулово, «выпуклый» венчик и украшенный декоративными отпечатками шнура, имеет параллели в керамике репинской культуры и пострепинских памятников Подонья и Поволжья. Кроме аналогий, приведенных в указанной статье, можно привести еще и сосуды из погребений «ямного» времени Северного Кавказа и Украины – Новокорсунская-85, 2/17, 1/15 (Гей А.Н., 2000, с. 145–146), Кривая Лука-XXXV, 1/19 (Кияшко А.В., 2002, табл. II), Високе (Высокое), 1/4 (Кульбака В., Качур В., 2000, рис. 14.-3-5). Параболоидные и эллипсоидные формы также присутствуют в керамике ямного и раннекатакомбного времени Поволжья и Подонья (Кияшко А.В., 2002, рис. 77, 78). Восточноевропейское происхождение могут иметь и формы металлических украшений, обнаруженных в чемурчекских комплексах, – трубочки из бронзового листа (Копя-2), бронзовая подпрямоугольная обойма от составного браслета (Булгартработы-2), бронзовое и свинцовое височные кольца с заходящими друг за друга концами (Ягшийн Ходоо-1), свинцовое височное кольцо с несомкнутыми концами (Ягшийн Ходоо-3).

Росписи красной охрой, сохранившиеся на стенках каменных ящиков Ягшийн Ходоо-1 и 3, находят аналогии в рисунках кемипобинской культуры, Нальчикской гробницы, из Поднепровья и т.п. (Чеченов И.М., 1973, с. 12–16, 23–28; Формозов А.А., 1969, с. 150–172). Тщательный визуальный осмотр выявил на одной из плит Ягшийн ходоо-3 рисунок, который можно интерпретировать как аналогичную приведенным композицию копья, овального щита с выступами и лука. Если это действительно так, то напрашивается аналогия с новосвободненским курганом №28 Клады и гробницей Ляйне-Хелих (см.: Резепкин А.Д., 1987, с. 29).

Чемурчекская традиция изготовления каменных сосудов несомненно берет свое начало в культурном контексте Египта и Передней Азии через возможное посредство среднеазиатских или кавказских культур, где такие сосуды были распространены. На связи

с Кавказом указывает и форма гипотетической повозки, которая должна была находиться в кургане могильника Копя-2. Судя по размерам «фигурной» ямы, колеса этой повозки должны были иметь диаметр около 1,5 м. Эта повозка сильно отличается от ямного стандарта (Пустовалов С.Ж., 2000, с. 309–317; Гей А.Н., 2000, с. 175–191) и соответствует находкам из Закавказья. Исходя из находок каменного сосуда со свинцовой заплаткой в Алтайском крае (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 58–59) и свинцовых украшений на могильнике Ягшийн Ходоо, можно говорить о вероятном чемуручском происхождении свинцовых височных колец из елунинских памятников Алтая. Как уже указывалось, традиция использования свинца для изготовления украшений могла иметь кавказские или среднеазиатские истоки (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 2000). Необходимо обратить внимание на широкое использование свинца в бронзовом веке в Южном Туркменистане (Сайко Э.В., Терехова Н.Н., 1981, с. 110), а также на древние разработки свинцовых руд в горах Куруктаг (Синьцзян) (Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И., 1995, с. 11).

Находки в исследованных нами комплексах (Булгартаботы-1, Ягшийн Ходоо-3) двух целых баночных сосудов, аналогичных елунинской керамике (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 48–51), и фрагментов таких сосудов в курганах № 1 и 3 памятника Айна-Булак, а также учитывая результаты исследований кургана Шидерты-10 в Павлодарском Прииртышье (Мерц В.К., 2003, с. 134–139, рис. 1), следует говорить о тесных связях носителей «европейского» чемуручского компонента с аборигенным населением других областей. Возможно, теми европеоидами, которые приняли участие в формировании елунинской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, с. 117; Куликов Е.Е., Кирюшин Ю.Ф., Серегин Ю.А., Тишкин А.А., Полтораус А.Б., 2005), были именно чемуручские мигранты. Аналогии в «окуневском» материале имеют каменный бисер из кургана Булгартаботы-2 и фрагменты баночного сосуда из кургана Кара-Тумсик, дно и стенки которого были орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа. Взаиморасположение курганов № 1 и 2 памятника Кургак-говь, первый из которых относится к афанасьевской культуре, а второй – к чемуручской традиции, говорит об их возможной связи и одновременности, тем более что в инвентарь афанасьевского кургана входил костяной четырехгранный наконечник стрелы, подобный обнаруженным в соседних чемуручских комплексах (см.: Ковалев А.А., Варенов А.В., Эрдэнэ-

баатар Д., в печ.). Именно через посредничество чемурчекского населения в лесостепную зону могли передаваться западные и ближневосточные приемы ведения хозяйства, технологии, традиции изготовления украшений (в частности, можно привести в пример наборные браслеты, височные кольца и пронизки более поздней кротовской культуры в Барабе (Молодин В.И., 1985, с. 64–68).

Как мною было указано в статье 2000 г., к чемурчекской традиции относятся изображения быков с вытянутой мордой, S-видными направленными вперед рогами, кисточкой на хвосте и непременно изображением двух (а не четырех) ног, распространенные на севере Синьцзяна и Восточном Казахстане (Kovalev, 2000, s. 152–157). Следует отметить, что подобные изображения, маркирующие территорию распространения чемурчекского населения, теперь известны и в Монголии (Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э., Очирхуяг Ц., 2003, рис. 4), а ранее были обнаружены в Горном Алтае (Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А., 1979, табл. 8.-5, 27.-5). Находки костей крупного рогатого скота в исследованных нами погребениях, а также изображения быков, везущих повозку, на статуе №3 памятника Кайнарл-1 и на наскальном рисунке из Утубулака (Алтай, СУАР) (Kovalev A., 2000, s. 152) могут указывать на ведущую роль разведения крупного рогатого скота в чемурчекском хозяйстве. Казалось бы, об этом говорит и привязанность чемурчекских памятников к относительно низким долинам рек, и сегодня позволяющим проводить эффективную заготовку кормов на зиму. Приведенные данные вкупе с информацией о приемах изобразительного искусства чемурчекского населения позволяют поставить на повестку дня вопросы о роли чемурчекского феномена в формировании «окуневского» культа быка, а также вообще в сложении окуневской и каракольской изобразительных традиций.

Нуждается в изучении и роль чемурчекского населения в сложении сейминско-турбинской традиции. В пределах оградки Чемурчек М17 был обнаружен комплекс литейных принадлежностей, включающий, в частности, литейную форму для кельта-лопатки с характерными сейминско-турбинскими признаками (Варенов А.В., 1998, с. 63; Kovalev A., 2000, s. 170). Чемурчекские быки изображены на сейминско-турбинском ноже с р. Джумба из Курчумского района Казахстана (Kovalev A., 2000, s. 157).

С.А. Комиссаров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

О ВЫДЕЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ СЫБА (Западная Ганьсу, КНР)*

Район так называемого Ганьсуского (Хэсиского) коридора и сопредельных территорий Северо-Западного Китая привлекает постоянное внимание исследователей, поскольку на протяжении тысячелетий он играл роль моста между культурными ареалами Восточной и Центральной Азии. Там выявлено более десятка оригинальных культур, носители которых принимали активное участие в этническом развитии многих исторических народов этого обширного региона. В частности, целый блок культур в период от позднего неолита до раннего железа (мачан, циззя, сыба, синьдянь, каяо, сыва) связывается с различными ветвями цянов, чье присутствие на Ганьсу-Цинхайском нагорье устанавливается древнекитайскими летописями. Именно цянская миграция на юг оказала решающее влияние на этногенез тибетцев.

Из числа упомянутых выше культур к числу наиболее дискуссионных относится культура сыба. Хотя ее изучение началось еще в 1948 г., а количество раскопанных погребений уже достигло роковой цифры 666**, однако известные нам публикации носят выборочный характер и не дают детального представления о культуре в целом. Нам известно, что по своему хозяйственному облику это была земледельческая прососеющая культура со значительным сектором скотоводства (разведение овец и свиней, причем первое заметно преобладает). Погребальный обряд отличается большим разнообразием. Выделены грунтовые могилы с нишей, с подбоем и дромосом, с каменной выкладкой (цистой – ?). Встречаются одиночные, парные и групповые захоронения – вытянутые на спине, скорченные на боку, вторичные без определенного порядка. Нет устойчивой ориентации погребенных, хотя в общем северный сектор преобладает (Се Дуаньцзюй, 2002, с. 138–151).

Памятники были включены в единую культуру на основании особенностей керамики, значительная часть которой (от четверти

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01190а).

** Кроме могильников выделено также несколько поселений с остатками строений, возведенных как методом «ханту» (трамбованной земли), так и каменной кладкой.

до половины) украшена росписью. По керамике удалось проследить общие черты как с предшествующей культурой мачан, так и с последующей культурой синьдянь, а ее типологический анализ позволил разделить материал на несколько хронологических этапов. Общая датировка была установлена с помощью радиоуглерода и составила (после калибровки) промежуток 1900–1400 гг. до н.э.

Особое внимание исследователей привлекает богатейшая коллекция бронзовых изделий, в состав которой входят кельты, ножи, наконечники стрел, серьги, браслеты, бляшки и т.д. (Ли Шуйчэн, Шуй Тао, 2000). М.Е. Кравцова предложила даже говорить о существовании особого металлургического центра, связанного с культурой сыба (Кравцова М.Е., 2004, с. 96)*. На существование собственного производства указывает пока единичная находка каменной формы для отливки двух наконечников стрел на одном из сыбаских памятников (Хошаогоу). Однако все представленные в коллекции бронзовые изделия широко встречаются за пределами Северо-Западного Китая, причем в разных культурных традициях. Помимо вещей несомненно андроновского облика, можно выделить карасукские и даже скифские бронзы (Молодин В.И., Комиссаров С.А., 2004, с. 56, 63–65, рис. 5–7). Поэтому сведение их в одну культуру, да еще и с указанной выше датой вызывает большие сомнения. О различном происхождении бронзовых изделий, возможно, свидетельствует и их химический состав, поскольку проведенный анализ показал наличие как оловянистых, так и мышьяковистых бронз.

Имеющийся уровень публикации материала, при котором найденные вещи не соотнесены с обстоятельствами их обнаружения, не позволяет нам установить, идет ли речь о территориальном объединении памятников различных культур, либо о разных этапах (в том числе довольно поздних) единой культуры. Только подробная публикация материалов раскопок (в первую очередь по базовому могильнику Хошаогоу) позволит внести ясность в эту проблему.

* Заслуживает внимания ее замечание о сходстве горельефных изображений в виде головы барана на бронзовом навершии, найденном на одном из памятников культуры сыба, с более поздними украшениями на древнекитайских ритуальных сосудах и о прямом участии «западного» очага в процессе становления китайского бронзоволитейного производства (Кравцова М.Е., 2004, с. 97).

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ СЮЖЕТЫ ИЗ ХАР-ЧУЛЛУ (Монгольский Алтай)

Летом 2004 г. при проведении полевых работ в Баян-Улэгейском аймаке Монголии было обработано интересное местонахождение петроглифов. Памятник расположен в 5 км на восток от горы Шивээт-Хайрхан, почти в самом устье р. Хар-Салаа, на ее правом берегу. Петроглифы сконцентрированы на скальных останцах, называемых местными жителями – Хар-Чулуу. Рисунки в основном располагаются на плоскостях скал, ориентированных на юг. Координаты: 49° 05' 03 с.ш. – 88° 19' 01 в.д., высота над уровнем моря 2320 м.

Одним из оригинальных сюжетов среди петроглифов являются сцены, на которых все фигуры людей и животных соединены одной или даже несколькими линиями. На прорисовке одного петроглифа фигуры быка, трех козлов, лося, оленя и собак соединены одной ломаной линией. В этой композиции соединение всех фигур одной линией, вероятно, символизировало взаимосвязь и единство всего живого в природе, «линию жизни, смерти и возрождения». Но самая интересная и живописная «картина» находится в самом центре святилища. На вертикальной скальной плоскости, ориентированной на запад, нанесено более 60 тщательно выбитых рисунков различных животных и людей, вооруженных луками, палицами и дротиками (рис. 1). Неординарность композиции заключается в том, что все животные, невзирая на разный видовой состав (быки, лошади, олени, козлы, бараны, собаки-волки, – все самцы), соединены друг с другом «линиями жизни». Эти линии, извилистые или прямые, проведены от фаллоса одного животного к задней части или голове другого, образуя причудливые мозаичные цепочки из фигур животных. В строку древнего изобразительного текста: «бесконечного воспроизводства животного мира», воплощенного в таком необычном, но чрезвычайно наглядном ракурсе, органично вплетены фигурки охотников или пастухов. Они тем же приемом (извилистыми выбитыми линиями) соединены с рисунками животных.

Судя по завершенности рисунков, ровной темно-коричневой патине, которая покрывает всю плоскость, а также отсутствию палимпсестов, композиция выполнена в один прием. Отдельные изоб-

Рис. 1. Наскальная композиция из Хар-Чулуу
(Монгольский Алтай)

ражения (бык в декоративном стиле, лошади, «хвостатые» антропоморфы с палицами, лучники в рогатых головных уборах) позволяют датировать это уникальное произведение наскального искусства началом или даже серединой II тыс. до н.э. В близкой манере, но в менее выразительной сцене из Койбагара выполнены «более 20 переплетающихся между собой фигур козла, человека, собаки; ниже и в центре изображен человек, запрягающий в колесницу двух лошадей. Это единственная известная нам сцена среди петроглифов СССР (Кадырбаев М. К., Марьяшев А.Н., 1977, с. 33, рис. 40). В настоящий момент уникальность казахстанских петроглифов утрачена, в связи с находкой еще более оригинальных, а может быть, и более древних рисунков в Хар-Чулуу.

Очень выразительна и динамична фигура бегущего охотника, стреляющего из лука в козла. К поясу лучника на коротком поводке привязана крупная собака. Способ охоты с одной собакой по следу или даже гон крупных парнокопытных со сворой собак широко использовался на Алтае в эпоху бронзы. Об этом повествуют многочисленные и опубликованные петроглифические материалы из Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., 2001).

В Хар-Чулуу есть несколько одиночных рисунков птиц, и в виде отдельного табунка из пяти птиц. Все они показаны в профиль, и, несмотря на стилизацию, в них можно узнать идущих гусей и сидящих орлов.

Пока не совсем понятно, к какому времени следует относить рисунки баранов с рогами в виде сплошного диска. С одной стороны, вхождение одной подобной фигурки в композицию, датируемую эпохой бронзы, вроде бы дает основание для определения даты и остальных фигур, но с другой – одиночное изображение барана с подогнутыми под брюхо ногами можно причислить к раннескифским рисункам. Впрочем, определение хронологии некоторых, как правило, одиночных изображений животных из Хар-Чулуу также остается проблематичным.

К редко встречаемым рисункам на этом местонахождении можно отнести две небольших фигурки верблюдов, лося, изображение кинжала, длиной более 30 см.

Среди наиболее часто встречаемых рисунков можно назвать изображения оленей так называемого монголо-забайкальского типа. По стилю и иконографии они аналогичны изображениям, выполненным на оленных камнях Монголии. Рисунки аржано-майэмирского времени также встречаются в восточной части Хар-Чулуу. Это парные фигурки козлов и оленей, выполненные в декоративном стиле и один охотничий сюжет с двумя парами оленей и козлов.

Наскальные изображения Хар-Чулуу, как и большинство других алтайских местонахождений петроглифов, датируются преимущественно эпохой бронзы и ранним железным веком. Рисунки эпохи ранних кочевников выделяются по стилистически идентичным изображениям на оленных камнях (Волков В.В., 2002) и по предметным аналогиям, выполненным в алтайском зверином стиле (Кубарев В.Д., 1999). Уникальную возможность в качестве датированных аналогий алтайским наскальным рисункам дают и 15 обломков оленных камней и каменных плит, обнаруженных недавно в восточной поле насыпи царского кургана Аржан-2 в Туве (Исупов К., Parzinger H., Nagler A., 2003, Abb. 40,41; Чугунов К.В., 2004, с. 33–35). На них выбиты изображения оленей, кабанов, верблюдов, коней, колесницы и вооруженного кинжалом человека. Хронология этих персонажей основывается на дате сооружения самого кургана – VII в. до н.э. или даже в пределах второй половины VII в. до н.э. (Чугунов, 2004, с. 34). Но это самый поздний, верхний уровень датирования по ¹⁴C и анализу предметов, найденных в погре-

бениях. На самом деле вполне очевидным представляется, что оленные камни и их обломки были вторично использованы при сооружении насыпи кургана Аржан-2 и могут быть на несколько столетий старше самого кургана. В насыпи кургана Аржан, исследованного М.П. Грязновым (1980, рис. 29.-2), также был найден обломанный оленный камень с выгравированными рисунками оружия, оленя и кабанов. Причем дата сооружения кургана Аржан по нижней шкале абсолютной хронологии определена М.П. Грязновым (1980, с. 55, 61) в пределах IX–VIII вв. до н.э. А.П. Окладников (1980, с. 91), привлекая аржанский оленный камень в качестве аналогии для анализа изображений оленей на горе Тэбш в Монголии, пришел к выводу о его вторичном использовании, заметив при этом, что оленные камни также применялись как строительный материал для сооружения плиточных могил Забайкалья. Исходя из своих наблюдений и наличия на оленных камнях рисунков кинжалов типично карасукских форм, А.П. Окладников (1980, с. 91) предложил удревнить возраст этих памятников до 2-й половины II тыс. до н.э. Оленные камни и валуны с рисунками архаров, маралов и лошадей, выполненных в аржано-майэмирском стиле, включены и в центральное сооружение керексура Улуг-Хорум в Туве (Грач А.Д., 1980, с. 120–121, рис. 73). Из приведенных фактов следует, что изображения на оленных камнях могут быть гораздо древнее, чем те даты, которые сегодня предлагаются разными исследователями для этих ярких и своеобразных памятников монументального искусства. То же самое можно сказать и о некоторых раннескифских петроглифах в Монгольском Алтае, дата которых может быть пересмотрена и удревнена примерно до середины II тыс. до н.э.

В.Н.Логвин

Сургутский государственный университет, Сургут

**МОГИЛЬНИК ТОКАНАЙ-1
И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ПЕТРОВСКИХ»
И «СИНТАШТИНСКИХ» ПАМЯТНИКОВ**

С открытием Г.Б. Здановичем петровских памятников они были осознаны как самостоятельный феномен – ранний этап в развитии алакульской культуры (Зданович Г.Б., 1988, с. 132–139). Выявленный несколько позднее Синташтинский могильник и поселение рассматривались так же, как раннеалакульские в рамках пет-

ровского круга памятников. Н.Б. Виноградов относил синташтинские памятники к ранней фазе петровского этапа алакульской культуры (Виноградов Н.Б., 1983, с. 9). Позднее наибольшее распространение получило мнение, что памятники петровского типа представляют собой самостоятельную археологическую культуру (Зданович Г.Б., 1973, с. 40–41).

В последнее время в понимании статуса «петровского типа памятников» в системе древностей эпохи бронзы степей отмечается дрейф в двух направлениях. С одной стороны, четко проявляется тенденция территориального разделения петровских и синташтинских древностей. Первые привязываются к Северному Казахстану, а вторые – к Южному Зауралью (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980, с. 192; Зданович Г.Б., 2002; Матвеев А.В., 1998, с. 338–341). С другой стороны, существует тенденция считать памятники петровского типа маркирующими один из этапов развития синташтинско-петровских древностей, более поздний, чем собственно синташтинский (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с. 57; Ткачев В.В., 1995, с. 168–170; Виноградов Н.Б., 2003, с. 256–257).

В свете этой ситуации интерес представляет могильник Токанай-1. Он находится у северо-восточной окраины поселка Айтбай Амангельдинского района Костанайской области Республики Казахстан в районе 50° северной широты, между 64° и 65° восточной долготы. Могильник расположен на правом берегу Токаная, северной протоки реки Тургай. К нам информация о наличии в этом месте памятника поступила от сотрудников мемориального музея А. Иманова. При выезде в 1982 г. на место было установлено, что поверхность памятника подвергается интенсивной ветровой эрозии. Пятна могильных ям светло-серого и темно-серого цвета четко выделялись на фоне желтого песка. Естественно, что местные жители (в основном дети) заинтересовались ими и провели довольно интенсивное «изучение» могильных ям. Поскольку границы ям хорошо фиксировались, то «исследователи» не выходили за их пределы, вследствие чего мы в настоящее время имеем достоверную информацию о форме и размерах погребальных ям*. Находки, добытые местными жителями, поступили в находящийся в райцентре мемориальный музей А. Иманова. Большую часть керамики музейной коллекции нам удалось впоследствии распределить по погребениям. Это стало возможным благодаря тому, что «грабители» изымали из

* В ходе грабительских раскопок грунт из могильных ям не выкидывался.

погребений, как правило, не всю керамику. Часть ее оставалась на месте или перемещалась в пределах могильной ямы.

После зачистки 880 м² площади могильника было выявлено 15 ям. По размерам они распадаются на две группы. В одну группу попадают ямы длиной от 2 до 2,7 м, шириной от 0,8 до 1,95 м, а в другую – длиной от 3,3 м до 3,9 м, шириной от 1,7 м до 3,0 м. К сожалению, заполнение их сохранилось только на глубину от 0,05 м до 0,5 м. В той или иной мере и эта сохранившаяся часть заполнения могильных ям нарушена.

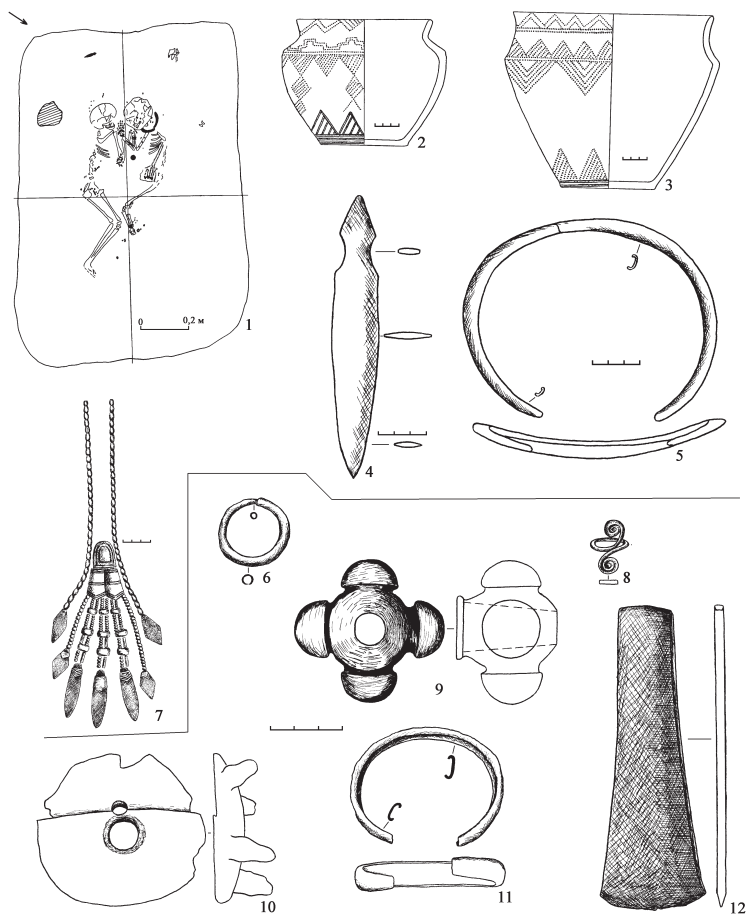

Рис. 1. Могильник Токанай-1:
1-8 – погребение 9; 9, 10, 12 – из музейной коллекции

Лучше всего сохранилось погребение в яме 9. Она прямоугольной, с закругленными углами формы, размером 2,7×1,85 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы до 0,3 м. При расчистке обнаружено парное захоронение. Костяки лежали головой на юго-запад, в скорченном положении лицом друг к другу. Мужчина на левом боку, женщина на правом. Руки согнуты в локтях. Кисти рук мужчины лежат друг на друге, соприкаясь с лицевой частью черепа женщины. Возможно, в момент погребения руки мужчины прикрывали лицо женщины. Кисть левой руки женщины лежала на кисти правой руки мужчины. Кисть ее правой руки согнута и помещена под нижней челюстью (под подбородком).

Костяк женщины сопровождался богатым набором украшений. На шее была гривна (рис. 1.-5), на руках браслеты: на правой – один, на левой – два (рис. 1.-11). На безымянном и среднем пальцах правой руки по кольцу (рис. 1.-8). В области живота найдена нашивная бляшка. По предплечью левой руки, доходящий до локтя ряд редко расположенных пастовых бусин. На левой ноге, чуть выше пятки (у щиколотки), найдена цепочка из бронзовых бусин. Здесь же лежала маленькая бронзовая бляшка с тремя отверстиями. На черепе женщины обнаружены пастовые бусины, которые, судя по всему, были нашиты по краю головного убора. В области ушной раковины найдено бронзовое височное кольцо, внутри него бронзовая плакированная золотом подвеска в полтора оборота (рис. 1.-6). В области позвоночника и частично тазовых костей находилось накосное украшение (рис. 1.-7). Верхняя часть накосного украшения находилась на расстоянии 20 см от костей черепа, что делает маловероятной возможность крепления его к головному убору.

Одежда мужчины урашена более скромно. У черепа в затылочной и теменной области найдено восемь бронзовых бусин, украсивших, видимо, головной убор. В области живота, у позвоночника и на тазовых костях найдены две коротких низки бронзовых бусин. Оригинальное украшение было обнаружено на локтевом сгибе правой руки мужчины из клыков мелкого хищника. Большая часть их была пришита по окружности диаметром примерно 3,5 см, а пять клыков в виде кисточки располагались чуть ниже.

За спиной мужчины напротив черепа, примерно в 25 см от него, прослежено пятно костного тлена размером 20×20 см. У юго-западной стенки ямы, примерно в 40 см от черепа мужчины, обнаружен бронзовый нож, а под ним фрагмент сильно истлевшей кости (рис. 1.-1). Со стороны женщины, на расстоянии 40 см от ее черепа, найдены *in situ* днища двух сосудов. Используя фрагменты

из керамической коллекции музея, нам удалось реставрировать эти сосуды (рис. 1.-2, 3).

Наиболее близкие аналогии материалы погребения в яме 9 находят в Синташтинском могильнике. Это касается и других захоронений памятника (рис. 1.-9, 10, 12). Материалы могильника Токанай-1, находящегося в глубинном регионе Казахстана, еще раз показывают, что синташтинско-петровские древности и здесь переживали в своем развитии те же эпохальные этапы, что и в Южном Зауралье. Поскольку изначально понятия «петровский тип», «петровский этап», «петровская культура» вводились для обозначения крупного этапа алакульской линии развития древностей эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей, то вызывает сомнение правомерность использования этих понятий для обозначения только позднего пласта синташтинско-петровских древностей. Не следует забывать, что введение их в значительной мере базировалось на интерпретации материалов могильника у села Петровка, по мнению некоторых исследователей синташтоидного (Виноградов Н.Б., 2003, с. 256).

В целом полемика о соотношении так называемых петровских и синташтинских древностей правомерна, видимо, в той же мере, как и спор «что появилось раньше, яйцо или курица». Близки к такому пониманию Г.Б. Зданович и Д.Г. Зданович, которые предполагают, что «на раннем этапе существования «Страны городов» часть ее населения мигрирует в Среднее Притоболье и Приишимье, где принимает участие в сложении петровской культуры», но не исключают возможности более раннего западного импульса, прокатившегося на восток через территории будущей «Страны городов». Затем, по их предположению, «имеет место проникновение в Южное Зауралье с востока значительных групп населения петровско-раннеалакульского культурного облика» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с. 57).

П.В. Мартынов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЮЙГУН В ЦЕНТРАЛЬНОМ ТИБЕТЕ*

В силу своей труднодоступности Большой Тибет (под которым мы понимаем не только Тибетский автономный район, но и часть территорий провинций Ганьсу, Цинхай, Сычуань и Юньнань) явля-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01190а).

ется одним из наименее изученных с точки зрения археологии районов Китая.

Каменный век Тибетского нагорья известен в отечественной науке гораздо меньше, чем аналогичные культуры сопредельных районов Китая. В то же время, благодаря интенсивному археологическому поиску последних десятилетий, китайскими археологами были открыты десятки палеолитических стоянок, а также неолитических поселений и мастерских.

Неолитические памятники выявлены в Восточном, Центральном и Южном Тибете. Среди них выделяется культура цюйгун, открытая в 1984 г. в бассейне р. Цангпо в 5 км к северу от Лхасы. На этом памятнике был получен массовый материал, позволяющий делать обоснованные выводы и заключения. Кроме того, поселение Цюйгун находится неподалеку от тех мест, где позже зародилось первое тибетское государство и сложился современный тибетский этнос.

Поселение располагается на высоте 3685 м над уровнем моря. Его площадь составляет 10 кв. км, протяженность с востока на запад 200 м, с севера на юг 50 м (Первоначальный доклад., 1991, с. 871). Найдено большое количество орудий из камня, кости, керамика, а также небольшое количество орудий из меди. Это свидетельствует о переходном характере культуры цюйгун – от позднего неолита к раннему металлу. Получено 33 радиоуглеродные даты, из них 11 относятся к периоду 2450–2580 лет до н.э., 15 – к периоду 2850–3030 лет до н.э. и семь – к периоду 3296–3380 лет до н.э. (Ван Жэнсян, 1994, с. 66).

При раскопках 1990 г. выделено два культурных слоя (мощностью от 20 до 60 см); большая часть находок сосредоточена в верхнем слое. Обнаружено 13 зольных ям округлой формы, в которых встречается много небольших оббитых камней. Также обнаружены человеческие кости, которые, возможно, являются следами жертвоприношений.

Из находок по способу обработки выделяются (преобладают) оббитые каменные орудия, встречаются также шлифованные орудия и микролиты. Материалом для изготовления служили речные гальки, кремнистые породы, плотный песчаник, нефрит. Среди оббитых орудий встречаются скребки, резцы, проколки, топоры, терки, остроконечники и др., среди шлифованных – тесла, сверла, ножи. Прослеживается определенное сходство в типах оббитых каменных орудий (ножи, скребки, утяжелители) данного поселения

и культуры кажо в Восточном Тибете. Шлифованные орудия и микролиты в Цюйгун составляют 3,2% от общего количества, а в Кажо – 10,8%.

Керамика встречается как песчанистая, так и из чистой глины. Песчанистая керамика изготавливалась с примесью в тесто крупного белого песка, стенки сосудов довольно толстые. Среди песчанистой керамики преобладают изделия черного и черно-коричневого цветов, также встречается некоторое количество красно-коричневой и серой керамики. Изделия из чистой глины преимущественно тонкостенные, черного и коричневого цветов. Стенки сосудов были тщательно отшлифованы. Керамика изготавливалась вручную, стенки тщательно заглаживались, температура обжига была сравнительно высокой. По форме выделяются кувшины гуань, чаши на высокой ножке доу, много круглодонных форм.

Основой экономики были скотоводство и земледелие, важную роль играла охота. Найдены карбонизированные зерна ячменя, проса, бобов. Ячмень был основной сельскохозяйственной культурой. Это отличает цюйгун от кажо, где главную роль играло возделывание проса. В то же время прослеживается сходство с Чангоу, другим неолитическим поселением Центрального Тибета.

Обнаружены расколотые и обгоревшие кости яков, коз и овец. Это наиболее древнее свидетельство одомашнивания яка на территории Тибетского нагорья. Исходя из анализа остеологического материала можно заключить, что основным объектом охоты были животные, обитавшие в горных лесах: олени, кабарга, кабаны. Встречаются кости рыб, что свидетельствует о рыболовстве, хотя оно и не играло значительной роли.

На поселении Цюйгун найден материал, позволяющий представить себе некоторые черты духовной культуры той эпохи. Так, в зольниках обнаружены непотревоженные скелеты собаки и грифа. Обряд принесения в жертву собаки был известен в Тибете еще во время культуры туфаней. Гриф также являлся священным животным тибетцев в более позднее время (и продолжает оставаться таким до сих пор). Вполне возможно, что почитание этих животных началось со времени культуры цюйгун. Встречаются и человеческие жертвоприношения. В одной из зольных ям обнаружен целый скелет человека, в другой – крышка человеческого черепа. Находки черепов и их частей в зольных ямах встречаются также в неолитических культурах провинций Сычуань и Юннань (Ван Жэнсян, 1994, с.71).

Также в Цюйгун найдены две фигурки животных, одна из них изображает голову обезьяны, а вторая голову какой-то птицы, судя по всему, грифа. Долгое время считалось, что почитание обезьяны пришло в Тибет из Индии вместе с принятием буддизма, но вышеуказанная находка свидетельствует о появлении культа этого животного еще в неолитическое время.

По антропологическим характеристикам, как считают китайские исследователи, люди культуры цюйгун были близки к современным западным тибетцам.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что цюйгун был одной из наиболее развитых неолитических культур на Тибетском нагорье. Ее носители передали цянским племенам, составившим ядро современного тибетского народа, часть своего культурного наследия. Многие важные элементы тибетской цивилизации (возделывание ячменя, одомашненный як, почитание грифа и т. д.) зародились именно на этапе позднего неолита – раннего металла в составе культуры цюйгун.

О.О. Полякова

Челябинский государственный университет, Челябинск

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО ГРОТА АКБАУР

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 1997–2000 гг. исследовала памятники на западном Алтае около г. Усть-Каменогорска (Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М., 1998, с. 7–11; Марсадолов Л.С., 1999, с. 9–12). Ранее З.С.Самашев изучал наскальные рисунки в гроте у подножия горы Акбаур и отметил разные моменты прохождения лучей солнца в течение дня через отверстие в потолке грота, и их взаимосвязь с рисунками на стенах (Самашев З.С., 1992, с. 15–19, 185–189). Исследования экспедиции Эрмитажа показали, что в скальном грунте горы Акбаур, возможно, находился стационарный астрономический наблюдательный пункт (Марсадолов Л.С., 1999, с. 9–12; Марсадолов Л.С., Самашев З.С., 2000, с. 4–31, рис. 1.-21).

Ценными выводами исследований экспедиции явились предположения: 1) о том, что наскальные рисунки, в виде схематических знаков, отображают реальный определенный участок звездного неба; 2) о назначении округлого отверстия в потолке грота, как

постоянного места наблюдения за ночным небом; 3) о важности центральной фигуры №1 среди наскальных рисунков и разметки от нее остальных фигур; 4) о способах нанесения изображений с помощью выбранного модуля, возможно, в виде веревки, складываемой в несколько раз для получения разных длин отрезков.

На мысль о том, что в гроте Акбаур изображено звездное небо, очевидно, указывают некоторые фигуры, похожие на изображения созвездий (см. рис. 1). Например, вытянутая фигура №3 в центральной композиции очень похожа на современное созвездие Дракона, о чем пишет Л.С. Марсадолов (2000, с. 231). Это предположение оказалось ключевым для выстраивания дальнейшей версии трактовки фигур на стене в интерпретации созвездий. Если это так, то рядом с головой Дракона надо искать символическое изображение Полюса Эклиптики (Полякова О.О., 2003, с. 15). И такое изображение сразу бросается в глаза в виде центральной фигуры №1 – крест с точками в квадрате, по-видимому, обозначающий сетку координат с символическими звездами в Эклиптической системе.

Если правильно определено положение Полюса Эклиптики, то есть смысл найти изображение Полюса Мира. В этом контексте обращает на себя внимание фигура №7 – крест в квадрате без точек, который может обозначать сетку координат в Экваториальной системе, привязанной к оси вращения Земли. Эту же мысль косвенно может подтвердить тот факт, что в астрологической системе знак Земли традиционно представлен крестом в круге.

Оба символа – крест в квадрате с точками и без точек – часто встречаются в древних изображениях на скульптуре, керамике и в орнаменте начиная примерно с середины IV тысячелетия до н.э. и, по-видимому, несут определенную символическую информацию, характеризуя уровень космологических познаний древних людей эпохи бронзы, подтверждающий доступность понимания для них наличия двух полюсов вращения в околополюсной картине звездного неба.

Из астрономии известно, что Полюс Мира совершает вращение вокруг Полюса Эклиптики в результате прецессии. Тогда линия, соединяющая оба полюса, является радиусом прецессии, которая всегда находится на линии 18 часов звездной долготы и в своем циклическом вращении с периодом около 26000 лет пересекает определенные звезды созвездий Малой Медведицы, Дракона, Геркулеса, Лиры, Лебедя, Цефея. На рисунке в гроте Акбаур, линия, соединяющая оба полярных символа, пересекает фигуру №4 с изобра-

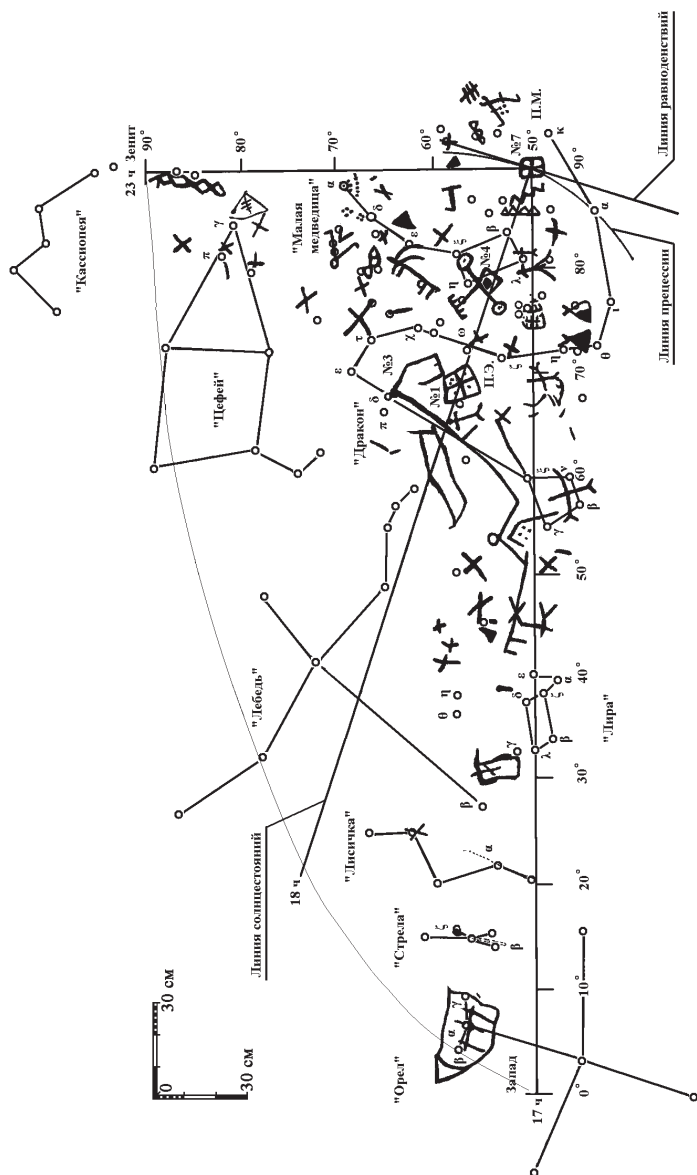

Рис. 1. Наскальные рисунки грота Акбаур на Западном Алтае, совмещенные с околополюсной картиной Северного звездного неба

жением «повозки». Известно, что «повозкой» в древности индусы и народы Причерноморья называли созвездие Большой Медведицы. Можно предположить, что по аналогии с Большой Медведицей, Малая Медведица в древности у некоторых народов тоже была «повозкой». Исследование в этом направлении дало положительные результаты. Подбирая масштаб наскальных изображений в гроте к реальному расположению звезд (Полякова О.О., 2003, с. 19), оптимально подошел вариант масштабирования расстояния от фигуры №1 в роли Полюса Эклиптики до фигуры №7 в роли Полюса Мира. Расстояние между ними в градусном выражении известно – это угол наклона эклиптики к небесному экватору, который к началу I тыс. до н.э. составлял $23,8^{\circ}$.

Совместив чертеж звезд с наскальными рисунками, появилась возможность сделать предположение о датировке изображений. В этом плане интересно рассмотреть фигуру №4, совпадающую с «ковшом» Малой Медведицы. Если за основу рисунка взять отрезок от Полюса Эклиптики в центре фигуры №1 до Полюса Мира в центре фигуры №7, то пересечение им фигуры №4 («ковша» Малой Медведицы) происходило в 1200–1100-х гг. до н.э. – радиус прецессии пересекал тогда звезду β Малой Медведицы (Завалишин А.Е., 2002). Это вполне соответствует предположению Л.С. Марсадолова (2000, с. 233) о нанесении наскальных рисунков во 2-й половине II тыс. до н.э.

В результате исследования обнаружилось, что на сферической поверхности стен грота Акбаур зафиксированы созвездия северо-западного участка неба в ночное время суток в течение четырех месяцев, начиная с предрассветного состояния 18 августа до момента наступления темноты 17 декабря (по Григорианскому календарю). Картина разворачивается от Полюса Мира на звездной широте 50° (что совпадает с широтой местности на памятнике) до точки на горизонте в западном направлении (возле которой в то время вставали три звезды Орла, в том числе одна из самых ярких звезд неба δ Орла – Альтаир), а также вверх до точки зенита над головой (возле которой в ту эпоху находились звезды созвездия Кассиопеи). Надо сказать, что сама идея изображения сферической картины звездного неба на сферической поверхности стен грота приближала древних людей к большей точности нанесения реальных расстояний между звездами. Но сам способ нанесения изображений отдельных участков неба, скорее всего, был линейным, поэтому искажения оказались неизбежны и в результате мы сегодня

исследуем линейно развернутую картину звездного неба. Именно поэтому никакая наша современная астрономическая карта без искажений не ляжет на исследуемое изображение. Требуются дополнительные построения. В частности, для изображаемой ситуации, картина звездного неба должна быть линейно вытянута вдоль 17-часовой звездной долготы, параллельно горизонту на высоте стояния Полюса Мира (50°). В этом случае некоторые фигуры наскальных изображений оказываются в непосредственной близости от определенных звезд Северного неба, что позволяет идентифицировать их с современными созвездиями Дракона, Малой Медведицы, Лиры, Цефея, Лебеда, Лисички, Стрелы, Орла, а также Геркуlesa, схематическое изображение которого на стене грота в виде человеческой фигуры находится на уровне пола между созвездиями «Лира» и «Дракон», а на реальном небе наблюдалось ниже линии 17-часовой долготы, возможно, закрываемое массивом горы. Здесь я согласна с Л.С. Марсадоловым, что для древних людей важна была не точность воспроизведения звездного неба, а соблюдение некоторых сакральных пропорций в виде модулей-расстояний между звездами и этим может объясняться не совсем точное попадание фигур на определенные звезды. Некоторые фигуры, по предположению Л.С. Марсадолова, могут показывать временные положения фигур в процессе вращения звездного неба или нести дополнительную мифологическую символику.

С.В. Сотникова

Тобольский педагогический институт, Тобольск

К ВОПРОСУ ОБ АЛАКУЛЬСКОМ ОБРЯДЕ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ

В алакульских погребальных комплексах ритуал трупосожжения умершего встречается сравнительно редко. Однако он распространен на всей территории обитания алакульского населения. Вопросу об алакульском обряде трупосожжения не уделялось специального внимания, обычно к нему обращались лишь в связи с решением более общего вопроса о соотношении алакульских и федоровских древностей (Зданович Г.Б., 1988, с. 153; Виноградов Н.Б., 1996, с. 146–147), так как кремация является одной из характерных черт федоровского погребального ритуала. Однако такой подход к изучению алакульских трупосожжений представляется несколько односторонним.

В самом общем виде алакульские трупосожжения можно разделить на два основных типа.

1. Сожжение на стороне с последующим захоронением останков в могиле.

2. Сожжение на месте, непосредственно в могильной яме, сопровождавшееся поджиганием погребальной камеры.

Ограничимся рассмотрением алакульских погребений первого типа.

Несмотря на то, что алакульцы практиковали кремацию сравнительно редко, они имели достаточно разработанный ритуал обращения с кремированными останками. Наиболее распространенным был вариант захоронения их в специально подготовленной могильной яме. В могилу помещали сосуды с напутственной пищей, реже куски мяса от определенных частей туши животного (ребра, лопаточные кости). В некоторых погребениях с сожжением встречаются украшения, что можно считать отличительной чертой ритуала.

Единичные погребения с трупосожжением появляются уже на раннеалакульской стадии – в памятниках нуртайского типа Центрального Казахстана, которые хронологически близки памятникам петровского типа Северного Казахстана (Ткачев А.А., 2002, ч. 2, с. 186–189). В могильнике Бозенген обнаружено два погребения с остатками кремации (14, 17), причем в одном из них (14) найдены два костяных наконечника стрел. В могильнике Икпень-I кремированные кости ребенка встречены в погребении 13 (Ткачев А.А., 2002, ч. 1, с. 228–229, 233, 254). Следовательно, трупосожжение являлось одним из альтернативных способов обращения с умершим уже на раннеалакульской стадии. Поэтому наличие единичных погребений с сожжением в алакульских могильниках могло быть следствием развития собственной традиции, особенно в тех случаях, когда очевидных признаков контактов с населением других культур не прослеживается.

Погребения с трупосожжением известны также в смешанных срубно-алакульских могильниках (Герасимовка-I, Мечет-Сай, Обилькин Луг-III, Система-1, 2, 4, 6 и др.). Захоронения остатков кремации совершены в могильных ямах и сопровождались сосудами. В погребении из кургана №13 могильника Герасимовка-I обнаружена костяная трубочка (Федорова-Давыдова Э.А., 1973, с. 170).

В некоторых срубно-алакульских могильниках число погребений с сожжением достаточно велико. Так, в могильнике Герасимовка-I обнаружено пять таких погребений (Федорова-Давыдова Э.А.,

1973, с. 169–170). В комплексе могильников в урочище Система, где раскопано 10 курганов, содержащих 39 погребений, 12 были совершены по обряду трупосожжения (Алаева И.П., 1997, с. 36–37). Однако материалы именно этих могильников характеризуются в большей степени срубными чертами (Федорова-Давыдова Э.А., 1973, с. 166; Алаева И.П., 1997, с. 36–37). Длительное время появление обряда кремации в срубно-алакульских памятниках связывали с федоровским населением Южного Зауралья (Сальников К.В., 1950, с. 19; Федорова-Давыдова Э.А., 1973, с. 151), затем были выявлены собственные корни этого ритуала в срубной среде (Агапов С.А. и др., 1983, с. 13–14). Поэтому появление погребений с кремацией в срубно-алакульских памятниках, с одной стороны, могло быть обусловлено влиянием со стороны срубников, с другой – общими тенденциями в развитии этих культур.

Особый интерес представляют погребения, содержащие остатки кремации в сочетании с украшениями. В Южном Зауралье они происходят в основном из могильников с алакульско-федоровской керамикой (Кулевчи-VI, Солнце-Талика). В Казахстане они встречены на памятниках кожумбердынского (Тасты-Бутак-I в Западном Казахстане) и атасуского (Бегазы, Ельшибек в Центральном Казахстане) типов, которые Е.Е.Кузьмина (1985, с. 42) относит к категории смешанных (алакульско-федоровских) типов алакульской линии развития. Вероятно, наиболее ранним захоронением подобного рода является погребение в ограде А могильника балыктинского типа Балыкты (Ткачев А.А., 2002, ч. 2, с. 3). А.А. Ткачев (2002, ч. 2, с. 28) считает, что памятники этого типа формируются в результате контактов нуртайского населения с пришлым андроновско-канайским (федоровским).

Несмотря на то, что украшения представлены не во всех алакульско-федоровских погребениях с сожжением, такие находки весьма показательны, так как являются свидетельством существования определенной традиции. Наиболее выразительным примером является погребение 2 кургана №3 могильника Кулевчи-VI в Южном Зауралье, где было совершено парное захоронение по способу трупосожжения, сопровождавшееся богатым набором украшений, сосудами с алакульско-федоровского облика и ребрами крупного животного (Виноградов Н.Б., 1984, с. 142–145).

Традиция помещения в могилы с кремацией украшений не характерна для федоровского населения Южного Зауралья, в погребениях которых инвентарь, как правило, ограничивается сосудами, а редкие исключения представлены оружием. В основном это бронзовые ножи, которые обнаружены в погребениях 1, 2 кургана №7,

могильнике Урефты-I (Стефанов В.И. и др., 1983, с. 160–161) и в погребении 2 кургана №4 могильника Путиловская Заимка-II (Зданович Г.Б., 1988, с. 95). Единственным отступлением от этой традиции является погребение из кургана №7 могильника Путиловская Заимка-II, в котором два скопления кальцинированных костей сопровождалось не только бронзовым ножом, но и двумя височными кольцами алакульского типа (Зданович Г.Б., 1988, с. 99).

Вместе с тем традиция помещения в могилу с кремированными останками украшений характерна для федоровского населения Казахстана (Сангру-II, Бугулы-I, Самара, Тау-Тары). Однако в федоровских памятниках этого региона украшения также имеются далеко не во всех захоронениях с сожжением. Вероятно, формирование данного ритуала происходит в результате контактов населения алакульской и федоровской культур, но более конкретно охарактеризовать пути его становления пока не представляется возможным.

«Алакульцы» практиковали также захоронение кремированных останков без специально подготовленной погребальной камеры и сопровождающего инвентаря. Одно такое захоронение (могила 85) обнаружено в алакульском могильнике Ермак-IV, где на уровне материка зафиксировано скопление кальцинированных костей на площади 40х25 см, мощностью около 5 см (Сотникова С.В., 1986, с. 34). Ближайшую аналогию данному обряду представляет погребение 1 кургана №38 кротовского могильника Сопка-II, где на уровне материка компактным скоплением располагались остатки кремации без сопровождающего инвентаря (Молодин В.И., 1985, с. 81).

Таким образом, появление в алакульской среде ритуала кремации на стороне относится еще к раннеалакульскому периоду, в дальнейшем обращение к нему активизировалось контактами с населением ряда других культур.

Н.А. Тимолянова

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА ЧАЛАЛУФУ (Тибет)*

Точная дата основания столицы Тибета – Лхасы – неизвестна до сих пор, традиционно ее относят ко времени возведения дворца на горе Марпори («Красная гора»), т.е. к 50-м гг. VII в. н.э. Уже в то время во дворце, окруженном тремя стенами, была тысяча построе-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 05-01-01190а.

ек и более двух тысяч помещений. Возможность выявить ранние этапы в строительстве города и проследить его развитие дают археологические раскопки. Одним из активно изучаемых памятников является пещерный храм Чалалуфу, расположенный в юго-западной части дворцового комплекса Поталы, в горе Чжаолабидун, называемой также «Лекарственная гора правителя» (Доклад..., 1985). Пещера невелика по размерам (высота – 2,56 м, ширина – 4,45 м, длина – 5,5 м, общая площадь ~27 м²), но находящиеся в ней 69 скульптур представляют собой значительную культурную ценность, поскольку созданы в местном художественном стиле. Судя по особенностям планировки (центр пещеры занят большой квадратной колонной) храм создан в начале династии Тан. В китайской архитектуре такое решение внутреннего пространства применялось для буддийских молелен и храмов в период с Северной Вэй до эпохи Суй-Тан и более нигде не встречалось. Однако скульптурные изображения создавались и после этого хронологического рубежа.

В целом все фигурные изображения можно разделить на два вида:

1) Будда Шакьямуни, будды Трех миров, бодхисаттвы, хранители ваджры;

2) прославленные учителя и государственные деятели Тибета, жившие в различные исторические периоды.

Исходя из позы, одежды, украшений и сюжетных композиций все скульптуры можно отнести к трем временным периодам:

1) середина VII – начало IX вв. (эпоха Тан);

2) XII – XIII вв. (эпохи Сун-Юань);

3) XIV – XV вв. (эпохи Юань-Мин).

К первому периоду относятся 14 фигур в центре храма, 14 фигур в нижнем ряду южной галереи, два изображения будды Трех миров на западной стене, 16 глиняных скульптур ваджрасаттв в нижнем ряду вдоль северной стены. Второй период представлен 17 фигурами в верхнем ряду южной галереи, изображениями бодхисаттвы и Падмасамбхавы на западной стене храма. В третий период включены изображения Будды Шакьямуни: одно – в среднем ряду южной галереи, два – в верхнем ряду на северной стене.

Главными критериями для выделения временных рамок являются сюжетная композиция, историческая характеристика конкретной личности, поза, одежда и манера ваяния или написания изображения. В группе, отнесенной к первому периоду, преобладают исторические (иногда полуполюгендарные) личности – Сронцзангам-

по, его жены – китайская и непальская принцессы Вэнь-чэн (Чжаса) и Бхрикути (Балса) и другие прославленные деятели VIII в. Изображения расставлены в порядке, соответствующем тибетской традиции того времени: самые ранние – в центре храма, более поздние – в южной, западной и северной галереях. Манера создания изображений соотносится с китайской эпохой Тан. Во второй группе представлены фигуры индийского монаха Падмасамбхавы (VIII в.) и других представителей школы ньингмапа. Изначально данное направление не имело широкого распространения, поэтому изображения Падмасамбхавы появляются лишь в XI в., а к XIII в. они уже широко представлены во многих храмах Тибета. В третью группу выделены три изображения Будды Шакьямуни, без сопровождающих.

Анализируя стиль одежды, необходимо прежде всего обратиться к изображениям бодхисаттв, облачения которых идентифицируют историческую эпоху. В первой группе представлены четыре типа (рис. 1):

1) верхняя часть туловища скульптуры обнажена, талия перетянута поясом, конец которого свисает вниз почти до ступней, ноги закрыты двумя юбками (короткой и надетой под нее длинной). Бодхисаттва украшен кольцами-серьгами, ожерельями, браслетами;

2) бодхисаттва, облаченный в простую длинную рясу, обнажающую правое плечо;

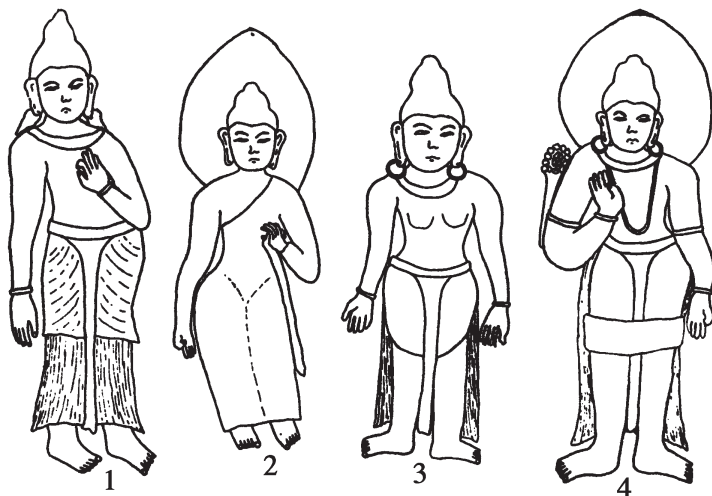

Рис. 1. Изображения бодхисаттв

3) верхняя часть туловища обнажена, талия перехвачена поясом со свисающим концом, к которому спереди прикреплен округлый фартук (в описании китайских археологов названный штанами), а сзади – длинный шлейф, который спускается почти до пят;

4) обнаженная фигура с поясом на талии, который закрепляет шлейф с тыльной стороны изображения. Колени обмотаны широкой лентой.

Таким образом, первому периоду соответствуют одеяния эпохи пребывания в Тибете у власти Сронцзангампо и его жен, т.е. кофты с короткими узкими рукавами, обнажающие плечо облачения и ниспадающие длинные юбки и шлейфы. Фигуры бодхисаттв второго периода в основных чертах по внешнему виду схожи с предшествующими, но в их облачении появляются накидки.

Лотосовые пьедесталы и нимбы позади фигур также могут служить временными маркерами. Первая группа характеризуется сравнительно большим подножием центральной фигуры и маленькими пьедесталами, на которых лепестки лотоса направлены сверху вниз. Подобная орнаментация встречается на пьедесталах в Лунмэне, Дуньхуане, Майцзишане. Головы фигур очерчены тщательно проработанными нимбами в форме персика или овала. Во вторую группу включены скульптуры без нимбов, на пьедесталах с лепестками лотоса, направленными снизу вверх. Третьей группе соответствуют фигуры, окруженные по контуру нимбами в форме башен, пьедесталы отсутствуют.

Фигуры первого периода отличаются тщательностью гравировки, пропорциональностью линий, тонкостью орнамента, тогда как фигуры второй и третьей групп выполнены в более грубом статичном стиле, с нарушением пропорций. В третьей группе не прорисованы даже узоры на ткани и другие мелкие детали. Поэтому можно говорить, с одной стороны, о более тщательной проработке изображений сакрализованных исторических личностей, связанных с историей буддизма в Тибете, с другой стороны – о стремлении передать лишь общую композицию и внешний облик мифологических персонажей буддийского пантеона.

В целом внешний вид скульптур, представленных в пещерном храме Чалалуфу, можно описать следующим образом: полуобнаженные тела, задрапированные в короткие юбки до колен или длинные юбки до пят; некоторые бодхисаттвы, возможно, облачены в шаровары; широкие пояса закрепляют передники и шлейфы, ниспадающие с талии; иногда они богато украшены кольцами, ожерель-

ями, браслетами. Фигуры несколько наклонены вправо, точка опоры приходится на левую ногу. Такой стиль не характерен для китайской буддийской традиции, однако тесно связан с художественным стилем Гандхары, возможно, пришедшего в Тибет через Непал (хотя нельзя исключить и более «кружной» путь через Среднюю Азию). Наличие скульптур, изображающих учителей буддизма в Тибете (прежде всего Сронцзангампо) свидетельствует о заметном местном вкладе в формирование скульптурного стиля пещерного храма.

Дальнейшее изучение данного памятника позволит обогатить представление о культурных влияниях на формирование тибетской буддийской традиции, выявить местную художественную специфику.

А.В. Харинский, Г.В. Туркин, М.А. Федорин

*Иркутский государственный
технический университет, Иркутск*

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ II–I тыс. до н.э. СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Определения химического состава металлических изделий в археологических исследованиях имеют важное значение. Они позволяют выявить технологические приемы, используемые древними мастерами, проследить направление культурных и торговых связей, установить уровень развития общества. Последний тезис особенно важен при определении места, отводимого древнему сообществу, в технологической периодизации. Исходя из нее один из значительных этапов в человеческой истории именуется бронзовым веком и характеризуется использованием в хозяйственной деятельности металлических изделий с медной основой. Основываясь на принципах эволюционизма, он состоит из двух этапов – энеолита и непосредственно бронзового века. Первый из них характеризуется появлением в обществе вещей, изготовленных из меди, и преобладанием среди основных орудий труда изделий из камня. На втором этапе каменные орудия уступают место изделиям, изготовленным из сплавов, в основе которых была медь. Насколько закономерны такие представления о развитии древних сообществ и как они проявляются в отдельных регионах Евразии? Пытаясь ответить на этот вопрос, обратимся к материалам северного побережья оз. Байкал. К настоящему времени в этом районе уже известно не-

сколько археологических комплексов, содержащих медно-бронзовые изделия и имеющих абсолютную датировку.

Полевые работы последних лет существенно дополнили наши представления по археологии Северного Прибайкалья и позволили составить предварительную хронологическую схему развития культур этого района эпохи палеометаллов. Она состоит из трех периодов: 1 – 2-я половина III–II тыс до н.э.; 2 – I тыс. до н.э.; 3 – конец I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. С первым периодом к настоящему времени можно соотнести лишь одно изделие из металла, обнаруженное в погребении 5 могильника Красный Яр-I (Коростелев А.М., 1993), по которому имеется радиоуглеродная дата 3765±55 В.Р. (СОАН-4876) или с учетом калибровки XXIV–XX вв. до н.э. В захоронении обнаружены останки молодой женщины. Она покоилась в берестяном пакете, в положении вытянуто на спине, головой ориентирована на юго-запад. Правая рука погребенной была согнута в локте и отведена назад. На запястье левой руки находился медный браслет. Сверху часть скелета засыпана охрой.

Материалы второго периода представлены металлическими изделиями из пяти захоронений бутухейского типа – Байкальское-XXVII–8; Байкальское-XXXI–5, погребения в местности Курла №1–3. Трупопомещение характеризуется расположением умерших в неглубокой могильной яме под каменной кладкой в положении вытянуто на спине, ориентировка головой в юго-восточном направлении. Благодаря находкам бронзовых изделий (зеркал с полукруглой дужкой в центре, фигурных бляшек с развернутыми в противоположные стороны головами грифонов; кинжала с бабочковидным перекрестьем; клинообразного кельта) курлинские погребения датированы серединой или половиной I тыс. до н.э. (Шмыгун П.Е. и др., 1981). В погребении Байкальское-XXVII–8 обнаружены нож и крестовидная трубчатая ворворка из бронзы с остатками кожаных ремней (Харинский А.В., 2001, рис. 23). В захоронении Байкальское-XXXI–5 найдены нож, бляшки и обоймы (Харинский А.В., 2004). По нему получена радиоуглеродная дата 2370±45 л.н. (СОАН-4877), соответствующая с учетом калибровки VIII–IV вв. до н.э.

Самой представительной является коллекция металлических изделий из захоронений третьего периода. Она включает находки из погребений трех типов: плиточные могилы – Релка-I-1; Релка-I-2; бутухейские захоронения и поминальники – Байкальское-XXVII–12; Байкальское-XXXI–6–8; елгинские захоронения – Байкальское-XXVII–2; Байкальское-XXXI–1, 3. По части из них имеются радио-

углеродные датировки: Байкальское-XXXI-1 – 2130 ± 50 л.н. (СОАН-4100) (сер. IV–I вв. до н.э.); Байкальское-XXXI-8 – 2025 ± 75 л.н. (СОАН-4878) (конец IV в. до н.э. – начало II в. н.э.).

Образцы были исследованы рентгено-флуоресцентным методом. Для возбуждения флуоресцентных спектров использовалось синхротронное монохроматизированное излучение из накопителя электронов ВЭПП-3 (Сибирский центр синхротронного излучения, ИЯФ СО РАН). Измерения проводились в двух режимах: с энергией источника 42 и 26 кэВ. Качественную картину наличия элементов в изделиях дают флуоресцентные спектры. Для расчета абсолютных величин концентраций использован итерационный алгоритм способа фундаментальных параметров в приближении двукратного возбуждения флуоресценции. Концентрация Си определена с использованием внешнего стандарта (сравнение с образцом чистой меди), а всех остальных элементов — по методу внутреннего стандарта (относительно уже рассчитанной концентрации меди в образце). Полученные концентрации элементов в образцах нормированы так, что их сумма составляет величину $\sim 93\%$ (приблизительность здесь связана с тем, что проводилось несколько измерений, и среднее по ним взято после нормировки). Недостающие 7% отнесены на счет легких элементов, — не определяемых методом РФА, однако обычно присутствующих в медно-бронзовых артефактах, — серы, кислорода и др.

Как можно увидеть по материалам таблицы, содержание химических элементов в изделиях различно. У абсолютного большинства образцов в качестве основы выступает медь. Другими весовыми элементами, концентрация которых позволяет считать их искусственными присадками, являются олово, мышьяк, свинец и в одном случае сурьма и серебро (Релка-1–2). Металлические вещи, содержащие значительное количество мышьяка (5% и более) характерны для забайкальского металлургического центра, тогда как в Предбайкалье известна металлургическая рецептура с низким содержанием мышьяка в пределах 1,0–1,5% (Шмыгун П.Е. и др., 1981). Среди изделий, представленных в таблице, количество олова составляет 0,0–42,5%, мышьяка – 0,0–21,6%. По-видимому, значительная разница объясняется импортным происхождением изделий, причем из разных мест. К настоящему времени в районе северобайкальского побережья следов металлургии меди не зафиксировано, что также может рассматриваться на данном этапе исследований как свидетельство привозного характера изделий.

Таблица 1

Концентрации основных элементов в находках

изделие	Cu, % медь	As, % мышьяк	Ag, % серебро	Sn, % олово	Sb, % сурьма	Pb, % свинец	Bi, % висмут
Находки 2-й половины III–II тыс до н.э.							
<i>Красный Яр-I-5, браслет</i>	91	0,85	0,02	0,0	0,02	0,0	0,01
Находки I тыс. до н.э.							
<i>Байкальское-XXVII-8, нож</i>	84	8,45	0,18	0,0	0,15	0,5	0,33
<i>Байкальское-XXXI-5, подвеска №1</i>	78	12,0	0,63	0,02	0,05	0,5	0,03
<i>Байкальское-XXXI-5, подвеска №2</i>	75	14,87	0,62	0,0	0,07	1,77	0,04
<i>Байкальское-XXXI-5, подвеска №3</i>	45	0,0	0,11	42,5	0,10	5,10	0,06
<i>Байкальское-XXXI-5, нож</i>	87	3,36	0,37	1,3	0,46	0,76	0,03
Находки конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.							
<i>Релка-I-1, бляшка-пуговица</i>	88	3,0	0,12	0,05	0,14	0,05	0,04
<i>Релка-I-2, бляшка-пуговица</i>	63	21,6	2,4	0,06	2,25	3,7	0,5
<i>Байкальское-XXVII-2, бронзовый нож</i>	90	0,14	0,05	1,2	0,01	0,08	0,01
<i>Байкальское-XXVII-2, бляшка-пуговица</i>	88	0,8	0,17	0,1	1,2	3,0	0,09
<i>Байкальское-XXVII-2, бляшка-пуговица</i>	90	2,55	0,29	0,1	0,7	0,21	0,06
<i>Байкальское-XXVII-12, бляшка-пуговица №3</i>	83	3,1	0,1	7,2	0,07	0,4	0,05
<i>Байкальское-XXXI-1, бронзовая бляшка</i>	87	1,55	0,5	0,08	0,7	3,0	0,2
<i>Байкальское-XXXI-3, бронзовая бляшка</i>	59	4,24	0,24	27,4	0,40	1,49	0,11
<i>Байкальское-XXXI-6, бронзовая пуговица №1</i>	85	0,45	0,24	1,9	0,2	5,0	0,15
<i>Байкальское-XXXI-6, бронзовая пуговица №6</i>	87	5,23	0,03	0,0	0,03	0,22	0,02
<i>Байкальское-XXXI-6, бронзовая пуговица №13</i>	62	2,68	0,12	25,1	0,57	1,74	0,06

Другим итогом анализа можно считать практически полное отсутствие отличий в химическом составе предметов, принадлежащих к разным периодам. На наш взгляд, данный факт можно предварительно интерпретировать как отсутствие прогресса в технологии обработки руд и крайней продолжительности бытования предметов до их попадания в состав погребального инвентаря. Исключение составляет медный браслет, изготовленный, как показал анализ, целиком из меди. Казалось бы, он красноречиво свидетельствует о наличии в Прибайкалье особого периода, связанного с первоначальной обработкой металлов – энеолитом. Однако единичность находки не позволяет делать окончательных утверждений и требует проведения дальнейших исследований в этом направлении.

Исследования химического состава изделий из захоронений эпохи палеометаллов на территории Предбайкалья пока носят предварительный характер (Горюнова О.И., Павлова Л.А., 2003; Туркин Г.В., Харинский А.В., Федорин М.А., 2005). Но уже на данном этапе исследования ясно, что этап, называемый энеолитом, в Предбайкалье или отсутствовал или был непродолжительным по времени. Устойчивые рецепты сплавов на медной основе в течение II–I тыс. до н.э. так и не оформились. Возможно, это связано с поступлением металлических изделий на побережье Байкала из разных металлургических центров или вторичной переплавкой бронзовых изделий, сопровождавшейся добавкой новых ингредиентов.

И.В. Чечушков

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

ПСАЛИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ*

Относительная хронология культур конца среднего и позднего бронзового века Евразии является актуальной проблемой современной археологии и отдельно озвучивать аргументы в пользу этой мысли нужды нет. Одной из главных датирующих категорий инвентаря эпохи являются щитковые псалии. На основании их распространения многие исследователи делают попытки синхронизировать комплексы и культуры (Трифонов В.А., 1996). Изучение псалиев эпохи бронзы началось в 50–60-х гг. XX в., когда была сделана их атрибуция, а коллекция стала пополняться. Тогда же был заложен

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-8511а/У).

фундамент исследовательских направлений: типологического и реконструктивного.

Типологическое направление представлено солидным списком работ, который ежегодно растет. Большинство исследователей строили классификационные схемы на основании формальных признаков, несмотря на общее признание многофакторности процесса формирования типов псалиев (Смирнов К.Ф., 1961; Кузьмина Е.Е., 1994 и др.). Типологические признаки выделялись без соблюдения строгости научной процедуры классификации, а специфика псалиев, как деталей конского снаряжения, не учитывалась. Качественный скачок произошел в связи с появлением функционального подхода. Он представлен в работах В.А. Новоженова (1994), А.Д. Пряхина и В.И. Беседина (1998), И. Пыслару (2000) и исповедует принцип классификации с позиции реконструкции оголовья. Однако и этот метод также не реализовал весь свой потенциал, так как степень аргументированности реконструкций всегда оставалась, на наш взгляд, невысокой.

Настоящая работа посвящена публикации результатов изучения коллекции псалиев Урало-Казахстанских степей. Целью изысканий было построение типологии псалиев и выявление линий их эволюции. В этой связи решался ряд задач: сбора первичной информации; выделения признаков и их формализации; анализа полученной информации.

Мощным инструментом работы с систематически повторяющейся информацией является база данных, которая в свою очередь решает задачи каталогизации и формализованного описания. Основным принципом, которым мы руководствовались при выделении признаков, стал тезис о первостепенной значимости функции элемента, которая частично или полностью определяла его морфологию. В этой связи были проведены работы по реконструкции оголовья с псалиями и его апробации в работе с лошадью (Епимахов А.В., Чечушков И.В., 2004). По их результатам были определены функции элементов псалия и выделены количественные и качественные признаки. Для определения устойчивых сочетаний признаков использовался статистический метод. В качестве инструмента установления корреляции пар признаков, выделения ядер типов и способа статистической оценки силы связи применялся критерий Пирсона при коэффициенте $p < 0,01$.

Проведенная каталогизация выявила, что на территории Урала и Казахстана к настоящему времени обнаружено не менее

104 экз. псалиев, происходящих из 57 археологических комплексов, из которых нами изучено 87. Абсолютное большинство относится к синташтинской (47 экз.), петровской (24) и алакульской (16) культурам. По результатам статистической обработки был построен граф с исходным признаком «вариант культуры». Он выявил, что морфологические признаки распались на две неравные группы, между которыми наличествуют отрицательные, а внутри сильны положительные связи.

Первая статистическая группа образовалась вокруг варианта «синташтинская культура» и описывается следующим образом. В качестве материала для изготовления применялся рог (0,52), другие же материалы отвергались мастерами начисто (корреляция с костью и трубчатой костью – $-0,4$). Установить типичную форму щитка статистически не удастся, так как наиболее сильна корреляция с вариантами «не ясно» (0,32) и «щиток поврежден» (0,27), однако косвенные связи указывают на сегментовидную форму (38% псалиев). Это связано с тем, что псалии синташтинской культуры зачастую повреждены или фрагментированы (74,4% от общего числа). По соотношению размеров по осям X и Y синташтинские псалии тяготеют к выделенной нами размерной группе 2 (0,29), которая характеризуется пропорциональностью размеров. При этом размерная группа 1 (Y больше X) отрицается ($-0,5$). Планка коррелирует с вариантом формы «трапецевидная» (0,29) и отрицает вытянутую ($-0,4$) и треугольные ($-0,3$) формы. Зачастую планка перфорирована одним прямоугольным и несколькими круглыми отверстиями (0,35), снабжена зацепами. Шипы синташтинских псалиев, как правило, монолитные по конструкции (0,44), фигурные по форме (0,57) и строго равнялись четырем по количеству (0,68). Высота шипов составляет 10–20 мм (0,34). Трензельное (центральное) отверстие, как правило, округлой формы (0,29), усиленно валиком (0,68). Признак «повреждения трензельного отверстия» имеет связь с признаком «монолитные шипы» (0,33), что, как и неясная форма щитка, объясняется частой поврежденностью псалиев.

Вторая статистическая группа, построенная вокруг признаков «петровская культура» и «алакульская культура», гораздо более аморфна. Псалии петровской культуры напрямую связаны только с двумя признаками: отсутствием валика вокруг трензельного отверстия (0,45) и прямыми по форме шипами (0,36). Косвенно, через эти два признака, петровские изделия могут быть охарактеризованы так: в качестве материала избиралась трубчатая кость (при

сильном отрицании рога –0,3), они относятся к размерной группе 1, шипы имеют форму зубцов, а трензельное отверстие – прямоугольника. Ряд экземпляров из петровских комплексов близок по морфологии синташтинским, однако при статистическом анализе это является незначимыми отклонениями. Алакульские псалии характеризуются костью в качестве основного материала (0,52), округлым щитком (0,3), орнаментом (0,45), отверстием в иной плоскости (0,31), отсутствием шипов (0,49) и валика (0,23). Косвенно связана вытянутая форма планки.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. *Псалии синташтинской культуры* представляют собой достаточно монолитный, статистически значимый тип. Они являются сложным продуктом, характеризующимся рядом развитых технических признаков. Речь идет прежде всего о высоких фигурных шипах, предназначенных для управления лошадью и крепления капсуля; трапецевидной планке с хорошо разработанной системой крепления ремней; валике вокруг трензельного отверстия. Представляется, что эти элементы являются результатом длительного и достаточно сложного процесса эволюции, истоки которого еще предстоит уяснить. *Петровские экземпляры* в целом эволюционируют из синташтинских и хотя на поздних этапах принципиально изменяется материал, основные конструктивные элементы и технические решения остаются прежними. Алакульские псалии представляют собой нечто совершенно новое на фоне предыдущей традиции. Главными новациями являются вытянутая планка и отверстие в иной плоскости. Последнее, видимо, было заимствовано у племен срубной культуры, которые в свою очередь восприняли его от доно-волжских абашевских псалиев. Измельчение и исчезновение шипов связано с применением новых вариантов конструкции трензеля (кость? дерево?) и с изменением функции псалиев, которой становится распределение ремней оголовья.

Морфологические различия между псалиями эпохи бронзы обусловлены следующими факторами. **Функциональным** – это особенности использования псалиев в качестве средства управления лошадью и распределителя ремней оголовья. **Традиционным** – господствующими в сообществе представлениями о внешнем облике изделий. **Технологическим** – особенностями материала и способами изготовления псалия. **Спонтанным** – представлениями, навыками, способностями и возможностями конкретного мастера.

А.Я. Щетенко

*Институт истории материальной культуры,
Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ КЛАДА КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ДАЙМАБАДА (Индия)

Датировка клада, найденного в штате Махараштра на поселении Даймабад (Dhavalikar М.К., 1978, figs. 1–8), до сих пор остается дискуссионной. В составе клада четыре реалистично выполненные медные скульптуры: колесница, запряженная быками, стоящий возница, слон, носорог, буйвол (рис. 1). Возница – мужчина с солидным мужским достоинством в состоянии эрекции. У него небольшая голова с широким носом; волосы на затылке собраны в

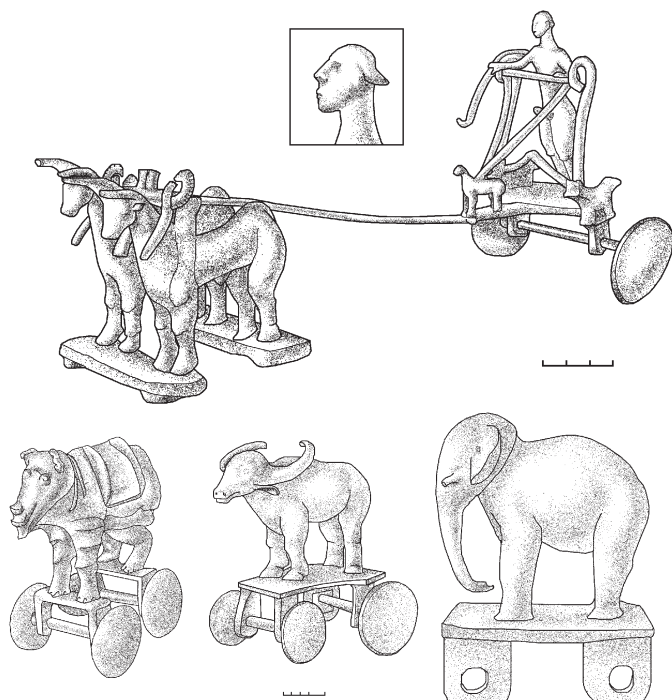

Рис. 1. Клад медных предметов из Даймабада

пучок; на животе – остатки проекции капюшона кобры, в руке – стрекало. Повозка украшена двумя парами стилизованных птиц; из передней – поднимаются перила, напоминающие головки змей; на передке – фигурка собаки. Все животные выполнены с сохранением пропорций изображаемых видов индийской фауны, представленных и на хараппских печатях. Сакральный характер клада не вызывает сомнений, о чем говорят конструкция повозки (перила в виде стоящих змей, птицы, кобра, колеса в форме соляных символов), состав «стада», итифаллическое состояние возничего и стрекало в его руке.

М.К. Дхаваликар, ссылаясь на наличие в Даймабаде позднехараппского слоя, рассматривает клад как творение хараппского мастера. Им не учитывается различие в ассортименте, технологии и химическом составе металла изделий клада и основной массы хараппских артефактов. Игнорируется стратиграфия поселения – более поздние слои энеолитических культур ЭПБ (Щетенко А.Я., 1968, с. 77–81). Эта эпоха в истории народов Индостана связывается с появлением арийских племен, религиозные представления которых реконструируются по данным Ригведы (РВ).

Три модели бронзовых колесниц из Хараппы и Чанху-Даро сопоставимы с даймабадской повозкой, но стратиграфически они относятся к постхараппскому времени. Примесь мышьяка, а не олова (признак хараппской металлургии) – характерная черта «бронз» халколита Северного Декана и медных кладов долины Ганга. Расточительное использование меди не типично для хараппцев, но сопоставимо с весом клада из Гунгерии и с большим числом предметов в Ганешваре (Щетенко А.Я., 2002б, с. 72).

Прототипом возницы М.К. Дхаваликар считает божество на печати 420 из Мохенджо-Даро, которое Дж. Маршалл, опираясь на «трехликость» бога, сидящего на «троне» в окружении животных, трактовал как самое раннее изображение прото-Шивы в облике Пашупати (Marshall J., 1931, p. 53–56). Однако трехликость божества – фикция: две пряди торчащих волос были приняты за носы. Нет трех ликов и на малых копиях йогов (Кнорозов Ю.В., 1972, с. 208). Самое раннее скульптурное изображение трехликого Шивы относится только к периоду Паллава (Волчок Б.Я., 1972, с. 265). Культ поклонения сексуальным символам, вероятно, не арийского происхождения. В РВ об этом говорится вполне определенно: «Он (*Индра*. – А.Щ.) пусть торжествует над врагом из изменчивого рода! Пусть членопоклонники не просочатся в наш обряд!» (VII,

21. 5). Брахма предшествовал ипостаси Шивы-Пашупати, и только в поздневедийский период на первый план выдвинулась созидательная функция Рудры-Шивы, и символом Шивы стал лингам (Щетенко А.Я., 2005).

Связующим звеном между верховным божеством протоиндийцев и Рудрой-Шивой мог быть один из богов РВ Пушан, характерной чертой которого была коса (IX, 67.12). Он – возлюбленный дочери Солнца, посол бога солнца Сурьи (VI, 58; X, 85). Ему приписывается большая мужская сила, его называют женихом своей матери и любовником сестры (VI. 55, 5), просят наделить девицами (IX. 67, 10–12). Пушан – покровитель скота, перемещается на колеснице, запряженной парой козлов или быков, погоняемых стрелалом; он охранитель дорог и кладов, провожает умерших по пути предков (X, 17). В этой ипостаси Пушан связан с царем преисподней Ямой. Возможно, хранителями преисподней уже в хараппское время были змеи (Кнорозов Ю.В., 1972, с. 194). В РВ они упоминаются часто, но только в АВ и ЯВ фиксируется их культ; в поздний ведийский период они сопровождают Яму. Голуби в поздних частях РВ трактуются как зловещие птицы, а в Агни пуране они уже спутники Ямы (Majumuria T.C., 1977, p. 147). В РВ собаки еще считались ритуально нечистыми, но об их сакрализации говорят поздние веды и пураны. Фигурка собаки на колеснице как бы указывает на ее священные функции: она помощница Ямы и сопровождает души умерших на небеса (X, 14. 10).

Можно предположить, что возникший является изображением бога Пушана (Щетенко А.Я., 2004, с. 71). У хараппских мужских статуэток, где сохранились руки или пенис, они опущены вниз. По мнению джайнов, это прототипы основателей их вероучения «*тиртханкаров*». Даймабадский возникший, вероятно, отражает иную религиозно-этическую функцию: он бог производитель со стрелалом в руке. Здесь уже присутствуют атрибуты Шивы (змеи) и Ямы (собака и голуби), что указывает на ведийско-брахманский период, выделяемый индийскими учеными по данным письменных источников (Лал Б.Б., 1984, с. 118).

Эта датировка подтверждается появлением в постхараппских комплексах сюжетов в росписи сосудов. М.С. Ватс трактовал сцену на одной из погребальных урн могильника «Н», как иллюстрацию ведийского мифа о путешествии души умершего на небеса, сопровождаемой Ямой и его собакой (Vats M.S., 1940, p. 234). По моему мнению, он не отметил птиц, представителей Ямы, а возможно,

и Пушана (персонаж между козлами), и Индру – быка-зебу с рогами, украшенными отростками-трезубцами – символами Индры, а позднее Шивы.

Интересны сюжеты на двух сосудах из Даймабада (культура Джорве). На кувшине, в верхнем регистре изображены олени, бегущие вправо, и мужчина в набедренной повязке; в нижнем – хищники, устремленные влево. Сцены разделены лентой, но наличие павлинов (упоминаются в поздних частях РВ) объединяет их в один сюжет. Напомним, что в Махабхарате бог Шива явился Арджуне в виде охотника (Томас П., 2000, с. 81). На дне чаши красуется пара в позе сексуального контакта, мистический смысл которого может пояснить РВ. Ученых смущает парадоксальность содержания строки, относящейся к матери Марутов: «Это она, Пришни, вложила зародыш ради могучего (Рудры)» (Х, 66. 3). К.Ф. Гельднер допускает возможность понимания Пришни как мистического объединения мужского и женского начал, известного уже в РВ и получившего развитие в индуизме (Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1995, с. 608). По одной из версий пуран, Брахма родился от Верховного Существа, когда оно соединилось со своей энергией – Майей. В индуизме единение лингама и йони олицетворяет символ *кунди* в виде фигуры мужчины-женщины Ардхаваришвары, означающей союз бога и его шакти. Вероятно, изображение на чаше из Даймабада отражает один из ранних этапов в развитии этого культа (Щетенко А.Я., 2002а, с. 477–478, рис. 5).

Итак, ведийско-брахманский период (XII–VIII вв. до н.э.) схемы Б.Б. Лала археологически соответствует промежутку от постхараппских слоев Даймабада (XIV–XIII вв. до н.э.) до финальных этапов Джорве (ок. IX в. до н.э.) и Инамгаона (VIII–VII вв. до н.э.). В этих рамках можно предположительно датировать создание скульптур Даймабада и их захоронение в кладе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-I – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 67–80.

Абдулганеев М.Т. Поселение Дмитриевская Грива // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 181–191.

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 128–134.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т. О компонентах сложения быстринской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 285–287.

Абдулганеев М.Т. Древности Троицкого района // Мое родное Большеречье. Барнаул, 2004. С. 9–23.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 2001. С. 64–68.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 50–78.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–36.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–90.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 103–130.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 272 с.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Приобья (итоги работ Средневожской археологической эк-

* Составлен на данных, присланных авторами статей.

спедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6–58.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Археологической Комиссии. СПб, 1916. Вып. 62. 92 с.

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.

Алаева И.П. Огненный культ у срубно-алакульского населения эпохи бронзы Южного Урала // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск: Универс, 1997. С. 36–37.

Алехин Ю.П. Древние горняки и металлурги юго-западного Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул: ВООПИК, 1986. С. 81–84.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай как горнометаллургическая область // Ползуновские чтения. Барнаул: ВООПИК, 1991.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 17–65.

Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 62–64.

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // Советская археология. 1973. №4. С. 160–168.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998.

Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004.

Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990.

Атлас Алтайского края. М., 1991. 36 с.

Беликова О.Б. Отчёт о полевых исследованиях Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции ТГУ 1990 года. Томск, 1991 / Архив МАЭС ТГУ. Д. 1095. 56 с.

Беликова О.Б. Перспектива исследования памятников неолита и бронзового века в Среднем Причудлымье (к археологической карте Томской области) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 7–35.

Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева // Советская археология. 1985. №1. С. 255–256.

Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 76–79

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992. 41 с.

Бобров В.В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1994. Вып. 1. С. 164–176.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.

Бобров В.В., Ширин Ю.В. Древняя история и археологические памятники // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы. Кемерово, 2003. С. 107–122.

Бородовский А.П. Культурные влияния и предметы древнего косторезного производства юга Западной Сибири эпохи железа // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 1992. С. 120–123.

Бородовский А.П. Уровень утилизации костного сырья как социально-экономический показатель // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997а. С. 15–18.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997б. 224 с.

Бородовский А.П. Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 23–26.

Бородовский А.П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катуні (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 197–200.

Бородовский А.П. Археологические параллели поясной гарнитуры угро-самодийских народов Приобья // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 22–24.

Бородовский А.П. Исследование некрополей гунно-сарматского времени на Нижней Катуні // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 207–209.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2002. Вып. 6. 207 с.

Бородовский А.П. Некрополи эпохи раннего железного века на правом берегу Нижней Катуні // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 149–150.

Бронзовые шан-чжоуские изделия, найденные в Эрланпо уезда Шилоу провинции Шаньси // Вэньу цанькао цзыляо. 1958. №1 (на кит. яз.).

В городе Фушунь провинции Ляонин найден иньский бронзовый нож с кольцевым навершием // Каогу. 1981. №2 (на кит. яз.).

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 7–79.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца 1 тысячелетия до н.э. – первой половины н.э. // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 185–291.

Ван Бинхуа. Несколько групп бронзовых изделий, найденных в Восточном Синьцзяне // Каогу. 1986. №10 (на кит. яз.).

Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи, 1996. 313 с., 199 с. каталог. (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям шелкового пути). Вып. 7).

Ван Бо. Чемурчек взньхуа чутань (Предварительное исследование культуры Чемурчек) // Каогу вэньу яньцзю. Сибэй дасюэ каогу чжуанье чэнли сыши чжоу нянь взньцзи (1956–1996) (Исследования по археологии и культурному наследию: Сб. ст., посвящ. сорокалетию факультета археологии Северо-Западного университета (1956–1996)). Ланьчжоу, 1996. С. 274–285.

Ван Жэнсян. Некоторые проблемы, связанные с культурой цюйгун // Сицзан каогу [Археология Тибета]. Чэнду, 1994. Т. 1.

Ван Линьшань, Ван Бо. Чжунго Алтай шань цаоюань вэньу (Культурное наследие степей китайского Алтая). Шэньчуань, 1996. 96 с.

Ван Сюань. Памятники двух типов культур эпохи бронзы – ранне-го и позднего – в районе города Фушунь // Вэньу. 1983. №9 (на кит. яз.).

Ван Юньган, Ван Гожун, Ли Фэйлун. Клад бронзовых изделий шанской эпохи, найденный в Фэнцзяцунь уезда Суйчжун // Ляохай вэньу сюэкань. 1996. №1. С. 51–55 (на кит. яз.).

Варенов А.В. Древнейшие кинжалы Китая // Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. Сер.: История, филология и философия. Вып. 2. 1987. №10. С. 34–41.

Варенов А.В. К датировке оружия, изображенного на оленных камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 26–35.

Варенов А.В. «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. Т. III. С. 170–175.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №3. С. 60–72. (Сер.: Археология и этнография).

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX. С. 289–293.

Варенов А.В. Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодаогоу и Янхэ с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004а. Вып. 2. С. 66–81.

Варенов А.В. Комплекс бронзового оружия из уезда Цзюньсянь и датировка «карасукских» ножей и кинжалов Северного Китая // Труды: XXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2004б. С. 10–24.

Варенов А.В. Комплекс бронзового оружия с «карасукскими» ножами из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун в Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004в. Т. X. Ч. 1. С. 205–210.

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Цзинцзецунь в Северном Китае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004г. С. 209–216.

Васильев Е.А. Молчановская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 99–101.

Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: ИА-ЦЦРИ РАН, 2002. С. 86–98.

Ведомости о деятельности поисковых партий, путевые журналы и опыты / ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 52.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Виноградов Н.Б. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.

Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнцеталика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: УрО РАН, 1996. С. 131–150.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелюк-I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Горно-Алтайск. 1999. Вып. 4. С. 31–41.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 3–8.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Волчок Б.Я. Протоиндийские божества // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов II. Proto Indica: 1972. М.: Наука, 1972. С. 246–304.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Гайдук И.М. Выявление микрорайонов неолитических племен методом петрографического и спектрального анализа // Методы естественных и технических наук в археологии. М., 1963.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000. 224 с.: ил.

Го Юн. Краткий отчет о находке шанских бронз в Хоуланьцзягоу уезда Шилоу // Вэньу. 1962. №4/5 (на кит. яз.).

Гобеджишвили Г.Ф. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 327–330.

Горюнова О.И., Павлова Л.А. Металлические изделия из погребений могильника бронзового века Курма-IX (оз. Байкал) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск: Изд-во ИрТГУ, 2003. С. 131–137.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов М. П. Карасукская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 29–39.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган скифского времени. Л.: Наука, 1980. 80 с.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1983. С. 3–18.

Грязнов М.П., Максименков Г.А., Пяткин Б.Н. Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Клышников-Комаров и К°, 1993. 527 с.: прил.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 2).

Дашковский П.К. Материалы эпохи бронзы и раннего железа из Новоалтайского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 130–133.

Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 183–185.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. С. 34–37.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхне-Чинетинский пещерный комплекс на р. Иня (Средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. 1. С. 59–62.

Дашковский П. К., Тишкин А.А. Социальная структура населения Горного Алтая в скифскую эпоху // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 49–76.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. Новосибирск, 1987.

Доклад об исследовании пещерного храма Чалалуфу // Вэньу. 1985. №9. С. 57–60.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.

Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 210–238.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1995. С. 487–525.

Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. 19 с.

Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 119–136.

Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Проблемы сохранения использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 76–77.

Елин В.Н. Культурно-хронологические аспекты изучения памятников гунно-сарматского времени Алтая, Южной Сибири, Монголии // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ИГИРА, 1997. С. 156–174.

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-Венгерский сборник. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1984. С. 35–39.

Епимахов А.В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис... канд ист. наук. Новосибирск, 1998. 38 с.

Епимахов А.В. Об «этнической преемственности» культур поздней бронзы в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2004. С. 53–56.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2004. №4.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Псалии: Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 39–45. (Археологический альманах. №15).

Завалишин А.Е. StarCalc // Интернет. Воронеж, 2002.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. №8. С. 61–78.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 21–43.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1988. 184 с.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: Дис. ... докт. ист. наук в виде научного доклада. Ижевск. 2002. 38 с.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: Челяб. гос. ун-т. 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 48–62.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // Советская археология. 1980. №3. С. 183–193.

Зданович Д.Г. Погребальный обряд и инвентарь погребений // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большешекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 2002. Кн. 1. С. 96–106.

Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд ист. наук. Екатеринбург. 2005. 23 с.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены-III. М., 1977.

И Маньбай, Ван Минчжэ. Синьцзян Кэрмуци гу муцунь фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о древнем могильнике в Кэрмуци, Синьцзян) // Вэньу. 1981. №1. С. 23–32.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–27.

Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995а. 28 с.

Иванов Г.Е. Вооружение и военное дело населения лесостепного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995б / Архив НИИ ГИ при АлтГУ.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. Вып. XIV. С. 66–72.

Иванов Г.Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005б. С. 44–58.

Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 89–95.

Иванова Е.П., Кунгуров А.Л. Исследование памятников древнего горного дела в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. IX. Ч. 1. С. 261–264.

Илюшин А.М. Отчет о полевых исследованиях Кузнецкой археологической экспедиции в 1994 году. Кемерово, 1994.

Илюшин А.М. Отчет о полевых исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2001 году. Кемерово, 2002.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году. Кемерово, 2003.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Жилище поздней бронзы на поселении Красная Горка-1 (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 1998. С. 110–112.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 15–53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменская керамика на археологическом комплексе памятников Торопово-4 (Касьминский археологический микрорайон) // Археологические микрорайоны Северной Азии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 44–48.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Торопово-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 199–201.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Ковтун И.В. Аварийные раскопки ирменских курганов у с. Шабаново // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 11–17.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995.

Инь-чжоуские бронзы, найденные в Шаньваньцзы уезда Кацзо провинции Ляонин // Вэньу. 1977. №12 (на кит. яз.).

История Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Ч. I. С. 34–58.

Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 18–19.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 21–36.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 230 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: ИА МН-АН РК, Куст. гос. ун-та. 1997. 180 с.

Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 39–50, 181–185.

Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 1994. С. 39–43.

Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 35–39.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 99–103.

Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследований археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 59–61.

Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б. Формирование культурно-хозяйственных типов в лесостепном Алтае в эпоху бронзы // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 64–67.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народов Южной Сибири, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 25–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катуни // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 80–84.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. 183 с.

Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 167–171.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 8–12.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 137–158.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 194–222.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Дергач – поселение эпохи поздней бронзы на озере Иткуль // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 150–151.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА. №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.

Кияшко А.В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 25–43.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. 268 с.: ил.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. 448 с.

Кляшторный С.Г. Центральная Азия в раннее средневековье // История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 74–159.

Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов II. Proto Indica: 1972. М.: Наука, 1972. С. 178–245.

Ковалев А.А. О происхождении оленных камней Западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138–180.

Ковалев А.А., Варенов А.В., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки кургана афанасьевской культуры Кургак-гови-1 // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатайулы С. Исследование чемурачских курганов в долине реки Алкабек // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки кургана №3 могильника Ягшийн ходоо в Булган сомоне Ховд аймака в 2003 году // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки чемурачских курганов в Булган сомоне Ховд аймака в 2004 году // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки чемурачских курганов в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака в 2004 году // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Варенов А.В. Раскопки курганов №1 и 2 могильника Ягшийн ходоо в Булган сомоне Ховд аймака в 2003 году // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печ.).

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М: Наука, 2003. 486 с.

Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994. 122 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 221 с.

Коростелев А.М. Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. С. 174–175.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Проблема культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн.1. С. 278–282.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань, 2004. 960 с.: ил. (Мир культуры, истории и философии).

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 164 с.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 314–336.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002а. 312 с.

Крадин Н.Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: ИА-ЦПРИ, 2002б. С. 109–128.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 212–213.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 84–92.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.

Кубарев В.Д., Кадилов Б.Х., Чевалков Л.М. Разведка по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 236–238.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемсин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмина Е.Е. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайонов андроновской культуры // КСИА. М., 1962. Вып. 88.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурно-исторической общности // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии UNESCO. М.: Наука, 1985. С. 24–45.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 463 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Изд-во Самар. пед. ин-та, 1992. 128 с.

Куликов Е.Е., Кирюшин Ю.Ф., Серегин Ю.А., Тишкин А.А., Полтараус А.Б. Результаты палеогенетических исследований (по материалам погребений младенцев на памятнике Березовая Лука) // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. 1. С. 216–224.

Кульбака В., Качур В. Індоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь, 2000. 80 с.: ил.

Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстрянской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 114–117.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники долины р. Харьковки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 99–103.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во. МГУ, 1960. 197 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с.: ил.

Лал Б.Б. Культура серой расписной керамики // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984. С. 101–126.

Ларин О.В. Некоторые итоги исследований на могильнике афанасьевской культуры Сальдяр // Алтай и тюрко-монгольский мир: тезисы, статьи. Горно-Алтайск, 1995. С. 120–123.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Ли Ци. О древних бронзовых изделиях, найденных в Сяотуне. Ч. 2: Лезвийные орудия // Чжунго каогу сюэбао. 1949. Т. 4. С. 1–69 (на кит. яз.).

Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань. Бронзовые изделия, найденные в Янхэ уезда Синчэн пров. Ляонин // Каогу. 1978. №6 (на кит. яз.).

Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Вэньу. 1962. №7/8. С. 103–108 (на кит. яз.).

Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Синьцзян каогу саныши нянь (Сорок лет археологии Синьцзяна). Пекин, 1983. С. 128–133 (на кит. яз.).

Ли Шуйчэн, Шуй Тао. Исследование бронзовых изделий культуры сыба // Вэньу. 2000. №3. С. 36–44 (на кит. яз.).

Липский А.Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 75–86.

Литвинский Б.А., Лубо-Лесниченко Е.И. Горное дело. Ремесло // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура. М., 1995. С. 7–105.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во Куйб. пед. ин-та, 1986. С. 57–80.

Лузгин Б.Н. Экономическая геология Русского Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 210 с.

Малов Н.М., Филиппченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. №4. С. 52–61.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // Российская археология. 2005. №2. С. 20–31.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–198.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 197–203.

Мамадаков Ю.Т. Исследования погребений могильника Кайнду // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 63–78.

Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры Евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196. (Археология СССР).

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 53–64.

Маркина Н.Т., Маркин С.В. Новые археологические памятники Горной Шории (по результатам полевого сезона 1979 г.) // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1985. С. 59–64.

Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976.

Марсадалов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. Л.: Искусство, 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.: Вичи, 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалив и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1998 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1998 г.: Тез. докл. СПб., 1999. С. 9–12.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2000. С. 228–233.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Типография, 2004. С. 69–85.

Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб.: Копи Р, 2000. 76 с.

Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1997 год. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 7–11.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II–I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН. 1998. 417 с.

Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005а. Вып. 1. С. 105–119.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005б. Вып. 2 (в печ.).

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск: Изд-во ТГУ, 1973а. Ч. 2. 210 с.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1973б. 116 с.: ил. (Из истории Сибири. Вып. 11).

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1974а. 195 с.: ил. (Из истории Сибири. Вып. 12).

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Приложения. Томск: Изд-во ТГУ, 19746. 42 с.: ил. (Из истории Сибири. Вып. 12).

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1: Еловский-I курганный могильник. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 62 с.: ил.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский-II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.: ил.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 135 с.

Мельник В.И. Памятники эпохи средней бронзы степного Поволжья и проблема связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. С. 23–27.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 92 с. (САИ. Вып. Д1–27).

Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. Кн. I. С. 132–141.

Мерц В.К., Ткачев А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино-II // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 34–38.

Митько О.А. Отчеты о работе Красноярского археологического отряда в 1998, 1989, 1991, 1993, 1998, 1999, 2004 гг. / Архив лаборатории гуманитарных исследований НГУ.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Могила Фу-хао на Иньском городище [Иньской Фу-хао му]. Пекин: Вэньу, 1980. 242 с. (на кит. яз.).

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине 1 тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. 196 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // КСИА. М., 1981. №167. С. 80–86.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Памятники бронзового века Северо-Западного Китая (в контексте внешних контактов) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 50–65.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 50–73.

Мочалов О.Д. О керамике бронзового века бассейна р. Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. С. 52–76.

Мошкова М.Г. Назначение каменных жертвенников и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеозоология, антропология и археология. М.: Наука, 2000. С. 201–205.

Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001.

Овчинникова Б.Б. Косторезное искусство древних тюрок Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: К столетию М.П. Грязнова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. Кн. II. С. 267–270.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980. 271 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Еланга (юг Горного Алтая). М., 1979. 137 с.: ил.

Описи рудников и приисков Алтайского округа с кратким их описанием. 1824–1847 гг. // ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36.

Отчет Алтайского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. За 1902 год. Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1904. 44 с.

Отчет Алтайского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. За 1903 год. Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1904. 58 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 209–213.

Полякова О.О. Типы астрономических планировок в археологических памятниках. Челябинск: ООО «Атоксо», 2003. 25 с.

Поселянин А.И. Отчеты об археологических раскопках Белоярского археологического отряда в 1991–1993 гг. / Архив археологической лаборатории НИЧ ХГУ.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая-II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. С. 274–278.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин-I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. Барнаул, 1992. С. 4–10, 156–160.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 26–30, 202–205.

Потемкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. 1982. № 169. С. 44–53.

Предварительный доклад о раскопках неолитического поселения Цюйгун // Каогун. 1991. №10 (на кит. яз.).

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи // Российская археология. 1998. №3. С. 22–35.

Пустовалов С.Ж. Курган «Тягунова могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum plus. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. №2. С. 296–321.

Пыслару И. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. №2. С. 322–345.

Пэй Юэцзюнь, Сюй Чжиги, Цао Гуйлинь, Чжоу Сянъюн. Отчет о раскопках стоянки Ваньлюцзе в уезде Факу // Ляохай вэньу сюэкань. 1990. №1. С. 31–41 (на кит. яз.).

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.

Резепкин А.Д. К интерпретации росписи из гробницы Майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. М., 1987. №192. С. 26–33.

Рейно А.В. Отчет о работе разведочной группы Средне-Чулымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1987 году. Томск, 1988 / Архив МАЭС ТГУ. Д. 982. 15 с.

Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике и дополнение рисунками Краеведческому музею. 1947 г. / ЦХАФ АК. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 67.

Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. 1980 г. / ЦХАФ АК. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 60.

Розен М.Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая XVII – начало XX веков. 1983 г. / ЦХАФ АК. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 49.

Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике // Советская археология. 1952. Т. XVI. С. 327–330.

Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Изд-во Алт. ун-та, 1983а. С. 19–23.

Розен М. Ф. Колывань и гора Змеиная. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983б. 96 с.

Розен М.Ф. Библиография Алтая. Барнаул, 1992. 180 с.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 267 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + табл.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 48–55.

Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 41–45.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал – Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 4–18, 161–172.

Савинов Д.Г. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 130–135.

Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 144–146.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 112 с.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. докт. истор. наук. Копия отчета. Л., 1987. 245 с.

Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы: По материалам Южного Туркменистана. М., 1981. С. 72–122.

Сальников К.В. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного // Советская археология. 1950. №13.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.

Се Дуаньцзюй. Гань-Цин дицзюй шицзянь каогу [Доисторическая археология Ганьсу-Цинхайского региона]. Пекин: Вэньу, 2002. 258 с., ил.

Семенов Вл. С. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 167–172.

Сергеев С.М. Дневник раскопок курганов в окрестностях с. Быстрянского (Тарханского) и Старо-Суртайского Старо-Бардинского района в 1932 г. / Архив БКМ. ДО. Ф. 2. Д. 6.

Сергеев С.М. Отчет о раскопках Ойротского Государственного музея в с. Старо-Суртайском Старо-Бардинского района Зап.-Сиб. края в 1934 году / Архив БКМ. ДО. Ф. 2. Д. 18.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1981. 152 с.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // Советская археология. 1961. №1. С. 46–72.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 162 с. (МИА. №101).

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука. 1977. 82 с.

Смирнов Н.Ю. «Плетеный узел» раннескифской культуры (орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 290–294.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Большой Толгаек // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 29–45.

Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.

Соенов В.И. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 337–340.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 169–171.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.

Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак в Нововаршавском районе Омской области в 1986 году / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. 1986.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 50–53.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 137–145.

Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. Вып. 6. С. 54–63.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Степанова Н.Ф., Чекрыжова О.И. Памятники эпохи энеолита и бронзы Горного Алтая и проблемы их изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 406–409.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматского время. М.: Наука, 1992. 493 с. (Археология СССР).

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты-1 // Советская археология. 1983. №1. С. 155–166.

Стоколос В.С. Существовал ли новокумакский горизонт? // Советская археология. 1983. №2. С. 257–264.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции Горно-алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы за полевой сезон 1984 года. Горно-Алтайск, 1985. 198 с.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1990 г. Горно-Алтайск, 1991. 52 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002. С. 177–184.

Тао Чжэнган, Лю Юншэн, Хай Цзиньлэ. Шанские могилы в Цзинцзецунь уезда Линши провинции Шаньси // Вэнь. 1986. №11. С. 1–18 (на кит. яз.).

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III. Вып. 2.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2.

Тереножкин А.И. Бронзовые кинжалы предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 121–125.

Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. С. 3–34.

Тетерин Ю.В. Отчеты об археологических исследованиях на юге Красноярского края в 1989, 1990, 1997, 1999, 2001 гг. / Архив лаборатории гуманитарных исследований НГУ.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №6. С. 107–115.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 1. (Труды гуманитарного факультета НГУ). С. 37–82.

Тихонов С.С., Ерохин В.А. Расселение жителей в южнотаежной полосе Среднего Прииртышья в начале XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. С. 245–252.

Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Археология, этнология. Улан-Удэ, 2002. С. 61–67.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.

Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НПГУ, 2005. Т. 2. С. 169–178.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследование археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 476–481.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 118–122.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003б. Т. IX. Ч. 1. С. 494–498.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края

// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 410–415.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 300–306.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм-ГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.; Ч. 2. 243 с.

Ткачев В.В. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 168–170.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Димур, 2000. Вып. IV. С. 27–54.

Томас П. Индия. Легенды, мифы и эпос Древней Индии. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.: ил.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология: Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. СПб., 1996. Вып. 1. С. 60–64 (Археологические изыскания. Вып. №37).

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 71–82.

Туркин Г.В., Харинский А.В., Федорин М.А. Химический состав металлических предметов могильника Шаманка II на южном Байкале // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 169–175.

У Жуцзо. Цинхай Цайдаму мэн ди Номухун, Балун хэ Сянжидэ сань чу гудай вэньхуа ичжи дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании памятников древних культур в пунктах Номухун, Балун и Сянчжидэ аймака Цайдам, Цинхай) // Цинхай шэн каогу цзыляо хуйбянь (Сборник материалов по археологии провинции Цинхай). Вып. 1 (1925–1979 гг.). Синин, 1996. 185 с.

Усачук А.Н. Технология изготовления стержневидных псалиев (на примере изделия из Деревки) // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. Киев; Воронеж, 1998. С. 77–81.

Федорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973а. С. 133–152.

Федорова-Давыдова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973б. С. 165–173.

Феноменов М.Я. Значение для областной этнологии мелкорайонного изучения истории деревни // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. СПб.: Алетея, 2001. 254 с.

Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия Томского университета. Томск, 1889. Кн. 1. С. 58–86.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 255 с.

Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в VIII–VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 31–42.

Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 88–91.

Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Хабдулина М.К., Рубе А.А. Кинжал раннесакского времени из Петропавловского Приишимья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 227–231.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В. Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.: по материалам могильника Байкальское XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 134–150.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 89 с.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 145–155.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 206–211.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция керамической посуды из могильника Усть-Эдиган // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 131–134, 227–228.

Хэй Гуан, Чжу Цзеюань. Клад шанских бронз, найденный в Яньтоуцунь уезда Суйдэ провинции Шэньси // Вэньу. 1975. № 2. С. 82–87 (на кит. яз.).

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э., Очирхуяг Ц. Монгол Алтайн Цаган Салаа, Бага Ойгорын хадны зураг дахь Үхрийн дҮрийн тухай // Археологийн судлал. Т. (I) XXI. 2003. Fasc. 1–16. Р. 16–42

Чекалин В.М. Минерально-сырьевые ресурсы юго-западного Алтая на службе человека в прошлом, настоящем и будущем // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 144–152.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1979. С. 7–30.

Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 112 с.

Черных Е.Н. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и др. // Советская археология. 1967. №1. С. 295–301.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // Российская археология. 2002. №1. С. 5–23.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик, 1973. 68 с.: ил.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 110–137.

Чжэн Шаоцзун. Группа бронз, найденная в Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй // Каогу. 1962. №12 (на кит. яз.).

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.

Членова Н.Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Бронзовый век на территории СССР. КСИА. М.: Наука, 1973. №134. С. 114–121.

Членова Н.Л. Четыре древних кинжала из Казахстана // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 34–40.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: ГЭ, 2004. С. 10–39.

Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 101–108.

Шанская стоянка Тайси в уезде Гаочэн. [Тайси Гаочэн шандай ичжи]. Пекин: Вэньу, 1985 (на кит. яз.).

Ширин Ю.В. Археологические памятники города Новокузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. Вып. 1. С. 10–45.

Ширин Ю.В. Глобальные изменения климата в Горной Шории по археологическим источникам // Шорский сборник. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1997. Вып. 2. С. 141–149.

Ширин Ю.В. Гибель историко-культурного наследия Горной Шории // Краеведение: Право на жизнь. Кемерово, 2004. С. 10–12.

Ширин Ю.В. Древности Беловского района: их историко-культурный потенциал, проблемы использования и охраны // Труды Кузбасской комплексной экспедиции: Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Кемерово, 2004. Т. 1. С. 374–388.

Шаринов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья. Ташкент, 1986. 136 с.

Шкурко А.И. Скифский кинжал из Днепропетровского музея // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 92–100.

Шмыгун П.Е., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П. Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 46–50.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН. 1999. 181 с.

Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 22–39.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 146–164.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с.Чеповш // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 86–89.

Щетенко А.Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л.: Наука, 1968. 164 с.: ил.

Щетенко А.Я. Культурное наследие древнеиндийской цивилизации // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002а. Т. I (XXVI). С. 453–487.

Щетенко А.Я. Клады первобытного Индостана // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002б. С. 70–74.

Щетенко А.Я. Первое скульптурное изображение ведийского бога Пушана // Изобразительные памятники: Стиль, эпоха, композиции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 65–72.

Щетенко А.Я. Прото-Шива или прото-Брахма: к интерпретации изображений на печатях Мохенджо-Даро // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: Археология, история, этнология, культура. К 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого: Мат. междунар. науч. конф. 2–5 ноября 2004 г. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005 (в печ.).

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 472 с. (Археология СССР).

Ян Сичжан. Краткий отчет о раскопках погребения М539 в Дасыкунцуне в Аньяне, провинции Хэнань, в 1980 г. // Kaogu. 1992. №6 (на кит. яз.).

Arnal J., Bailloud G., Riquet R. Les Styles Céramiques du Néolithique Français // Préhistoire. 1961. Т. XIV (Fascicule unique). 211 p.

Bailloud G., Mieg de Boofzheim P. Les Civilisations Néolithiques de la France dans leur Contexte Européen. Paris, 1955. 244 p.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva (Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002) // Eurasia Antiqua. 2003. Band 9. S. 113–162.

Dhavalikar M. K. Proto-Paśupati in Western India // East and West. Vol. 28. Rome: Istituto Italiano per Medio ed Estremo Oriente, 1978. P. 203–211.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht, 2004. P. 83–89.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. Т. V. 481 p., 15 map., 399 pl.

Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulurphänomen Xemirxek // Eurasia antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens. Band 5 (1999). 2000. S. 135–178.

Landau J. Les representations anthropomorphes megalitiques de la region mediterraneenne (3e au 1er millenaire). Paris, 1977. 150 c.

Majumuria T.C. Sacred and Symbolic Animals of Nepal. Kathmandu: Sahayogi Prakashan Tripureswar, 1977. 216 p.: ill.

Marshall J.(Ed.) Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. Being an Official Account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro Carried out by the Government of India between the Years 1922 and 1927. London: Arthur Probsthain, 1931. Vol. I–III.

Murphy E.M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 122–132.

Vats M.S. 1940. Excavations at Harappa. Being an Account of Archaeological Excavations at Harappa Carried out between the Years 1920 and 1933–34. Vol. I. Calcutta: Government of India Press, 1940. 488 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ (ранее **АГУ**) – Алтайский государственный университет, г. Барнаул

АККМ – Алтайский краевой краеведческий музей (ныне **АГКМ** – Алтайский государственный краеведческий музей), г. Барнаул

АН СССР – Академия наук Советского Союза

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт (ныне **БГПУ** – Барнаульский государственный педагогический университет), г. Барнаул

БЕ – Ближние Елбаны

БКМ – Бийский краеведческий музей, г. Бийск

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский института истории, языка и литературы (ныне Институт алтаистики им. С.С. Суразакова), г. Горно-Алтайск

ГИМ – Государственный исторический музей, г. Москва

ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР

ИАК – Известия Археологической комиссии

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР

ЛГУ – Ленинградский государственный университет (ныне Санкт-Петербургский университет)

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР

ЛЭП – линия электропередач

МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая при АГУ

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МИА – Материалы по археологии СССР

МЭ – Материалы по этнографии

НИИ ГИ – Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований

ТГУ – Томский государственный университет

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция

РА – Российская археология

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры

РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция

РЭМ – Российский этнографический музей (бывший Государственный музей этнографии народов СССР)

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ...	
<i>Глушков И.Г. Добрый человек</i>	<i>10</i>
<i>Из воспоминаний первого ректора Алтайского университета В.И. Неверова</i>	<i>14</i>
<i>Кунгуров А.Л. В разведках с шефом</i>	<i>16</i>
<i>Малолетко А.М. В дружбе и сотрудничестве с Ю.Ф. Кирюшиным</i>	<i>20</i>
<i>Тишкин А.А. Времена минувшие... ..</i>	<i>24</i>
<i>Шамшин А.Б. Возращение к истокам или воспоминания об иткульской эпопее</i>	<i>35</i>
АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	
<i>Абдулганеев М.Т. Курганы скифского времени могильника Суртайка-1</i>	<i>42</i>
<i>Беликова О.Б. Керамика эпохи бронзы из таежного Причулымья (юг Западной Сибири)</i>	<i>47</i>
<i>Бобров В.В. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина)</i>	<i>53</i>
<i>Бородовский А.П. Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири (по материалам археологии и этнографии)</i>	<i>58</i>
<i>Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол</i>	<i>62</i>
<i>Демин М.А., Ситников С.М. К вопросу о времени и причинах «обрабления» андроновских захоронений (по материалам грунтового могильника Чекановский Лог-10)</i>	<i>68</i>
<i>Иванов Г.Е. Два бронзовых кинжала раннескифского времени из степного Алтая</i>	<i>72</i>
<i>Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменские памятники в долине реки Касьмы</i>	<i>77</i>
<i>Кильдюшева А.А. Социовозрастные группы женщин по материалам Еловского археологического комплекса (ЕАК)</i>	<i>80</i>
<i>Кунгуров А.Л. Древние горные выработки в окрестностях с. Карамышево</i>	<i>84</i>
<i>Ларичев В.Е. Календарно-астрономическая таблица из Чичи (реконструкция систем счисления времени эпохи бронзы Западной Сибири)</i>	<i>89</i>
<i>Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) ..</i>	<i>93</i>
<i>Погожева А.П., Марсадилов Л.С. Курган №2 могильника Черный Ануй на Алтае</i>	<i>98</i>
<i>Поляков А.В. Гребни из комплексов карасукской культуры</i>	<i>102</i>
<i>Поселянин А.И. К вопросу об изчении таштыкских поминальников с остатками трупосожжений</i>	<i>111</i>
<i>Соенов В.И. Фортификационное сооружение Шибе на Чуге</i>	<i>116</i>
<i>Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая</i>	<i>121</i>

Тихонов С.С. Памятники эпохи бронзы, археологические микрорайоны, культурный слой и изучение системы расселения древних жителей Сибири	125
Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II (Горный Алтай)	129
Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в 1903 г.	135
Трифанова С.В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени	139
Уманский А.П., Шульга П.И. Находки из раннего быстринского кургана на могильнике Юбилейный-2	144
Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье	149
Ширин Ю.В. Горная Шория в ареалах культур эпохи ранней бронзы	155

ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИИ

Варенов А.В. К датировке северокавказских памятников Цинлунского типа с «карасукскими» ножами	162
Васютин С.А. Традиционные социальные системы кочевников	166
Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии	169
Калиева С.С. О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей	173
Ковалев А.А. Чумовский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии	178
Комиссаров С.А. О выделении культуры Сыба (Западная Ганьсу, КНР)	185
Кубарев В.Д. Оригинальные и традиционные сюжеты из Хар-Чуллу (Монгольский Алтай)	187
Логвин В.Н. Могильник Токонай-1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников	190
Мартынов П.В. Позднеэнеолитическая культура Цюйгун в центральном Тибете	194
Полякова О.О. Звездное небо грота Акбаур	197
Сотникова С.В. К вопросу об алакульском обряде трупосожжения	201
Тимолянова Н.А. Изображения пещерного храма Чалалуфу (Тибет)	204
Харинский А.В., Туркин Г.В., Федорин М.А. Химический состав металлических изделий из погребений II-I тыс. до н.э. северного побережья озера Байкал	208
Чечушков И.В. Псалы эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей	212
Щетенко А.Я. Проблема датировки клада культовых предметов из Даймабада (Индия)	216
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	220
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	248

Научное издание

ЗАПАДНАЯ И ЮЖНАЯ СИБИРЬ В ДРЕВНОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

На обложке представлены находки эпохи энеолита, бронзы и раннего железа (без масштаба), опубликованные Ю.Ф. Кирюшиным, а также вместе с соавторами в различных изданиях. Фотоснимки сделаны А. Мосиным и А. Тишкиным.

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 15.09.2005. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 400 экз. Заказ 177.
Издательство Алтайского госуниверситета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66.
Типография Некоммерческого партнерства «Аз Бука»:
656099, Барнаул, пр-т. Красноармейский, 98а.